

РЕЧЕ

РЕЧЕ



45

1992

45

Вече

Независимый русский альманах

45

Двенадцатый год издания

Главный редактор О.А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e.V., 1992

**Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не всегда выражают мнение редакции**

СОДЕРЖАНИЕ

Восстановить историческую справедливость. Обращение представителей русской эмиграции	5
И. ШАФАРЕВИЧ. «Это катастрофа, в которую вложено очень много и сознания, и понимания, и конструкции»	11

Трибуна "Вече"

Э. Оганесян. Комментарий в 100 строк	13
И. Злободневный. Заметки на злобу дня	21
Ю. Речкалов. Народ начал осознавать себя	29
С. Волков. Сохранить Белую идею	33

На путях возрождения

В. Тростников. Батюшка Серафим и возрождение России	39
К. Ковалев. Что было - то не прошло	54

Проблемы России

Д. Балашов. Еще раз о Великой России	68
--------------------------------------	----

Литература и жизнь

Евтушенко в Японии, в "борьбе против коммунизма", и в действительности. Беседа Хироши Кимура с Е. Евтушенко	94
Е.В. Баловень судьбы или баловень режима?	117
И. Есаулов. Уроки одного юбилея	121

По следам наших публикаций

И. Шафаревич. Русофобия: десять лет спустя	134
М. Назаров. Если уж на то пошло... О масонах, еврейском вопросе и радио "Свобода"	181

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

В. ЗАВАЛИШИН. Памяти В.Д. Самарина 206

НАМ ПИШУТ

Сохранить наши силы: надежда на молодежь 212

Кому краснеть за Жириновского? 216

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

О. КРАСОВСКИЙ. Откуда есть пошли русские "ди-пи"? 217



Поздравляем сердечно

*читателей и
друзей
альманаха «Вече»*

*со светлым
Праздником*

ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА!

Редакция «Вече»

Восстановить историческую справедливость

*Обращение представителей русского зарубежья
к Российскому парламенту
в связи с 75-летием Февральской революции*

75 лет назад в России произошла национальная катастрофа, последовательными этапами которой были Февраль и Октябрь. К власти в нашей стране пришли люди, чуждые ее традициям. Но возникшая в результате этого взрыва русская эмиграция, какой бы малой она ни была, три четверти века стремилась защищать за границей российские национально-государственные интересы и духовное призвание России. Это вело к постоянному конфликту русского Зарубежья как с коммунистическими поработителями нашего Отечества, так и с антирусской политикой влиятельных кругов Запада.

Сейчас наступает время, когда осознать и защищать свои национальные интересы должна сама Россия. Поэтому мы хотим поделиться своим опытом и просим депутатов Российского парламента поставить перед политиками Запада и отделившихся республик следующие вопросы, откровенное обсуждение которых мы считаем абсолютно необходимым для преодоления всего наследия революции и для оздоровления межгосударственных отношений в общемировом масштабе.

1. Если коммунистическая власть была преступна и незаконна - с чем мы все согласны - то можно ли признать законными результаты ее правления, в частности, искусственные, ранее не существовавшие границы

между различными частями прежнего Российского государства?

Для привлечения национальных окраин большевики проводили эти границы щедро-произвольно, без уважения к истории страны и даже к ее древнему истоку, "откуда есть пошла русская земля" - в расчете на близкую мировую революцию и на "отмирание наций". Но сегодня это - мины замедленного действия (их множество, между самыми разными республиками), что ставит под угрозу стабильность во всем мире. Нам кажется, что обезвредить их можно, лишь исходя из безупречной правовой основы: состояния до революции 1917 года. Это не значит, что мы призываем реставрировать империю в старых границах. Но только на надежном юридическом фундаменте преемственности, учитывая волю населения спорных территорий, можно определить прочные границы России и отделившихся от нее государств, не подрывая понятия справедливости.

2. Нельзя, однако, не видеть, что такому подходу мешают серьезные причины, которые делают невозможным даже проведение честных референдумов (Украина тому наглядный пример). Прежде всего потому, что в значительной части западной советологии и в сепаратистской пропаганде ответственность за преступления тоталитарного режима традиционно возлагается на русский народ. Одним этот тезис был нужен для создания удобного облика врага, другим - для расчленения России по большевистским границам, а нынешним перекрасившимся в национальные цвета номенклатурщикам в республиках - для "независимости" своих старых структур власти...

Но разве не доминировали именно нерусские в руководстве революционных партий и в первом большевистском активе? Разве не было в первые годы советской власти повсеместных восстаний русского населения? Разве не безжалостные к народу интернациональ-

ные карательные войска (численностью около 250.000) сыграли решающую роль как в подавлении этих восстаний, так и в гражданской войне? Не есть ли сама революция в России плод работы интернациональных сил - как в области идеологии (марксизм), так и в деле конкретной помощи революционерам? Даже масонские и еврейские энциклопедии свидетельствуют о большой роли "сильных мира сего" (международной финансовой олигархии от банкира Я. Шиффа до лорда Мильнера) в разрушении православной России. Недалековидное финансирование Германией пораженческих партий и сепаратистов - лишь наиболее известный фрагмент этой тайной войны.

Как христиане мы сознаем, что на главном, духовном уровне революция 1917 года - плод нашего собственного греха: значительная часть народа, и прежде всего наша интеллигенция, дала увлечь себя на гибельные пути. Задача преодоления этого греха остается важнейшей по сей день. Но нельзя забывать, что на политическом уровне действовали и мощные иностранные силы, воспользовавшиеся нашей временной слабостью. Не следует ли поставить вопрос об их доле ответственности за получившийся результат?

3. Этот вопрос тем более уместен, что руководители западных демократий вели себя предательски и по отношению к освободительной борьбе нашего народа. Достаточно напомнить, что страны Антанты предали свою союзницу по Первой мировой войне - Россию и русскую Белую армию (ибо Уолл-стрит поддерживал большевиков уже с 1917 года), а после Второй мировой войны лидеры демократий выдали на расправу Сталину миллионы противников коммунистического режима, в том числе тысячи старых эмигрантов.

4. Борьбу против коммунистического режима в СССР Запад начал лишь в годы "холодной войны", но в ней ставилась цель не только идеологическая, но и

геополитическая: расчленить Российское государство независимо от его общественного строя.

Официальное подтверждение этому - так называемый "Закон о поработанных нациях" (P.L. 86-90), принятый в 1959 году единогласно Сенатом США, Палатой Представителей и утвержденный президентом Эйзенхауэром. В этом законе русский народ не включен в число поработанных коммунизмом, но назван поработителем Китая и Тибета, Украины и Белоруссии, "Казакки" и "Идель-Урала". Их борьбу против русских Соединенные Штаты официально обязались поддерживать. Можно привести множество доказательств, что теми же целями и сегодня руководствуется американское радиовещание на Россию (специальная радиопрограмма уже нацелена на "деколонизацию" и отделение Сибири).

Было множество протестов русской эмиграции против этого закона. Но даже осенью 1991 года в Конгрессе США провалилась попытка отменить его. Так что на него вполне могут ссылаться устроители погромов против "русских оккупантов" в некоторых республиках, в том числе погрома юридического (лишения гражданских прав), который идет в дружно признанных демократическим миром государствах Прибалтики.

К сожалению, сегодня никто не спрашивает, за чью вину расплачиваются эти миллионы несчастных людей. Но парламент России мог бы поставить перед ООН хотя бы такие вопросы: как прибалтийская система апартеида совмещается с международными документами о правах человека? По каким границам США намерены отделять "Казаккию", "Идель-Урал" и соответствует ли закон P.L. 86-90 нормам международных взаимоотношений?

5. Все это мы пишем не ради обличения Запада, где мы живем и где есть не только противники России, но и друзья. Однако, бывают времена, когда нужно быть предельно откровенным - независимо от того, понравится это кому-то или нет. Мы решили обратиться с

этим письмом, потому что обеспокоены повторением в России прежних ошибок Февраля: нигилистической эйфорией демократической интеллигенции, ее неумением различать на Западе друзей и врагов, ее заискиванием все перед той же международной финансовой олигархией - вместо того, чтобы укреплять здоровые силы собственной страны.

На фоне вышесказанного мы призываем всех к трезвому размышлению над такими вопросами:

Имеют ли право западные лидеры выступать в роли нравственных учителей и судей по отношению к нашему народу?

Можно ли российскому правительству полагаться на западные образцы демократии в деле подлинного возрождения России?

Могут ли новые независимые государства надеяться, что вышеописанные западные круги, не уважающие прав и национальных ценностей одного (в данном случае русского) народа, способны уважать национальные ценности как таковые и искренне защищать, а не эксплуатировать, народы малые? (Над этим вопросом все чаще задумываются и в Западной Европе...)

Можно ли вообще создать справедливое мировое сообщество наций без восстановления исторической справедливости в отношении всего происшедшего с Россией в XX веке? Или же "новый мировой порядок" заключается в окончательном узаконении этой цепи предательств, стоивших жизни десяткам миллионов людей?

Русская эмиграция постоянно ставила эти вопросы в странах своего проживания. Но силы были неравными. Мы находили понимание у простых людей, но никогда - во влиятельных кругах. До сих пор на Западе во всех этих вопросах господствует дезинформация. Настало время, чтобы они были осознаны руководством России и от ее имени доведены до сведения западной общественности, которая тоже мало знакома с подлинной истори-

ей XX века и с методами действий своих руководителей. Мы призываем наших единомышленников в зарубежье и на родине – и прежде всего депутатов Российского парламента (для них прилагается список некоторых источников информации) – вынести наше обращение на широкое обсуждение.

Восстановление истины – в интересах не только России, но и всего мира. Причем речь идет не только о справедливых границах и о разрешении политических конфликтов в атомной державе. Дореволюционная Россия развивалась в важный духовный полюс подлинно вселенского сообщества народов, отстаивающих духовную цель цивилизации. Мы убеждены, что лишь восстановление этого полюса может спасти мир от грозящих ему опасностей.

Февраль 1992 г.

Священник *Николай Артемов* (секретарь Германской епархии Русской Зарубежной Церкви), *И. Беликов* (проф. международных отношений Буэнос-Айресского университета, сотрудник дирекции Восточноевропейского отдела аргентинского МИДа), *С. Беликов* (юрист, предс. Оргкомитета VII Всезарубежного съезда русской православной молодежи), *В. и С. Беликовы* (Аргентина), *Е. Вагин* (бывш. политзаключенный, сотрудник итальянского радио RAI), *Е. Вертлиб* (литератор, член американского Пен-клуба), *В. и Л. Князевы* (основатели Св.-Николаевского Общества христианского возрождения России), *В. Коссовский* (член Конгресса Русских Американцев), *О. Красовский* (главный редактор журнала "Вече", председатель Российского Национального Объединения в Германии), *М. Назаров* (публицист, член редколлегии журнала "Посев"), *Е. Раевская* (Швейцария), *А. Рытиков* (представитель журнала "Вече" в США и Канаде), *В. Семенова* (член правления РНО в Германии), *С. Солдатов* (бывш. политзаключенный, руководитель издательства "Ост-Вест Ренессанс") и др.

И. Шафаревич

**«Это катастрофа, в которую вложено
очень много и сознания,
и понимания, и конструкции...»**

Мне страшно, что за шелухой слов и часто сознательной дезинформации мы порой не чувствуем всей катастрофичности ситуации, в которой находится наша страна.

Вот сейчас три человека решили ликвидировать страну, которую каким-никаким плебисцитом, но народ поддержал. Кто теперь не будет этого повторять, этому подражать? Это будет обвал, лавина "суверенитетов". И пострадает из-за этого, конечно, наиболее уязвимой будет - Россия. Потому что на Украине есть, например, закон, который запрещает сепаратистскую пропаганду, карает ее заключением до 10 лет. В России ничего подобного нет. Более того, все помнят, как нынешний президент России предлагал суверенитет кому угодно: "сколько сможете переварить, товарищи".

Сейчас это действие в Беловежской пуще сравнивают с путчем, это распространенное сравнение. Мне кажется, шире: все, что происходит сейчас в стране - это путч, то есть правление вопреки воле народа. Потому что наших правителей мы выбирали по их программам, а то, что делается - противоположно этим программам. Ведь все же помнят, как будущий президент России говорил, что ему известны *три* пути выхода из кризиса без понижения жизненного уровня, он клялся бороться с коррупцией и мафией. Никто не обещал нам нищеты, голода и разрухи. И эти люди прекрасно понимают, как народ относится к их делам. Не случайно

недавно мэр Москвы напомнил народу, что на случай беспорядков имеется и артиллерия, и авиация!

Во всех вопросах, касающихся России и русских, будь то Прибалтика, где русских унижают, говорят им прямо: "вы - никто!", где похищают русских граждан и вывозят их в тюрьму, как Парфенова; или Приднестровье, где русских убивают, расстреливают, насилуют; или когда отдаются русские святыни, такие, как Севастополь - всегда политика и Союзного и Российского правительства была принципиальна и едина: *предательство русских интересов.*

Это страшно было слышать, как на сессии Верховного Совета СССР председательствующий затыкал рот всем, кто хотел говорить о положении в Приднестровье: "Не знаю такой республики, лишаю вас слова". "Не надо разжигать страстей!" Значит, расстрелами не разжигают страстей; а говорить о них - вот это разжигает страсти... А когда звучало русское слово, когда говорили представители России - лучше бы этого не слышать. Все мы несколько дней назад слышали, как глава России спокойно отдал пять коренных русских областей, почему-то подаренных Сталиным и Лениным Казахстану - так, будто дарили червонец из своего кошелька.

Я думаю, то, что происходит - это не просто катастрофа; это не случайная катастрофа. Это катастрофа, в которую вложено очень много и сознания, и понимания, и конструкции. Я согласен, что каждый из этой команды, правящей сейчас, члены которой все время только немного меняются ролями, - что каждый из них достоин звания почетного немца, почетного американца, почетного израильтянина; быть может, в будущем - почетного японца. Но думаю, что русский народ будет вспоминать их, как Батыя или Гришку Отрепьева. Если только после их правления русский народ вообще сохранился.

(Выступление в программе "Телевизионная Служба Новостей" 26 декабря 1991 г.)

Э. Оганесян

Комментарий в 100 строк

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн...

Пушкин (Арион)

Все мы плыли в огромном океанском лайнере, которому были не страшны ни волны, ни встречные корабли, потому что волны разбивались о мощный корпус лайнера, а встречные корабли осторожно уступали дорогу. С внешней стороны ничто не предвещало гибели.

Но внутри корабля было темно и холодно и каждый из нас, кто как мог, пытался повесить лампочку и отоплить холодные каюты. Все мы хотели свободы, которой не было на нашем огромном корабле. Это была наша родина, моя родина, хотя я армянин. В Москве, в Ленинграде, в Минске и Днепропетровске я был как дома и не давили на меня только за то, что я армянин. Но неуютно было в этом доме, ибо не висели лампочки и не грели печи. И неуютно было всем, а русским и того хуже.

Никто из нас не смеет сегодня рассказывать сказки о том, что это русские отнимали нашу свободу и что им жилось лучше нашего.

Все мы были одинаково несвободны, и отнимала у нас свободу советская власть, в которой активно орудо-

вали представители всех национальностей и, к слову сказать, нерусские орудовали с большим энтузиазмом и жестокостью. Но вот начали зажигаться лампочки Горбачева и в радиаторы кают стал поступать пар. Мы приобрели долгожданную свободу и всем нам казалось, что теперь мы сможем повести наш лайнер к действительно счастливому будущему. Не тут-то было!

Все мы как ошалелые попрыгали с огромного лайнера в шлюпки, которые стали нашей собственностью, но не поплыли, поскольку никто из нас плыть не умел, а просто, как щепки, стали биться о борт корабля. И никого не смущало то, что всем нам грозит оказаться на дне океана. Лучше утонуть в собственной лодке, чем плыть с другими, - рассуждали "демократы", никого при этом не удивляя. За несколько тысячелетий истории не мы первые и не мы последние, которые тонули, так и не научившись плавать. И все же, что с нами происходит?

Личный помощник вице-президента России Александра Руцкого генерал-майор Стерлигов на Всеармейском офицерском собрании отметил, что "В результате пренебрежения российскими интересами Россия оказалась в границах Брестского мира, в который ввергли страну большевики. Единое государство разрушено, русский народ беззащитен, армия разваливается".

Предположим, что только российские интересы пренебрежены и только русский народ остался беззащитным. Кто же должен его защищать? Может быть, армяне, которых режут и выселяют из собственной страны азербайджанцы? Может быть, осетины, киргизы, украинцы?

Пройдет пара десятилетий, и русские историки (если они еще будут) о сегодняшних днях напишут, что вопреки желанию 150 миллионов русских пришли "злые люди" и разрушили их страну. А нерусские историки (они-то наверняка будут) напишут, что ничего удивительного в этом нет, ибо русские со времен Ивана Грозного и раньше проявили себя как рабы. Нас свиде-

телей сегодняшних событий, тогда уже не будет, поэтому я хочу оставить свое свидетельство сегодня.

Мы все тянулись к свободе, и после 70 лет страданий она была нам дана. Эту свободу мы не завоевали, а получили в подарок из рук команды Горбачева. Потом, действительно, пришли "злые люди" и оболванили нас идиотской идеей, что независимость важнее свободы, и начался парад независимостей. О свободе забыли, она никому больше не была нужна, ибо она оздоравливала, а не разрушала страну. Это мы с вами забыли о свободе, читатель, это нам с вами она больше не нужна. Это нас с вами "злые люди" повели к одной заветной цели: разрушению государства. Никого уже не смущало, что независимые Азербайджан, Грузия, Молдова и все другие отнимают свободу у национальных меньшинств своих независимых государств. Зачем смущаться, ведь независимость важнее свободы!

Горбачев метался из стороны в сторону, пытаясь спасти государство, но он был уже в клетке у "злых людей", и государство рухнуло на глазах у 150 миллионов русских. Эти равнодушные к своей исторической судьбе русские не вышли на улицу с кличем: "Вставай страна огромная..." Так кого же мы будем винить спустя 30 лет, когда русские в очередной раз окажутся под пятой "злых людей"?

Кто они, эти "злые люди"? Кравчук, Гамсахурдия, Ельцин, евреи, масоны, армяне, американцы - какая разница? Всегда найдутся силы, которых не устраивает существование огромного российского государства. Но ведь должны найтись и защитники собственного государства! Самый элементарный политический расчет показывает, что ни одной из бывших союзных республик развал государства не выгоден. Но республики этих расчетов не производят, опьяненные идеей независимости, а русские смирились с развалом государства, опьяненные идеей избавления от груза нерусских. И как же не пасть в очередной раз русской государственности, если того желают сами русские.

Комментарий к комментарию

В комментарии Э. Оганесяна бросается в глаза утверждение, с которым мы не можем согласиться: будто *русские* – "равнодушны к своей исторической судьбе", "смирились с развалом государства".

Принимая *нашу* сторону и возмущаясь возможной в будущем концепцией о том, как «вопреки желанию 150 миллионов русских пришли "злые люди" и разрушили страну», – Э. Оганесян упрекает нас в равнодушии к *своей* исторической судьбе; причем, согласно логике его рассуждений, "пренебрежены" не одни чисто российские интересы, и защищать *общие*, не свои только, интересы обязаны... именно русские.

Слов нет, ответственность наша велика, но за 1000 лет существования нашего Государства мы, русские, никогда не снимали с себя бремя этой исторической ответственности. Что касается последних 70 сатанинских лет – не просто "неуютно" было нам на родной земле, но были мы *первыми* жертвами сознательного, дьявольски спланированного ГЕНОЦИДА. И поистине, "нерусские орудовали с большим энтузиазмом и жестокостью", периодически срезая лучшие головы в каждом поколении, свирепой идеологической дрессировкой стараясь "воспитать" из нас в этом тоталитарном заповеднике послушных роботов-рабов. *Этим* прежде всего объясняется обескураживающая русская пассивность и видимое наше "безразличие", какие обнаружались в последние годы. Такого не было еще полстолетия назад, в годы 2-й мировой войны, когда русские – прежде всех (что бы ни говорили и ни писали *сейчас* неблагодарные потомки) защищали далеко не только себя, жертвуя собой, *как никто...*

Причины нынешней пассивности русских и в том, о чем пишет Шафаревич в "Русофобии": в непрерывном

давлении сначала КПСС, затем "малого народа" на наше национальное самосознание. Сегодня это давление выражается в культивировании у нашего народа чувства вины на коммунистический режим. Берутся чисто формальные моменты: что коммунисты, начиная с войны, пытались опираться на русских как на самый многочисленный народ, используя его тело в целях коммунистической унификации. Или что часть русских патриотов пошла на компромисс с властью. На этом всем умело играют те самые "злые люди", о которых пишет Оганесян: они искажают проблему и провоцируют у нерусских чувство ненависти к русским. Русский же народ, в своем нынешнем неинформированном состоянии, с "демократическими иллюзиями", еще не осознал разрушительного воздействия западной пропаганды, которая убеждает, что развал "империи" - неизбежный "прогресс". К тому же, после десятилетий коммунистической лжи о Западе, значительная часть народа, и особенно интеллигенция, питает иллюзии на помощь "хорошего Запада", что тоже ведет к пассивности. А ведь интеллигенция - нервная система общества - она-то и оказалась сейчас в полном расстройстве. Кроме того: прозападная "пятая колонна" в среде этой интеллигенции, пользуясь огромной пропагандной поддержкой западных средств информации, дипломатии, финансов - захватила в свои руки ключевые посты в стране; тогда как подлинным русским патриотам шло постоянное и сильное противодействие в этом отношении.

Вместе с тем эта пассивность имеет еще один не такой уж пассивный аспект: русский изоляционизм. В эти семь позорных десятилетий происходило непрерывное (и колоссальное!) перекачивание средств из российского бюджета в "республиканские". Это вело не только к возникновению у наших "младших братьев" представления о России, как о "дойной корове", но и к все чаще высказываемому русскими желанию избавиться "от груза нерусских". Конечно, никакого пресловутого

"шовинизма" нет здесь и в помине, а обнаруживается скорее воля и желание самим решать судьбы *своей* страны.

И далеко не исключено, что "встанет", наконец, внутри России "русская национальная диктатура" - о необходимости которой в таком положении писал И.А. Ильин. Если от нас хотят действительной помощи и дальновидно и мудро думают при этом о целостности общего нашего Государства - что продемонстрировал в своем комментарии наш давний друг и автор "Вече" Эдуард Оганесян - придется вполне сознательно согласиться на такую *русскую национальную диктатуру*: только она, в созданном темными силами хаосе и беспорядке, способна возродить *Россию в единстве*, от чего, безусловно, выиграют не одни русские. - *Ред.*

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
Germany

... И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг - "Народы бывшей России, расчленийтесь!", - то откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие "бразды правления", погасит этот губительный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия...

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится... водоворот погромов и смуты, "Мальстрем нечисти"..., тогда отдельные части ее начнут искать спасения в "бытии о себе", то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши "добрые соседи"; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом "самоограждения", "замирения", "водворения порядка" и т.д. Вспомним 1917-1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали "революционно-опасными", а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот "добрые соседи" снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение "концессий", расхищение военных запасов, *одиночный, партийный и массовый подкуп*, организацию наемных сепаратистских банд (под названием "национально-федеративных ар-

мий"), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить "новый порядок" посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

... Для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно - о пан-европейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова "Россия" и заменяя его описательным выражением - "страны, расположенные к востоку от линии Керзона". Мы тогда уже отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия - не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ. Этот народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

И.А. Ильин. "Что сулит миру расчленение России".
(«Наши задачи», статьи 1948-1954 гг.)

Ив. Злободневный

Заметки на злобу дня

Что происходит с Россией?

Сегодня этим вопросом не может не задаваться каждый русский человек, русским себя чувствующий, Россией болеющий. И сразу же, неизбежно, возникает другой вопрос: а много ли сейчас русских, русскими себя чувствующих?

Мы привыкли смотреть на все сквозь призму нашей литературы, которая, собственно, и воспитывала в нас русскость. И хотя великие наши писатели приучали нас любить народ, искать в нем последнюю правду - сама приобщенность к литературе, к культуре породила в нас некое интеллектуальное высокомерие, оторвала нас от корней народных. Особенно - в советское проклятое время, хотя нигде еще, пожалуй, не говорили столько о "народной интеллигенции", о прекращении рокового раскола между народом и интеллигенцией. Ведь все было поставлено с ног на голову, все здоровое - развращено, все лучшее - уничтожено. И о русскости вспомнили разве что в момент самый критический для антинародного режима, положив на его спасение миллионы русских жизней - с тем, чтобы, едва оправившись от чудовищной войны, начать слагать гимны "новой исторической общности", в которой русскому элементу предлагалось раствориться уже окончательно. И надо сказать, преуспели. Потому ли, что лучших, генофонд нации, "выбили" с самого начала и потом аккуратно "снимали" прораставшие, несмотря ни на что, национально-русские ростки в каждом поколении? Или какая-то роковая порча была наведена на нас (на образованный слой - это уж точно)? Вот и приходится теперь спрашивать себя: много ли нас, русских? Не среднестатистических, а - думающих, мыслящих по-русски,

русской болью болеющих? И это составная часть главного вопроса нынешнего: что происходит с Россией?

Происходит нечто страшное - в этом нет сомнения. Одно чтение ежедневной прессы убеждает в этом, а если проехаться по России... Безграничная нищета и бесконечное унижение. Есть ли из этого какой-то выход? Можно ли еще спасти Россию? - спросил недавно один из последних, быть может, наших национальных мыслителей?

В чем же это страшное заключается? Распад великой державы, происходящий на глазах у всех, конечно, явление катастрофическое, уникальное по своим масштабам. Хотя ощущения некоего священного ужаса - как это было, видимо, при падении германского Третьего Рейха - это не вызывает, не пробуждает в памяти звуков ни Р. Вагнера, ни нашего Скрябина. Ибо распадается, разлагается - в точном смысле слова - все же не Россия, не Российская империя - пусть такое подразумевается и даже прямо выговаривается (с нескрываемой радостью) многими. Российскую империю сокрушили более семидесяти лет тому назад, забывать об этом нельзя. Распадается и рушится "империя" коммунистическая, то есть коммунистическая ненавистная система, чему не может не порадоваться любой патриот, не только русский. И возрождение России фениксом из этого пепла, на этих развалинах, мы, русские, должны были бы только приветствовать с восторгом и энтузиазмом. Но такого возрождения - сколько бы ни говорилось о "духовном" ренессансе (обертывающимся какой-то злой карикатурой) - нет. При том, что возрождаются - действительно и стремительно! - самые малые народы и чуть ли не племена. Но - не русский народ. Вот это - страшно. Ибо ожидали - иного, надеялись - на другое...

Оскорбительно-парадоксальным образом, едва ли не единственной "творческой" идеей, какую, оказывается, могут предложить в нынешней ситуации патриоты,

болеющие Россией, предстал сейчас национал-большевизм. Рассуждают примерно так: да, марксизм, коммунизм - идеология антинациональная и антирусская по преимуществу; но в России, на протяжении семи десятилетий и в результате жесточайших испытаний произошло "перерождение" этой идеологии в русском национальном направлении. Россия "переварила" марксизм, и коммунизм в ней начал принимать национальный характер; произошло обрусение этой изначально чуждой нам идеологии, она стала вполне приемлемой, ее пытаются даже "совмещать" с традиционным Православием. Переродилась будто бы сама компартия, в которой первое место заняли русские (славянские) элементы и которая тем самым превратилась, мол, в силу национальную, стала самой значительной в стране структурой, разрушение которой грозило крушением всей державы. Что и произошло на наших глазах в самое последнее время. Поэтому-де, следует стремиться к "реставрации", к восстановлению "здоровых сил" (первой такой, запоздавшей безнадежно попыткой было создание РКП) - ибо лишь они в состоянии нормализовать положение, восстановить порядок (!), обеспечить дальнейшее развитие. Дело доходит до того, что двусмысленный августовский "путч" объявляется неудачной героической попыткой, а его бездарные устроители - героями и мучениками.

Понять такой несложный ход рассуждений нетрудно, может возникнуть даже соблазн согласиться с отдельными "частностями". Но такое согласие, принятие этой позиции - ведет к окончательной уже и бесповоротной гибели России и русскости. Это - полная капитуляция перед издыхающим коммунизмом, или, точнее, перед той силой, одним из выражений которой был коммунизм...

Приходится поражаться тому, что в наше время, в наши дни - после гигантского обвала десятилетиями монтировавшейся коммунистической системы (такого

масштаба не могли предвидеть и сами режиссеры "спектакля века") - находятся люди, будто замороженные инстинктом самоубийства, которые продолжают твердить о неизбежной победе... социализма. И где эти люди? - в России! Русские?..

Трудно сказать, насколько русским является товарищ М.С. Горбачев - и считает ли он сам себя русским. В статье для французской газеты "Либерасьон" (18.2.92) он уверенно пишет о том, что-де погибла и похоронена *сталинская* "модель" социализма, которая и с самого начала была лишь "ересью". А вот "идея социализма" - живет вечно, она ищет новых путей для реализации. "На Востоке, как и на Западе, сознательно или бессознательно, все мы (!) движемся в направлении нового типа цивилизации, и наши старые системы мышления нуждаются в радикальном изменении" - так примерно звучит "кредо" вчерашнего генсека КПСС в обратном переводе на русский язык...

Что ж, Горбачев остается верен себе - даже после вынужденного отречения от коммунистического идола. Но вот, в последнем номере газеты "Правда" за прошлый год (31.12.91) вчитываемся с недоумением в статью под названием "Куда движется человечество". Автор - Вадим Кожин, которого именуют сегодня одним из идеологов "русского движения". И что же? Все тот же мотив, все та же музыка: "победа" социализма - "неизбежна, неотвратима". В. Кожин, подчеркнем еще раз - лидер российского патриотического движения - в своей статье, написанной в форме "письма тем, в чьих руках сохраняется власть", предупреждает о крайней необходимости сохранения того, что еще совсем недавно называли завоеваниями социализма: "Цель этого моего "письма" проста: призвать тех людей, которые сохранили (!) сегодня в своих руках какую-то власть, всерьез задуматься о последствиях решительных нынешних попыток "отменить" социализм..." И это - после того, как двумя абзацами выше автор поминает "бесконечно уважаемого мною И.Р. Шафаревича, который в своем

труде "Социализм как явление мировой истории" утверждает, что в социализме воплощается своего рода воля человечества к самоубийству..."

М.С. Горбачев и В.В. Кожинов - люди, в сущности, одного поколения. Быть может, разгадка - именно в этом? Быть может, как ни жестоко это звучит, в проклятой нашей истории последних десятилетий целому поколению (а если - не одному?!) было суждено, пользуясь бессмертными словами Лермонтова, пройти бесплодно и бесследно,

не бросивши векам ни мысли плодovitой,
ни гением начатого труда...

В самом деле, взгляните только на эти (самые настоящие, не только по числу!) армии: "научных работников" ("гуманитариев" прежде всего, если не исключительно) - одаренных академическими степенями за "работы", одни названия которых сегодня звучат непристойно; "писателей", "журналистов", "кинематографистов" (то есть - членов жизненно обеспеченных, соответствующих "творческих Союзов") - чьим "творениям" место разве что в той "кунсткамере смеха и страха", какую следовало бы создать в назидание потомкам; не говоря уже о самой откровенной нечисти - партийных и комсомольских "работниках", пользовавшихся (и еще как!) статусом "трудовой интеллигенции". Вот где страшно-то... Конечно, самые ловкие успели "перестроиться" в самом начале, менее поворотливые - приспособляются "в процессе демократических перемен". А вот наиболее "идейные", с самолюбием и самомнением (смердяковского типа)? Как знать, не самые ли они - дальновидные и сегодня? И не оплатится ли им их рабская верность "идеалу" - социалистическому - еще при жизни?! И - опять - за счет чьих-то (наших, быть может) жизней?

*

Эпоха гласности разверзла уста многим самородным мыслителям в нашем отечестве. Уже нет надобности обладать громким именем или занимать высокую номенклатурную должность, чтобы поведать граду и миру откровения, немыслимые еще недавно. Разумеется, чтобы высказаться в "большой" печати, надо пройти пробу на демократичность - а уж потом, совсем по Достоевскому: кто кого дерзостнее... скажет.

Вот, например, в газете "Известия" от 13.12.1991 (теперь даже не знаешь точно, чей это "орган", разве что по тону статей да фамилиям журналистов угадываешь) некто Ф. Материкин поделился с читателями своими соображениями, озаглавленными так: "Всемирное правительство - реальная необходимость". Не более, не менее! Правда, читающая публика, которая следит за этими материями, не то чтобы совсем уж была не подготовлена к рассуждениям такого рода. Покойный академик Сахаров уже внушал соотечественникам мысль о необходимости и неизбежности "общемирового руководства" - тогда это была мысль еретическая, но тем охотнее воспринималась она теми, кто жаждал истины. На заре "перестройки", приучая советского человека к "новому мышлению", через авторитетнейшую газету "Правда" (15.1.1988) поведали народу, что "мировое сообщество управляемо" - так и не открыв, однако, кем (не подлило ли это маслица в костерок зловердных слухов о "жидо-масонском заговоре"?). Наверняка, были и специальные публикации в специальных изданиях уже совсем для "специалистов" - по вопросам "пересмотра международного порядка". Важно, во всяком случае, что идея, как говорили, "пробила дорогу к массам". И вот, судя по всему, рядовой - как все мы - гражданин, с такой же заурядно звучащей российской фамилией, Материкин, просто излагает свое личное мнение ("по моему мнению" - пискнул он где-то в ходе рассуждений поистине глобального масштаба). Личное это мнение расположено на газетной полосе прямо под редакционной статьей - "Резолюцию ООН по

сионизму пора отменить" и рядом с апологетической статьей Михаила Гефтера "Выше голову!", посвященной "дню памяти А.Д. Сахарова", с таким оптимистически-трагическим заключением: "Сдается, что и существовал он потому, что не мог не существовать"...

Гражданин Материкин никаких Америк не открывает и сам это смиренно признает: "Как известно (!), идея создания постоянного всемирного правительства была впервые около полувека назад высказана А. Эйнштейном, однако в то время некоторыми сталинскими "учеными" и политиками она была объявлена несвоевременной, утопической и даже реакционной". Да, действительно, было такое - несвоевременные мысли в ту эпоху не поощрялись. Правда, если быть логичным, места для благородного негодования не остается: *тогда* - были "несвоевременными", *теперь* - время созрело настолько, что в принципе любой Материкин может рассуждать об этом; только вот и сегодня, пожалуй, те же "Известия" несвоевременных *ныне* мыслей - печатать не будут. Что и видим постоянно в материалах, так или иначе затрагивающих "русский вопрос".

Материкин глобально шагает дальше: "жизнь" - "со всей ясностью подтверждает правоту" идеи Эйнштейна, а "народы" - "все больше надежд возлагают", естественно, на ООН и согласованные действия ее лидеров. И еще - "на сугубо добровольной основе" (разумеется, ведь перед нами сугубо демократический проект) - "внедрение (!) в обиход всех народов мира (!)... единого международного языка". Будьте спокойны, не русского, разумеется; какого - узнаете в свое время...

Но здесь, пожалуй, может возмутиться нашей иронией и наш читатель: что же тут плохого, в "добровольном согласии лидеров мира", в "их действиях, направленных на свое спасение, на свое выживание"? Кто-нибудь непременно добавит: да пусть лучше "всемирное правительство", чем Ельцина и Бурбулиса - больше порядка будет, хоть накормят... А кто-то потоньше

добавит: вот, уже и свобода слова не нравится, своего мнения высказать не дадут...

Нет, отчего же - если оно свое. Но, кажется, ничего своего - русского, национального, чего естественно было бы желать в российской газете, тут и следа нет, как не заметно и тени какой-то особой оригинальности. Просто в "демократических" кругах сейчас стало модно (потому как и легко чрезвычайно) думать и писать - "наоборот": что когда-то считалось или называлось "несвоевременным, утопическим и даже реакционным" - сейчас сходит за откровения самого высокого класса и передовой направленности.

И уже не удивляешься, а только вздыхаешь, когда все в тех же "Известиях" в юбилейном материале о Пушкине читаешь такое: "Пушкин был масоном. Он гордился своей принадлежностью... На самом деле масонское движение было... стремлением создать религию чистого разума..." И в "Памятнике", оказывается, знакомом со школьных лет, "снова провозглашаются масонские идеалы". И все это славословие "космополитизму" - с брезгливым отталкиванием от "новоиспеченных (?) русопятов" (см. номер от 10.2.92).

Бедный Пушкин, бедная Россия, бедные - мы... Нет ли вот в этом всем - поистине глобальной угрозы нам, русским, в первую очередь?

Народ начал осознавать себя

Лукаво-сознательная аберрация политического зрения новоявленных водителей общества в нашем посттоталитарном хаосе поражает. Кажется, всем мало-мальски сведущим в элементарной политологии, обладающим здравым рассудком и развитым нравственным чувством должно быть совершенно ясно, что именно безнациональная левая идея вскормила коммунистический большевизм, который в свою очередь разрушил национальную Россию. Не может большевизм одной стороной быть хорошим, другой – менее хорошим, а третьей – совсем плохим. Он со всеми своими потрохами – одно большое свинство. И когда левые доказывают, что изначальные идеи, заложенные в коммунизме, отвечали жизненным реалиям, но были извращены практикой, негодными исполнителями, они, тем самым, все переворачивают вверх ногами.

Именно и прежде всего псевдорелигиозная доктрина, утопичная по самой своей сути, пытавшаяся воплотиться в действительность – для чего закономерно и необходимы всеохватные насилие, ложь и обман (а как иначе химеры облечь плотью?) – и является главной причиной бед, постигших нашу страну. Еще в памяти широкомасштабная и изощренная кампания левых, пытавшаяся под лживым предлогом восстановления объективной истины реабилитировать бухариных, тухачевских, раскольниковых и прочих палачей русского народа. Бандит уничтожает другого бандита – какое дело до всего этого мирному населению? Более того, играющие в либерализм коммунисты были еще гадливее, чем откровенные палачи, так как сеяли иллюзии в возможность трансформации коммунистического режи-

ма, в то время как в силу своей изначальной лживости, своей "потусторонности", он должен быть отброшен одним махом. В сущности, произошло то, что и должно было произойти - наступил рассвет после 73-летней ночи и все нетопыри и вурдалаки сгнули, оставив после себя зловоние разложения, и еще долгие годы придется проветривать страну, чтобы окончательно очистить атмосферу.

Расхожая истина, что в августе 1991 года был похоронен коммунизм. Это правда, но не вся. В шахматах есть золотое правило: не доверяй очевидным ходам. Чуть ли не в самый изначальный момент свершения августовской революции она пошла не в том направлении, какой уготовили ей закулисные кукловоды. Не стала эта революция лево-радикальной, но выявила очень мощный подспудный заряд народный, патриотический, национальный. И сдается, что идеологи демократической "левой" были поражены и шокированы, когда осознали, что под лозунгами демократии, которые становились все более очевидны своей эгоистичностью, расплывчатостью и вместе с тем истеричностью и слабостью, невозможно сохранить стройность рядов своих сторонников.

Другими словами, как раз вот эта противоречивость, двойственность августовских событий и предопределила, с одной стороны, разброд и шатание в стане демократов, а с другой - мощное стремление правых к объединению. Правые государственники стали, наконец-то, свободными в выработке политических концепций, покончив с пустой иллюзией использовать КПСС-ные структуры в деле возрождения России. И кроме того, был нанесен удар по граничащей с паникерством "женской" концепции о некоей хрупкости России, следование которой отдавало заведомо козырные карты в руки наших политических противников. Если после 73-летнего геноцида русского народа, после тотальной попытки уничтожения русской государственности Россия, несмотря ни на что, жила и дышала, сдавленная тоталитар-

ным обручем, то о какой хрупкости и слабости может идти речь? Едва ли другой народ мог справиться с подобным катаклизмом, если к тому же учесть, что в разрушении России приняли самое активное участие и внутренние силы, водителем и вдохновителем которых был орден космополитичной антигосударственной интеллигенции.

Победа той или иной идеи и сил, стоящих за ней, определяется наличием органических слабостей в противоположном лагере. Не имманентно и трансцендентно политическая идея могущественна, а лишь в той степени, в какой она способна воздействовать на противостоящую сторону и вырывать из нее целые группы своих последователей. В этом отношении левая демократия находится в заведомо проигрышном положении. Крах коммунизма в России обрушил и фундамент, на котором он функционировал. На кого левым опереться в российской истории? На белинских с чернышевскими, на плехановых с бакуниными? Только при одном условии могла бы сыграть мускулатура левого радикализма: если бы коммунизм вызывал ненависть, а не смех и омерзение. А так, что ж, место их - на свалке истории.

И стало до прозрачной ясности очевидно, что не удастся перевести августовский процесс в революционную вакханалию, в которой только и можно надеяться на полную победу, целью которой было бы окончательное закрепление уже фактически перераспределенных власти и богатства. У левых остался единственный шанс овладеть монопольной властью: это над всем державным правым лагерем взвить или черное знамя фашизма, или красное - большевизма, или, смешав эти два цвета - коричневый штандарт красного фашизма. Именно с этой целью был разыгран шумно-театрализованный шабаш вокруг "Памяти" и выпускаются на арену комичные жириновские. Все для того, чтобы в зародыше дискредитировать здоровую национальную идею.

Но еще Н.Я. Данилевский вывел формулу, поразительно актуальную, непосредственно относящуюся к нашим дням, что "национальный характер постоянно одерживает верх там, где приходит в столкновение с интересами политической свободы". И если не только в республиках бывшего СССР, но уже и внутри России подняты национальные знамена, то в заведомо невыгодное положение хотят поставить русский народ, которому космополитичная интеллигенция пытается всучить худосочный выппел псевдодемократии.

И все же у нас прорвалось то, что может стать решающим фактором в преодолении духовного кризиса в стране. Это проснувшееся народное чувство неожиданно ностальгической, жертвенной и в чем-то болезненной любви к Родине, России-матери. Уже на площади перед российским парламентом, в памятные августовские дни это чувство, многие десятилетия задавленное чугунной плитой интернационализма, вырвалось наружу. И оно скандировало не "Да здравствует демократия, свобода, равенство и т.д.", а - "Россия! Россия!".

Народ начал осознавать себя. Он интуитивно понял, что прежде всего нужно восстановить, воссоздать Россию, а потом уже возможны такие добавления, как демократия и все прочее. Прежде всего должна быть обретена Родина. Только за Родину можно драться не щадя живота своего, только во имя Родины идут на жертвы, совершают подвиги. Это святое чувство связано с тем одухотворенным началом, что делает человека человеком, которого можно убить, но поставить на колени нельзя. За спиной у него Россия, униженная, избитая до полусмерти, но уже встающая во весь свой грозный рост.

Челябинск, февраль 1992 г.

Сохранить Белую идею

Россия переживает ныне величайшую драму в своей истории, исход которой может навсегда похоронить надежды на возрождение былого величия страны. За освобождение от ига коммунизма России пришлось заплатить небывалой потерей территории и экономического потенциала, такой потерей, которая выводит ее из категории великих держав. И, по-видимому, процесс распада еще не кончился, чаша унижений еще не испытана до дна.

Был ли такой оборот событий неизбежным? Сепаратизм созданных большевиками "республик" можно было предотвратить, если бы на смену коммунистам пришли патриотические силы, уничтожившие партократическую систему и социалистический строй, но сохранившие целостность страны. То есть такие силы, которые исповедовали бы идеалы Белого дела.

Однако так называемое "патриотическое движение" в стране оказалось неспособно выдвинуть и отстаивать эту единственно правильную линию. Оно не только не выступило с самого начала как сила, оппозиционная КПСС и советскому режиму, но, напротив, встало на позиции сотрудничества с коммунистами. В результате "патриоты" не были восприняты общественным мнением даже как самостоятельная сила, а лишь в качестве подголосков партократии и, естественно, потерпели на выборах полное поражение.

Эта позорная для людей, именующих себя "русскими патриотами", позиция связана прежде всего с их качественным составом. После того, как в ходе гражданской войны был уничтожен руководивший страной культурный государственно-мыслящий слой, для

которого идея Великой Единой и Неделимой России была естественным и единственно возможным политическим принципом, люди, способные отстаивать патриотизм такого толка, остались только за границей в лице части эмиграции.

В Совдепии же формирование подобных убеждений было делом крайне трудным. "Патриоты", возвращенные советским строем, как правило, либо оставались убежденными коммунистами, исповедуя некоторую "ересь" по отношению к ортодоксальному ленинизму - национал-большевизм, либо оказывались не в состоянии подняться выше примитивного узколобого национализма. Не обладая ни достаточным интеллектом, ни образованием (уровень советской интеллигенции известен), ни должным понятием о российской культуре и государственности и за редкими исключениями не связанные генетически со старым культуросносным слоем, они могли только упорно цепляться за "родную" партию, надеясь, что она перевоспитается в духе национал-большевизма, или требовать "русской республики" - наравне с нацменьшинствами.

К тому же абсолютное большинство руководителей и видных деятелей "патриотического движения" составляют выходцы из научно-литературного окружения партийной номенклатуры. Почти все они состояли в КПСС и сохраняли ей верность вплоть до ее запрета. Красное засилье в движении многократно усугубилось тем, что и коммунистические адепты самой чистой пробы по мере крушения своего режима стали также перекрашиваться в патриотов, хватаясь за эту соломинку, чтобы остаться на плаву. При этом они распространяют "версию", согласно которой нападки на КПСС были вызваны именно тем, что она, якобы, стала "патриотической" (хотя не будь угрозы ее господству - ни о каком патриотизме партия бы и не вспомнила).

Следствием такого настроения является широко распространившаяся в последнее время в "патриотической" среде теория о том, что, оказывается, "не было ни бе-

лых, ни красных, а одни только русские люди". Таким образом, русские патриоты, сражавшиеся за Великую Единую и Неделимую Россию, ставятся на одну доску с ее погубителями, слугами III Интернационала. И это-то кощунственное утверждение представляет собой вершину нынешней "патриотической мысли"! Впрочем, идеологи национал-большевизма во главе с Э. Володиным утверждают даже, что это именно большевики в гражданской войне были патриотической силой.

Весьма характерно, что в период красного господства вопрос об установке памятника "и белым, и красным" никогда не возникал, а вот теперь он был поставлен именно таким образом: "и - и". Пока красные были в силе, ко всем проявлениям "белого" были беспощадны, а после краха - согласны помириться... Поблагодарить их, что ли, за это? Между тем, по всей стране продолжают возвышаться памятники только красным "героям гражданской войны", и новая власть, вроде бы свергнувшая власть красную, вовсе не торопится их убирать или хотя бы дополнить памятниками настоящим героям России - белым воинам. Даже мерзкое капище первопреступника продолжает осквернять главную площадь страны. Так что же, в таком случае, представляет собой новая власть с точки зрения защитника исторической российской государственности? На этот вопрос тоже недурно было бы попытаться ответить, прежде чем выражать неумеренные восторги по ее адресу.

Ни раздающие российские территории, признающие "независимость" окраин "демократические власти", ни попрятавшие партбилеты "патриоты" - как бы ни пытались они примазаться к российской государственности, какие бы реверансы в сторону эмиграции ни делали - не годятся на роль правопреемников исторической России. И неприятие ими Белой Идеи демонстрирует это как нельзя лучше. Невозможно принять ее иначе, как отрицая полярную ей идею красную (во всех ее проявлениях - от расчленения страны на убудочные республики до советско-социалистического порядка), а

именно этого ни "демократы", ни "патриоты" сделать не желают (хотя и каждый по-своему).

В этих условиях, что бы ни говорили о слабости, разрозненности, даже вырождении русской белой эмиграции - только она одна является ныне хранителем истинно патриотических ценностей и единственным законным наследником и правопреемником исторической российской государственности. Лишь в эмиграции сохранились пусть немногочисленные, но зато подлинные образчики российской политической культуры, носители настоящего российского патриотизма, воплощенного в Белом деле. Сохранение их - залог возможности возрождения России. Утрата их сделала бы разрыв исторической преемственности необратимым.

С чувством глубокой горечи приходится наблюдать, как приезжающие в страну эмигранты, потомки сражавшихся за Россию в годы гражданской войны, жмут руки почитателям ленинской банды, разного рода "православным коммунистам" или же демократическим расчленителям России. В среде эмиграции, похоже, бытует мнение, что раз других патриотов в России все равно нет, то следует иметь дело с этими.

Разумеется, именно такие люди находятся на виду, потому что именно они ("красные патриоты" при коммунистах, "демократы" при новой власти) заняли соответствующее положение, позволяющее им теперь приглашать эмигрантов и представлять от имени России за границей. Взять хотя бы Ф. Кузнецова, директора ИМЛ, всю жизнь занимавшегося прославлением могильщиков России, "революционеров-демократов" и на заре "перестройки" по собственной инициативе напомнившего партии, что у советского народа есть враг не только в лице западной буржуазии, но и (о чем, по его мнению, уже стали забывать) - в лице белогвардейского направления, "апологетов царской монархии". И такие-то люди ныне тянут свои грязные лапы к наследию русской эмиграции! И они выступают полно-

мочными представителями патриотического движения в стране! И они, красные до мозга костей, уверяют, что нет "ни белых, ни красных"!

Однако в стране все-таки есть люди, действительно разделяющие цели и идеалы Белого движения. Выросшие при советском строе и лишённые непосредственного общения с носителями этих традиций, они, тем не менее, искренне и осознанно стремятся продолжать их. И не следует думать, что они не имеют никакого значения только потому, что не занимают пока видных постов и не в состоянии организовывать "Конгрессы соотечественников". Почти все они относятся к поколению нынешних 20-30-летних (это поколение вообще в наименьшей степени страдает пороками, свойственными нынешним "патриотам" - благодаря, между прочим, и тому, что не успело связать себя сотрудничеством с коммунистическим режимом). С приходом этого поколения в большую политику возможно, кстати, и радикальное переосмысление всего комплекса вопросов о наследовании традиций российской государственности.

И было бы чрезвычайно трагично, если к этому времени в эмигрантской среде будет утрачена или извращена в угоду сиюминутным соображениям Белая идея. Лучшее и главное, что может сделать эмиграция для своей страны - сохранить эту идею в чистоте и неприкосновенности, сохранить тот родник, к которому могли бы обратиться те, кто возьмется за дело возрождения России. Потому что до тех пор, пока не преодолены и не отринуты все последствия преступного переворота 1917 года, пока не восстановлена во всем своем могуществе и славе Великая Единая и Неделимая Россия - Кубанский поход продолжается!

Москва, январь 1992 г.

От редакции.

Полностью разделяя высказанные С. Волковым мысли, считаем необходимым отметить, что возлагаемые им надежды на русскую эмиграцию как хранительницу Белой идеи представляются нам нереальными. Не следует забывать, что

ныне белой эмиграции практически не существует, жива лишь добрая память о ней. С тех пор, как ген. Врангель ушел из Крыма, прошло 72 года и даже немногие еще живущие дети русских героев давно вошли в преклонный возраст. Что же до той части русской эмиграции, что покинула родину после 1945-го года, то и она, доживая последние годы, не имеет больше политической потенции, необходимой для руководящей роли в практических делах, связанных с возрождением России.

Как первая - белая, так и последовавшая за ней вторая эмиграция многие десятилетия несли на своих плечах идеи освобождения России. Но теперь пришел черед тем молодым русским поколениям, которые стремятся к окончательному освобождению и сохранению страны. Они должны смело брать в руки инициативу и, овладевая духовными ценностями русского прошлого, в которые немалый вклад внесла ушедшая с политической сцены русская эмиграция, вырабатывать стратегию и тактику борьбы за торжество идеи настоящего и полного возрождения России.

НА ПУТЯХ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В. Тростников

Батюшка Серафим и возрождение России

Цареву тайну храни, а о Божьих чудесах всем рассказывай.

Было это лет десять тому назад. Глубокая ночь, не помню, летняя или зимняя. Я сплю на узком диване головой к окну, сплю обычным своим крепким сном. И вдруг начинается необычное. Я просыпаюсь, но не в состоянии бодрствования, а в состоянии "тонкого сна", в котором одновременно воспринимаются два аспекта бытия - здешний и потусторонний. Это редчайший момент, не приходящий годами и десятилетиями, когда в категориях земного сознания можно воспринять те реалии, с которыми соприкасается отпущенная спящим телом в иные миры наша душа, полностью о них забывающая при пробуждении. Конечно, это восприятие неизбежно является искаженным, поскольку на язык человеческой логики или человеческих эмоций тамошнее непередаваемо, но некоторые его особенности в такой уникальный миг мы можем все-таки почувствовать и даже запомнить.

Так вот, в этом тонком сне я увидел следующее. В моей комнате, около окна, стоял преподобный Серафим Саровский. Его посещение длилось не больше четверти минуты. Он смотрел в окно и был обращен ко мне спиной, поэтому его лица я не видел. Но то, что это именно Серафим, я знал с абсолютной точностью, знаю это и сейчас. Он не сказал ни слова и не пошевелинулся,

однако само его присутствие вызвало колоссальные изменения в окружающем. Войдя в материальный мир, он внес в него дыхание того мира, где он пребывает с момента своей блаженной кончины - Царствия Небесного. И мне удалось несколько секунд прожить в этом, ворвавшемся сюда, иноприродном протуберанце. Наверное, это было отдаленно похоже на то, как если бы в затхлый, холодный и загнивший морской затон внезапно вошла струя теплого и чистого течения, вроде Гольфстрима. Эти секунды были насыщены для меня неопишуемой полнотой ощущения, которую лишь весьма приблизительно можно передать словами "счастье", "восторг", "свет", "жизнь"... Потом святой исчез, и пространство окрест меня вернулось к своей обычной норме, которая выглядела теперь, почти как смерть. Мне стало ясно, что мы помещены в разваливающийся, остывший, деградировавший и не приспособленный для души мир, и она ни за что не выжила бы в нем, если бы скрытно от тела не совершала каждую ночь путешествия в другие области сущего, где она успевает немного отогреться, чтобы функционировать дальше.

Конечно, меня обдало своим животворящим жаром лишь преддверие Царствия, а сам преподобный, еще при жизни, был восхищен на верхние его ярусы. Вот что рассказывал он об этом одному иноку: «Если бы ты знал, какая радость ожидает душу праведного на небе, ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения, клевету; если бы келлия наша была полна червей, и черви эти ели бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно было бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости. Если сам святой апостол Павел не мог изъяснить той небесной славы, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения?»

Животворящая и светоносная субстанция, пронизывающая Царство Божие, как золотистые лучи только что взошедшего солнца пронизывают свежий утренний воздух яблоневого сада, есть Святой Дух, Третье Лицо

Троицы. Почивая на подвижнике, праведнике или мученике, этот Дух преображает его душу и тело и делает его святым. Точнее, надо сказать так: называя такого человека "святым", мы переносим на него название сконцентрированного в нем Духа. Но преподобный Серафим был связан со Святым Духом в из ряда вон выходящей степени, так что его индивидуальным отличительным признаком можно считать "пневматологичность". Он хорошо понимал это, поэтому в своих поучениях выступал преимущественно как проповедник Духа. Он говорил: "Стяжи мирный Дух, и тысячи вокруг тебя спасутся". А что такое есть этот "мирный Дух", он подробнейшим образом рассказал и даже показал своему верному другу и службе Николаю Мотовилову. Он даже не перекрестился, а только помолился в сердце своем Господу, чтобы Он удостоил его собеседника телесными очами увидеть то сошествие Святого Духа, которое сопутствует явлению славы Божией, и это произошло. Вот как рассказывает о том сам Мотовилов:

«Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движения уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

- Что же вы чувствуете теперь, - спросил меня о. Серафим.

- Необыкновенно хорошо, - сказал я.

- Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

- Чувствую такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу».

Итак, первая характеристическая особенность преподобного Серафима - *духоносность*. Наш народ чувствовал это еще задолго до церковного прославления старца: всеобщее его почитание было связано именно с нею. А уж после официальной канонизации, состоявшейся в 1903 году на фоне грандиозных торжеств (в Саров в эти дни съехалось около трехсот тысяч человек, и центральное участие в празднестве принимала Царская семья), икона преподобного стала непременным украшением всякой русской церкви, так что батюшка Серафим, вместе с преподобным Сергием Радонежским, стал "главным ангелом-хранителем России".

Однако, еще в большей мере народное сознание постепенно стало ассоциировать имя св. Серафима Саровского с другой его особенностью - с даром пророчества. Слава его как ясновидца, которому открыто будущее, росла тем больше, чем полнее сбывались с годами его предречения. Он предсказал огромный упадок веры в России ("архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что и главнейшему догмату веры Христовой веровать уже не будут") - так оно и произошло уже в конце девятнадцатого века. Он предсказал массовое истребление русских людей ("ангелы не будут успевать принимать души") - мы были тому свидетелями. Он говорил, что сатана не сможет войти в Дивеево ("только подойдет, а перед ним стена вырастет до неба") - и действительно, оба громадных дивеевских храма сохранились почти неразрушенными, и село осталось вне запретной зоны, центром которой по воле неверующих физиков-ядерщиков стал Саров, хотя они и понятия не имели о значении этого "пункта", так что любой желающий мог посетить Дивеево даже в самые строгие годы. Он предрек, что в Дивеево будут две церкви Казанской Божьей Матери, и это странное предсказание сбылось, ибо, когда церковь закрыли, на окра-

ине села устроили молельный дом, освятив алтарь в честь Казанской иконы, а в прошлом году открыли основной храм с тем же приделом.

А главное - он предсказал, что мощи его будут лежать... в Дивееве, а не в Сарове! Тогда это казалось совершенно невероятным. Мотовилов даже пытался возражать преподобному: "Вот Вы, батюшка, все говорить изволите, что плотию Вашу Вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас саровские отдадут?" Человеческое разумение не видело, как такое может случиться. А вот обстоятельства сложились так, что реченное старцем в точности исполнилось. В 1920 году "Комиссия по ликвидации мощей" (была и такая!) изъяла преподобного из раки и увезла в Москву. Там атеисты намеревались устроить "публичное разоблачение" святыни, но потом как-то остыли к этой затее, и о мощах со временем забыли. Они пролежали несколько лет в Донском монастыре, а затем были отвезены с другими экспонатами в Казанский собор Ленинграда, где был размещен музей атеизма. Там, в одной из кладовых, они и затерялись. А когда в 1990 году при перетряске помещений, связанной с закрытием музея, они были обнаружены и, сличая содержание найденного мешка с протоколами 1903 и 1921 года, комиссия установила, что это несомненные мощи Серафима Саровского, везти их в Саров было нельзя, так как он находился за колючей проволокой и там нет ни одного действующего храма. И 1 августа 1991 года мощи легли именно в Дивееве!

Все это поражает воображение, особенно сегодня, когда "апокалипсические" настроения как бы носят в воздухе и всех начинает остро интересоваться тема "конца мира". Ведь у преподобного есть предсказания и на этот счет. После тяжелых времен России он обещал "на краткое время" мощное духовное ее возрождение. Его признаки: обретение в Дивееве четверых святых мощей, между которыми ляжет сам старец, и превращение Дивеева из села в город. И после того, как это осуществится, "наступит конец" - надо полагать, конец всему.

Понятно, что после того, как столько из реченного преподобным уже сбылось, мы должны с особенным вниманием отнестись и к этим его словам.

Означает ли это, что Серафим Саровский должен стать для нас примерно тем же, чем был для эллинов дельфийский оракул, без обращения к которому не предпринималось там ни одно серьезное дело?

Нет, это было бы огромной ошибкой. Между древнегреческими оракулами и православными пророками имеется принципиальное различие, вытекающее из полной несхожести концепций будущего в язычестве и христианстве. Эту разницу очень важно осознавать и всегда учитывать, иначе все сказанное нашими святыми, в том числе и святым Серафимом Саровским, будет понято совершенно неправильно и таким образом обесценится.

Античные люди считали будущее жестко предзаданным и predetermined, то есть придерживались философии детерминизма. Судьбу отдельных людей и целых народов ткнут специальные богини мойры (в римской мифологии - парки), и изменить ее не могут не только люди, но и боги. Такое понимание будущего оказывало огромное влияние на всю структуру сознания античного человека, определяло тип его ментальности. Прочно усвоенный фатализм делал его совсем не таким, как мы, существом, даже малопонятным для нас. Меня лично еще в детстве изумляло жгучее желание эллинов заглянуть в свое будущее, отражением которого является греческая трагедия. Главным действующим лицом в ней являются не люди с их характерами, как в наших пьесах, а неумолимый рок, "ананка". Мне и до сих пор кажется очевидным, что нет ничего хуже, чем знать свою судьбу наперед. Если она хорошая, то ты лишаешься приятной неожиданности, если плохая - начинаешь раньше времени горевать. И самое ужасное, что ни в первом случае, ни во втором от тебя ничего не зависит, ты ничего не можешь изме-

нить, поэтому любая активность становится бессмысленной. Именно бесполезность попыток такого изменения служит главной темой античной драмы. Лаий был предупрежден, что его сын Эдип его убьет и приложил все усилия, чтобы избежать предсказанного, но это ему все равно не удалось. Этот же сюжет в "Песне о вещем Олеге": отчего тебе суждено умереть, от того и умрешь, что бы ты ни делал. Показательно, что героем этого стихотворения Пушкин избрал язычника Олега: чутье подсказало ему, что в применении к князю-христианину, например, к Александру Невскому, такая фабула была бы неподходящей.

И в самом деле, у христиан концепция судьбы совершенно другая. Не будущее как таковое является для них заданным, а связь между настоящим и будущим: между тем, как мы ведем себя сегодня, и тем, что будет послано нам завтра. "Что посеешь, то и пожнешь" - вот та вещь, которую мы не можем изменить; что же касается нашей участи, то ее не только можно менять, но именно в изменении ее в лучшую сторону состоит главная цель нашей земной жизни. Бояся Бога, делай добро, и она станет у тебя счастливой: еще в этой жизни ты обретишь душевный покой, а после смерти тела войдешь в Царствие Небесное. Если же ты занимаешься важными общественными или государственными делами, то богобоязненность и благочестие принесут тебе успех в твоих начинаниях. Александр Невский победил шведов не потому, что это ему на роду было написано, а потому, что крепко помолился перед битвой и получил небесную помощь от своих святых сродников князей Бориса и Глеба. Поведи он себя иначе - и сражение могло бы быть проиграно; никакого детерминизма тут не было.

Конечно, наш жребий посылает нам Господь - на то Он и Творец всего - но нам дано право быть в этом Его сотворцами, и Он помогает нам быть в этом сотворчестве сознательными: открывает нам законы зависимости между свободно выбираемым нами настоящим и

вытекающим из него будущим. Отсюда ясно, что пророчества православных святых не могут формулироваться как безапелляционные утверждения, ибо это был бы возврат к языческому миропониманию, к чуждой христианству абсолютизации рока. Ведь суть христианства состоит в том, что оно является единственной подлинной религией человеческой свободы. Наша свобода в ней настолько драгоценна, что ее нельзя ущемлять и принудительным вложением в индивидуальное сознание твердого знания о законе связи между делами и воздаянием за них: об этом законе сказано в Священном Писании, но считать ли это писание священным и верить ли ему - это всякий человек решает сам. И если мы внимательно проанализируем христианские пророчества, то увидим, что все они имеют форму условных высказываний, то есть предположений типа "если... - то...", конкретизирующих библейский закон воздаяния в применении к каким-то обстоятельствам. Разумеется, этим высказываниям, как и самой Библии, мы тоже не обязаны верить, но поскольку неверие может иногда оказаться губительным, Господь являет нам в этих случаях исполнение второстепенных предсказаний, чтобы мы серьезнее и внимательнее отнеслись к главным. Не отнимая у нас свободу выбора, Он этим как бы делает намеки и подсказки на то, в чем состоит истина, и это есть проявление Его великой к нам милости.

Так обстоит дело и с пророчествами преподобного Серафима. Условный характер главного из них - пророчества о судьбе России - виден не сразу, но когда вдумаясь, он становится очевиден. Святой старец предрек, что Бог отнимет его у России и в ней начнутся беды, но этому предшествуют слова: "так как к тому времени архиереи... онечестивятся". Это и есть *условие*. Почему же тут нет слова "если"? По той простой причине, что это условие *уже было выполнено* при жизни преподобного, нечестивая Россия уже поднимала голову, и он своим чутким взором это видел. Смысл того, что он сказал Мотовилову, можно было бы выразить

так: "Когда нация впадает в нечестие, ее ожидают лихие времена, а поскольку русские уже начали впадать в него, что видно по несправедности архиереев, то лихие времена неизбежны". Дело не в роке, а в нас самих.

Таковы доставшиеся нам в наследство два дара батюшки Серафима, две его харизмы. Связаны ли они между собой?

Ответ таков: не только связаны, но являются двумя аспектами одного и того же дара. В силу той специфики пророчеств преподобного, о которой мы только что говорили, их можно считать даже не пророчествами, а предостережениями и призывами: предостережениями против отпадения от Бога и призывами жить в Боге. Все его усилия были направлены к тому, чтобы вернуть русский народ к православной вере, сделавшей его великим народом, никакой другой цели он не служил. Но глубокая и искренняя вера не приходит сама, ибо она, по слову апостола, есть "обличение вещей невидимых", а открыть нашему внутреннему зрению невидимое может лишь Святой Дух. Без него не будет веры, а без веры Россия не спасется. Значит для спасения России мало предупреждать о несчастьях, которые обрушатся на нее за безбожие, нужно еще дать ей средство соединиться с Богом, низвести на нее Святой Дух.

Преподобный Серафим Саровский делал и то и другое, и никакой разницы между первым и вторым родом своей деятельности не ощущал. Он готовил как психологические, так и онтологические предпосылки возрождения России. Долгое время главным для нас был психологический аспект его наследия, воздействие на наши умы и души дошедших до нас в записях его поучений. Но вот, совсем недавно, на первый план выдвинулся аспект онтологический и затмил все остальное. Началось зримое действие в России Святого Духа.

О том, что батюшка Серафим скоро вернется к нам плотию, молва прошла еще года два назад. Говорили,

будто некий подмосковный священник объявил, что мощи спрятаны в надежном месте, а место это сообщил ему его отец, тоже священник, принимавший участие в 1921 году в их похищении у большевиков. Он дал сыну наказ отдать мощи в Дивеево в том случае, если им ничто уже не будет угрожать и Троицкий собор станет действующим. Поскольку собор освятили незадолго до появления этого слуха, верующие с волнением ожидали, что вот-вот мощи откроются. И они открылись, хотя в совершенно другом месте. Не удивительно ли это? Такое впечатление, что православный народ каким-то непонятным образом вдруг наполнился предчувствием обретения святыни, но, не зная, как это произойдет, ухватился за вариант, казавшийся наиболее логичным. С этого и надо открывать счет чудесам.

Одиннадцатого января 1991 года об обретении мощей преподобного Серафима было объявлено всенародно. Они были положены сначала в храме Александро-Невской лавры, а затем в Богоявленском соборе в Москве, где они находились до 23 июля. И в этот период тоже происходило нечто удивительное: останки святого не производили того действия, которое ожидали от них верующие. Это не субъективное мнение, это можно считать опытно установленным фактом. О нем сообщил мне псково-печерский монах Адриан, обладающий особым даром изгонять бесов. Одержимые стекаются к нему со всей России и даже из-за рубежа, и многие из них в результате "отчитки" получают облегчение. Так вот, архимандрит Адриан посылал некоторых своих "клиентов" в Москву приложиться к раке преподобного - бесы ведь очень чувствительны к святости, они трепещут приближаясь к ней. Это старец наблюдает постоянно: когда он дает бесноватым поцеловать носимую им на груди коробочку с частицами мощей некоторых святых, люди часто начинают биться и хрипеть, чуть не пена идет изо рта, а потом им легче. Но те из них, кто съездил в Москву, рассказывали после, что никакого эффекта не было, "будто к камню приложились". Это

немало смутило отца Адриана. В подлинности останков он ни на минуту не сомневался, но знал и то, что мощи такого великого чудотворца не могут быть "камнем".

Меня это тоже ввело в соблазн, и лишь потом я сообразил, в чем дело, и еще раз убедился в значительно большей осмысленности происходящего в действительности по сравнению с ожидаемым нами. Ведь старец Серафим сказал, что его мощи будут лежать в Дивееве, он не сказал "в Москве"! Когда я вспомнил эти его слова, у меня словно глаза открылись. Как же я мог вообразить, будто чудотворящая сила находится в самих костях преподобного, в их молекулах и атомах! Это же точка зрения язычества, вернее, идолопоклонства. Знамения и чудеса производятся только Святым Духом, а Он невещественен, поэтому в материи находиться не может. Он пребывает в невидимом мире, соседствующем с нашим трехмерным миром, и иногда вторгается к нам, вызывая здесь своей таинственной силой видимые изменения. И хотя сказано, что Он "дышит, где хочет" (Ин. 3, 8), все же для его вхождения сюда должна существовать какая-то причина. В большинстве случаев она остается для нас неизвестной, так как своим ограниченным разумением мы не можем охватить даже ничтожной части того, что известно Богу и на что опирается то или иное Его решение. Однако, когда сверхъестественные явления происходят близ останков святого, мы должны истолковывать это так, что по Своей любви к нему Господь творит чудеса *от его лица*, чтобы напомнить нам о необходимости чтить угодника и молиться ему. Но единственной подлинной причиной чудес служит все-таки Божья воля, и творятся эти чудеса тогда, когда они нужны и полезны верующему народу. Иными словами, чудеса не имманентны останкам святого, как, скажем, приятный запах имманентен сандаловому дереву. Иначе мироточивые иконы источали бы миро постоянно, а обычно его истечение длится всего несколько дней, после чего прекращается. Доска была точно такая же и до этого и

потом, а чуда уже нет - значит оно не в самой доске "сидит", а связывается с ней на определенное время внешней инстанцией - всемогущим и всепремудрым Богом. Так же обстоит дело и мощами.

Обдумав все это, я с волнением стал ждать конца июля, когда преподобный Серафим должен был упокоиться до конца времен в дивеевском Троицком соборе. Это был для меня редкий шанс проверить правильность своего понимания конкретного богословского вопроса, пусть частного, но достаточно важного. В глубине души я был уверен, что мои рассуждения верны и даже рискнул в присутствии нескольких знакомых сделать предсказание: "сейчас сила от мощей отъята, но когда они лягут в Дивееве, она будет им дана", - но одно дело теория, а другое - ее опытные подтверждения.

И подтверждения начались.

Мы прибыли в Дивеево 29 июля, а первое чудо произошло там накануне, 28-го. Святых мощей там еще не было, но они въехали в этот день в Арзамас. Так вот: не в Арзамасе, а в Дивееве, над Троицким храмом, при совершенной сухости воздуха (уже много дней не было дождя) возникла радуга, причем необычная: в середине она прерывалась и оттуда шел огненный столп в небо. Это видели сотни людей, в том числе казаки конвоя, которые и рассказали нам об этом.

Дальше - больше. Рядом с Троицким собором в Дивееве стоит другой, столь же грандиозный собор. Он был построен в 1913 году и из-за войны его не успели тогда освятить, а потом в России пришли к власти атеисты, так что об освящении уже и речи не могло быть. Значит с формальной точки зрения это не церковь, а обычное помещение под крышей. В этом помещении были размещены приехавшие на торжества паломники, среди которых, как всегда, было много женщин. Последние соблазнились редкой возможностью посмотреть, как выглядит алтарь: поскольку он никогда не освящался, его можно было не считать алтарем

и запрет на вхождение туда женщин, казалось бы, не действовал. Ну и стали ходить туда по любопытству. И вдруг ночью, когда все спали, с потолка алтарной комнаты обвалилась штукатурка, продержавшаяся до этого семьдесят восемь лет, причем обвалилась узкой полосой именно над входом, четким барьером перегородив вход. Все поняли это одинаково: алтарь все-таки свят, и хождение туда женщин прекратилось.

В день же, когда мощи прибыли в Дивеево, наблюдалась так называемая "игра солнца", которая иногда бывает на Пасху. Ее мы уже сами видели. Но главные события развернулись не вне, а внутри собора. Как только рака была положена под специально подготовленную сень и к ней начался доступ верующих, начались и крики бесноватых. Когда мы уезжали, кто-то насчитал семнадцать одновременно кричавших больных. Сбылся-таки мой прогноз! Жаль, что не было там при этом старца Адриана – все его недоумения сразу бы отпали. Конечно же, так и должно было быть.

Это дало надежду, что сбудутся и другие ожидания. Готовясь к церемонии перенесения мощей из Москвы в Дивеево, некоторые духовно чуткие люди выражали убеждение, что после торжеств многое быстро начнет сдвигаться в лучшую сторону, причем все сдвиги будут иметь одну первопричину: что-то изменится как бы в самом воздухе, а вернее – в наших душах. В пример приводилось празднование 1000-летия Крещения Руси, после которого разом прекратились публичные выступления против Церкви и религии. Один игумен предположил, что обретение мощей преподобного Серафима окажет такое же мистическое воздействие на Россию и добавил, что если это действительно произойдет, значит Господь простил нас за великий грех богоотступничества и цареубийства. Произошло ли?

Я думаю, что начало происходить. С момента упокоения мощей прошло совсем мало времени, а можно насчитать по крайней мере три события, которые трудно объяснить с точки зрения материалистической

логики и гораздо проще приписать действию низведенного преподобным Серафимом Святого Духа.

Буквально через несколько дней после дивеевских торжеств власти внезапно отдали православной Церкви самый древний храм на территории России - новгородскую Святую Софию, и не просто отдали, а вернули в него хранившуюся в музее икону Знамения Божьей Матери, одну из величайших святынь русского народа. Это было особенно странно, поскольку именно в это время шла волна протестов музейных работников против передачи их "экспонатов" церковникам, и министр культуры Губенко решительно их поддержал. Люди, присутствовавшие на освящении храма святейшим патриархом Алексием, рассказали, что при этом над куполом возникла радуга - повторилось дивеевское чудо. А еще через неделю был возвращен и главный собор Донского монастыря в Москве, из которого пришлось спешно убраться музеем архитектуры - убраться чуть ли не под открытое небо, так как нового равноценного помещения у него нет.

Я прекрасно понимаю, что человеку, воспитанному на материализме, трудно поверить, что в человеческие дела так сильно вмешивается Высший Промысел, что вся история существенно пневматологична. Особенно восстанут против такой точки зрения ученые-материалисты, ибо их профессия как раз в том и состоит, чтобы подыскивать явлениям рациональные объяснения. И мы, неспециалисты, можем в очередной раз поверить "науке": на то ведь она и наука, чтобы вскрывать истинные причины происходящего. Так вот, чтобы избежать этого, давайте уже сегодня, пока многое поразительное еще свежо в нашей памяти, скажем себе: нет, наука тут не авторитет, ибо для нее не существует чудес, а Бог послал нам явные чудеса, начавшиеся с обретения мощей преподобного Серафима, и они свидетельствуют о том, что Он снова с нами. А коли так, то кого же нам теперь бояться?

Это, конечно, не значит, что от нас уже не требуется никаких усилий. Мы же не фаталисты, мы христиане. Мы должны помнить, что Божья милость всегда есть аванс, который нужно отработать. Господь обратил к нам Свое лицо только потому, что, настрадавшись в безбожии, мы вспомнили наконец о Нем и стали Его искать. Но найти Его мало - надо возлюбить Его всем сердцем, всею душою и всем разумением. Только при этом условии исполнится пророчество старца Серафима о возрождении России.

Москва, сентябрь 1991 г.

Что было - то не прошло

Почти 20 лет назад, еще студентом-историком, я часто прогуливался по замечательным окрестностям Москвы. Особенно мне нравились места северо-западные - вокруг Серебряного бора.

Это необычный уголок московской земли. Здесь сочетаются природные изломы местности с великолепными водными просторами - поймой Москвы-реки. Вокруг реликтовый сосновый лес, и то тут то там маковки церквей. Воздух до недавнего времени был чист и прозрачен. Когда-то, в начале века, здесь был открыт первый в России детский противотуберкулезный санаторий. Словом, благословенный край.

Узнал я тогда же неожиданные для себя сведения. Как это почти всегда бывает в реальности - светлое соседствует с темным, прекрасное - с самым чудовищным.

В марте 1922 года скрывался здесь от посторонних глаз вождь мирового пролетариата, чья мумия лежит еще по сию пору в ступенчатой пирамиде на Красной площади у стен древнего Кремля. Меняя места своего пребывания каждые 2-3 недели, Ленин инкогнито поселился в селе Троицкое-Лыково. В несколько дней сюда был проведен телефонный кабель для связи с миром. И никто из окрестных жителей даже и не подозревал об этом соседстве.

Представьте себе следующую картину. Действие происходит ровно 70 лет назад. Шумят вековые сосны, мирно поскрипывают на ветру липы старинного усадебного парка. Вокруг изумительные усадебные постройки и три церкви, одна деревянная, другие - каменные. Среди них знаменитый нарышкинский Троицкий храм,

который ныне украшает лучшие фотоальбомы по истории московского барокко. В обычный воскресный день бьют колокола, слышные за много верст окрест. Ходят мирные монашки из небольшого женского монастыря. Всюду люд, кипит жизнь, и, как и сотни лет назад, текут воды Москвы-реки среди обрывистых берегов.

А у окна одного усадебного дома сидит лысоватый человечек с остренькой бородкой, мрачно, прищуренными глазками смотрит из-за занавески на всю эту красоту и корявым почерком выводит на бумаге: "Расстрелять... расстрелять... расстрелять..."

Странная картина... Так все это и было на самом деле. Именно в этом милом месте Ленин в течение марта 1922 года написал самые кровавые свои работы против русской православной Церкви, против русского православного сознания и традиций.

Теперь все их знают. Это статья "О значении воинствующего материализма" для журнала "Под знаменем марксизма", основанного в то же самое время Троцким, статья, положившая начало всему последующему движению так называемых обществ воинствующих безбожников, а также секретное письмо членам Политбюро, которое по прочтении его адресатами должно было быть уничтожено. Но все-таки для истории некоторые бумаги не сгорают до тла. Помните? "Мы должны расстреливать их как можно больше...", "пока народ голодает, мы можем изъять под этим предлогом церковные ценности...", "эта братия - попы и церковники - не должны опомниться в ближайшие 10 лет...". И так далее и тому подобное. Цитирую, конечно, вольно. Но, пожалуй, мягче, чем было на самом деле...

Отсюда начиналось тотальное уничтожение памятников русской истории и культуры. Уже тогда больной - в буквальном смысле - мозг "вождя" запрограммировал всеобщее разрушение вековых основ православного быта. Если до этого времени еще только рассуждали и планировали, если до этого еще только захватывали и

грабили под "прикрытием" гражданской войны, то теперь, когда война позади, в мирное время, грабеж и экспроприация заменялись планомерным последовательным разрушением. Наступало время разбрасывания камней...

Уже потом были знаменитые акции по закрытию храмов и массовому сжиганию икон. Уже позднее начнутся взрывы монастырей и церквей и заселение в оставшиеся - контор, клубов и колоний преступников. А пока нужно было ударить не по стенам, то есть по телу, а по сердцу, по самому живому - святыням, по самым людям, священнослужителям и братии...

Ныне постройки и храмы Серебряного бора почти не пережили своих "перестройщиков". Сам дом, где Ленин "творил" свои замыслы, был попросту уничтожен его последователями. Вместе с домом сгорела память о мимолетном пребывании здесь этого человека. Но еще не перебродило в людях то месиво, которое было тогда им заквашено.

И вот сегодня, по прошествии десятилетий, мы все еще продолжаем говорить о "памятниках культуры", об "исторических постройках", все еще считаем их чем-то несовременным, посторонним, словно бы из прошлого случайно попавшим в наше настоящее. Для многих это еще лишь мертвое минувшее, не более чем напоминание, но не сама жизнь.

Как вновь превратить памятники в ожившее наследие? Какими путями мы можем перестать музеефицировать оставшееся нам от наших предков, а вновь обрести все это, стать самими собой? Не любоваться, например, одеждой русского человека, а носить ее? Не вздрагивать и пускать слезу умиления при рассматривании старинной чаши, а пить из нее, не коллекционировать песенники, а петь сами песни?

Пожалуй, это и есть вопрос вопросов для духовного возрождения. И не совсем точно звучит сегодня призыв "время собирать камни". Этого уже мало. Время собирать по капле душу нашу и дух наш. А эта работа зна-

чительно более трудная и долговременная. Это работа каждого человека в отдельности и всего народа вместе.

Вспомним, что одной из самых изощренных мистификаций советской системы в последние десятилетия было движение так называемой "охраны памятников истории и культуры". Было создано специальное общество и даже принято (правда, только лишь на территории РСФСР) довольно расплывчатое законодательство.

Как происходила работа этого общества и как выполнялись принятые законы - мы прекрасно знаем. Да, многие энтузиасты общества охраны памятников сделали немало ценного, а порой героического для выявления и спасения некоторых культурных ценностей. Честь им и хвала. Но в целом такого состояния памятников, которые сейчас находятся на территории России, никогда еще не было, и это можно сравнить разве что с результатом нашествия полчищ варваров.

"Памятник охраняется государством" - начертано было на многих (вернее - редких) зданиях в городах или на церквях в селах. А рядом с вывеской зияла дыра в стене, если вообще стена еще была цела.

Особо "гениальным" изобретением большевистской идеологии была задумка "Золотого кольца России", эдакого туристского "русского рая". Вот вам, дорогие иностранные гости, наши замечательные памятники древнего зодчества! Любуйтесь, смотрите на подкрашенные разворованные и осыпающиеся храмы. Но только в пределах установленного и очерченного (так и хочется сказать "очертенелого") "кольца". А что за пределами? А там - хоть пропадай все!

Те архитектурные ансамбли, которые не попали в "золотое кольцо" (а их было 95 %), были брошены на произвол судьбы. Весь Север с его деревянным наследием, Урал и Сибирь, почти все отдаленные бывшие губернии, например, такие города, как Углич, Тотьма, Юрьевец, Романов-Борисоглебск (ныне Тутаев, по фамилии партийца-"освободителя") и многие многие другие.

Идея "охраны" всего этого наследия состояла в том, чтобы осуществлять материалистический проект "воскрешения тела" - но не Духа. Храм можно было подмазать, подбелить, а что там внутри - клуб, фабрика, милицейский участок или, прости Господи, туалет - это уже никого не касается.

И ведь подобное сознание в России еще не преодолено. Открываются храмы, но мы еще не видим возрождения к жизни тех многочисленных городков, сел и окружавших их деревень, где разрушены не только церкви или другие постройки, но и быт, уклад, традиции, мирозерцание, а значит - дух.

Для возрождения этого духа, для восстановления культуры и культурного сознания как бы изнутри, для осуществления этих задач и создавалась организация, о которой я бы хотел рассказать. Называется она Новый Фонд - фонд традиционной духовной культуры.

Что такое Новый Фонд? Само название отличает его от уже существующего Фонда культуры бывшего СССР, где передовую роль играла Р.М. Горбачева - жена бывшего президента. Во-первых, Новый Фонд это независимая неправительственная некоммерческая благотворительная организация, а, во-вторых, главная цель его существования - это преодоление старых идей неэффективной, малоквалифицированной и пагубной охраны памятников истории и культуры (в том числе и нематериальной), которые господствовали в последние десятилетия на территории бывшего СССР и привели к разрушению многочисленных памятников - достояния и русского народа и мировой цивилизации.

Подобного рода организации, имеющие большое общественное влияние и не связанные с официальными структурами и партиями, есть почти во всех европейских странах. Есть и во Франции, и в Англии - например, движение "Национальное доверие", в которое входят наиболее крупные и богатые бизнесмены, а почетным председателем является королева-мать. О чем пекутся

они? О доброй старой Англии, и не считают это зазорным.

На наших глазах исчезали и уже исчезли замечательные уголки старой России. Разве мы можем равнодушно смотреть на все это? Особое внимание должно быть уделено сохранению малых городов и поселений в их естественном культурно-историческом состоянии. Если сам маленький город и среда вокруг него - ландшафт, парки, усадьбы, морские, озерные или речные берега - если все это вместе будет приведено в порядок, то тогда и можно говорить о возрождении жизни.

Но откуда начинается эта жизнь? Где тот центр, от которого можно начать отсчет возрождения? Для маленьких городков это, конечно же, не сельсовет, не клуб, не ресторан с универмагом, как происходит теперь. Это, конечно же - храм.

Возрождение храма начинается с того момента, когда там начинается служба. Все вокруг, и мы это теперь ясно видим, оживает сразу же. Но вот действительно беда - большинство российских храмов сегодня это просто здания с голыми стенами. Подавляющее большинство старых церквей от европейских границ до Тихого океана разрушено изнутри. Исчезли утварь и иконостасы, а главное - опустели стены. Росписи и фрески стерты или сколоты.

Необходимо возродить старинную технологию росписи на стенах. Фреска или фресковая живопись имеет многотысячелетнюю историю. Сейчас настоящих специалистов по фреске во всем мире остались единицы. А ведь раньше, скажем, до XVIII века в России почти все храмы расписывались фреской. "Академическая" роспись последующих времен имеет уже другое значение и воспринимается по-другому. А самое главное - времена проходят, минуют столетия, но фреска от этого не меняется, даже краски не выцветают.

В этом году в Москве откроется школа фрески и реставрации с участием преподавателей - самых серьезных, лучших специалистов, а также художников,

иконописцев, знающих технологию фрески, в том числе всех, кто откликнется на наше предложение (из Франции уже есть действенный отклик). Начато и первое дело, забытое в России не только в XX, но и в XIX веке. На северо-западе Москвы в районе Серебряного бора, рассказ о котором шел в самом начале, начата роспись фреской храма Живоначальной Троицы в Хорошеве. В этом живописнейшем месте на высоком берегу Москвы-реки когда-то находился дворец Бориса Годунова, исчезнувший, как и дворец в Коломенском. Остался лишь замечательный храм конца XVI века, построенный по заказу будущего царя. Этот храм, вновь открывшийся менее двух лет назад, и привлек наши усилия. Мы пробуем здесь свои возможности перед более серьезными проектами. Кроме росписи фресками (впервые!) по старинной технологии самого храма, восстанавливается берег реки, парк, деревянная земская школа, начинаются археологические раскопки годуновского дворца. Словом, мы воссоздаем здесь уголок настоящей жизни.

Все это требует невероятных усилий. И это понятно. Например, чтобы найти подходящий для высокохудожественной фрески песок, нужно объездить чуть ли не всю губернию. Хорошей извести у нас тоже - увы - не найдешь. Нужна итальянская... Сам храм был превращен в свое время чуть ли не в помойку. Нужен кирпич, оборудование для ремонта, электрический кабель, тес и т.д., всего не перечислишь...

Но это только небольшой проект. Есть гораздо более значительные. Хотя следует сказать, что мы не беремся за осуществление невероятно масштабных работ. Лишь только за то, что нам по силам. Наш девиз: от малого - к большому, от частного - к общему.

Среди уже принятых или утверждаемых проектов по сохранению малых городов есть проекты, связанные, например, с такими известными центрами древности, как Звенигород, Новый Иерусалим, Дмитров.

Звенигород, например, известный у нас творчеством Андрея Рублева, сейчас весь застроен полуустаревшими

промышленными предприятиями. Саввино-Сторожевский монастырь полуразрушен и едва подкрашен - для приличия. Знаменитая и единственная открытая церковь - на Городке стоит на отшибе (та самая, где находился звенигородский рублевский иконостас, со Спасом, который ныне в Третьяковской галерее). По мнению священника, седовласого старца, Звенигород - город стопроцентных атеистов. В храме даже по большим праздникам - почти никого.

Новый Иерусалим знают многие. Громадный монастырь, построенный по замыслу патриарха Никона, взорванный в 1941 году, по официальной пропагандистской версии, немцами, а по выяснении обстоятельств - органами НКВД, постепенно восстанавливается. Проект, в котором участвует Новый Фонд, представляет особенный интерес, ибо речь идет не только о монастыре, городе Воскресенске и окрестностях, но и о создании здесь возможного туристическо-паломнического центра. Уже сейчас собрано и перевезено много погибающих деревянных строений, которые собраны заново вокруг скита патриарха Никона. Но дело в том, что в монастыре и вокруг существуют многочисленные кладбища, где похоронены предки сотен дворянских родов. Имена в российской истории значительнейшие: княжеские, боярские, графские. Можно даже специально опубликовать списки фамилий, что мы собираемся делать не только в отношении Нового Иерусалима. Можно будет приехать сюда, остановиться в гостинице (которых нынче вовсе нет), побыть в одиночестве, погулять по окрестностям - без какого бы то ни было официоза, сопровождения или натасканного экскурсовода. Если необходимо, то можно будет побеседовать со специалистом-знатоком.

Если вообще говорить о старинных российских некрополях, то мы понимаем, что это, быть может, одна из главнейших духовных национальных задач сегодня. "Любовь к отеческим гробам" есть мерило здоровья народа. Пока мы не думаем всерьез об этом, мы не думаем вообще.

А начинается все с самого сердца - Московского Кремля. Мне доводилось уже в студенческие годы работать здесь на реставрации. Каких только открытий мы не сделали, сколько находок было совершено! Но много еще тайн за древними кремлевскими стенами. Связаны они со светлыми и темными сторонами истории России.

Одна из таких тайн снова напоминает нам о временах жутких - о годах 1930-х, зловещее эхо которых отдается в нашем сознании и по сию пору.

Это тайна одного из кремлевских подвалов. Мимо этого места ежедневно проходят десятки и сотни тысяч людей, вышагивают "народные депутаты", долгое время прохаживался и всесоюзный президент. И все они, видимо, попросту ничего не знают об этом (как, например, что Архангельский собор Московского Кремля, о котором собственно и пойдет речь, носит имя тезоименитого бывшему президенту Архангела Михаила). И вот в подвале этого собора в буквальном смысле свалены горой более пятидесяти гробов с останками княгинь, великих княгинь и цариц - жен и родственниц российских государей.

Загадочна и зловеща история, как они попали туда. Если рассказывать все по порядку, то тогда следует вспомнить о том, как накануне празднования Нового года, 1991-го, и Рождества Христова мне удалось "пробыть" на телевидении в Москве передачу, которую я снимал практически секретно. В передаче этой я и рассказал обо всей этой истории.

В начале 1930-х уничтожили два замечательных старинных кремлевских монастыря: женский - Вознесенский (так называемый Стародевичий, в отличие от Новодевичьего) и мужской - Чудов. В Вознесенском со времен Дмитрия Донского до начала XVIII века как раз и хоронили женщин из великокняжеских и царских семей.

Перед тем, как монастыри взорвали, гробы с прахом "перебросили" в подвал собора Архистратига Михаила. Перенос был осуществлен силами сотрудников тогдашнего музея, осуществлен героически и с риском. Ибо взрывать собирались и эти останки - на глазах руководившего процессом розовощекого красного маршала Клим Ворошилова.

В Архангельском соборе, как известно, в самом помещении храма всегда хоронили князей, великих князей и царей, вплоть до петровских времен. Останкам их "повезло" больше, ибо их практически не перемещали с места на место, не считая частичного "вскрытия" святых мощей в 1920-е годы и периодического злонамеренного "любопытствующего" вмешательства "специалистов-антропологов" - любителей "восстанавливать лицо захороненного деятеля по черепу"... Именно тогда-то и появилось на свет советизированное словцо "захоронение" - вместо простых понятий, как - гроб, могила или прах.

Что же сейчас в подвале собора? Гробы из Вознесенского монастыря среди сырости и плесени свалены в кучу. Останки перепутаны, а некоторые даже утеряны. А ведь лежат здесь те, кто сыграл немалую роль в российской истории. Например, великая княгиня Евдокия, жена Дмитрия Донского, основательница Вознесенского монастыря; София Палеолог, дочь византийского императора; мать царя Ивана Грозного Елена Глинская; Мария Нагая - мать убиенного царевича Дмитрия, а также жены царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и многие многие другие. Среди них - святые Русской Православной Церкви.

Когда об этом зашел разговор с экрана телевизора, руководство музеев и комендатура Московского Кремля отреагировали привычно и однозначно: "враги ведут свою пропаганду". В адрес тогдашнего руководителя Центрального телевидения Л. Кравченко полетела депеша: "тенденциозный материал", "пропагандистский репортаж", "нельзя пускать без предварительного про-

смотра и рецензии". "просим сделать соответствующие выводы". И было это не в начале 1980-х, а уже в самый "разгар гласности" - в год 1991-й!

Выводы были сделаны, письмо возымело действие. Тема, которую намечалось дальше развивать, была закрыта. "Кремль" торжествовал. Торжествовал во второй раз, после того, как двумя годами ранее мы со съемочной группой были вынуждены отменить съемки в Успенском кремлевском соборе. Тогда, оформив невероятную пачку документов и получив разрешение на съемки, мы должны были впервые "распечатать" Успенский собор после молчания с марта 1918 года и записать в нем древние православные песнопения, а также концерты героя тогда вышедшей моей книги композитора Дмитрия Бортнянского. К стенам Кремля подъехали многочисленная новейшая передвижная телетехника, хор Гостелерадио и знаменитый хор под управлением Владимира Минина, отказавшегося ради этих съемок в соборе от гастролей во Францию. И вот, когда все уже было готово, съемка была отменена. "А что если паломники начнут ездить, подумают, что собор уже открыт? От них и так спасу нет", - сказала одна из заместителей директора музеев Кремля.

Теперь соборы (пока, правда, на бумаге) переданы Церкви. Еще не вполне ясно, на каких основаниях. Но, видимо, уже можно говорить о приведении в порядок многочисленных святынь, так долго скрываемых от посторонних глаз. Даже в только что увидевшей свет новой книге "Московский Кремль. Путеводитель", подготовленной сотрудниками музеев Кремля, ни одного слова (!) не сказано о погибающих останках в подвале собора Михаила Архангела.

Есть здесь нечто загадочное. Ведь до последней минуты идет битва за сохранение мумии Ленина в его мавзолее. И одновременно идет сражение за обнародование материалов и открытие доступа к соборным гробницам.

Только всеобщее народное возмущение может пробить брешь в каменной скорлупе, сковавшей разум и сердца руководителей, которым все еще подчиняются кремлевские постройки...

Что еще сказать о Новом Фонде? В планах - поддержка развития самых разнообразных забытых и уникальных ремесел, народных промыслов, возрождение народных костюмов и художественных школ, исследование нетрадиционной музыки (как, например, работа над расшифровкой крюковой нотной системы до XV века), шитья, игрушки, современного искусства, основанного на старинных мотивах.

Но главное, о чем еще хотелось бы сказать, это то, что в наших замыслах создание цикла видеопрограмм на самом высоком профессиональном уровне. Короткие и емкие видеофильмы под общим названием цикла "Неизвестная Россия" привлекают уже сейчас внимание многих. Эти фильмы могут распространяться как на телевидении, так и в виде кассет. В перспективе - открытие независимой телестудии или телерадиокомпании, а также издательства, открытие также службы по охране авторских прав в области, в частности, народных ремесел и реставрации.

И вот, наконец, то, что будет являться ядром всей нашей деятельности. Это многогранная исследовательская работа по выявлению и прогнозированию всего культурного наследия и его возможного будущего. Конечно, это работа для целого министерства, например, министерства культуры. Но где они, эти министерства, чем они занимаются? Мы берем на себя осуществление программы по централизованному сбору компьютерной информации обо всех культурно-исторических, этнографических и экологических памятниках, находящихся на территории России. Огромная работа. Это своеобразный каталог, но сейчас без него просто невозможно.

Например, после землетрясения в Армении в Москве создан любителями Корпус российских спасателей, который может в течение невероятно короткого времени собраться и быть переброшенным в самую горячую точку для спасения людей. Аналогичные меры порой необходимы для спасения какого-либо редчайшего памятника культуры. Например, горит лес вокруг деревянного храма. Пока будут реагировать местные власти (а дело происходит, скажем, в малодоступном месте), может произойти непоправимое. Корпус спасателей имеет связь с вертолетами, которые доставят группу прямо к месту. Но для этого нужно знать многое, нужно знать точно - местонахождение памятника, всю информацию о нем.

Много и долго можно говорить о программах и деятельности Нового Фонда. Мне кажется, что важно почувствовать ответственность стоящих перед нами задач. Тогда появляются и соответствующие люди, союзники, сотрудники, помощники, опекуны и (извините за выражение) спонсоры. Ясно, что никакое дело и никакая помощь не начинается без понимания и доверия. И мы надеемся как на первое, так и на второе.

Пока же, где бы мне ни приходилось говорить об этом, в России или за ее пределами, я встречал только поддержку. Надеюсь на это и в дальнейшем. Сейчас, мне думается, только от общих усилий зависит возможность сохранения того, что еще осталось после десятилетий последовательного разрушения.

Да, раньше, бывало, говаривали: "Учение такого-то всесильно, потому что оно - верно". Учение вождя, написавшего свои статьи и письма в серебряноборском подмосковном доме в марте 1922 года, было действительно сильным, и довольно продолжительное время. Но на поверку, все-таки, оказалось не всесильным. А ведь мы этого еще не доказали делом. Понять-то поняли, но мало еще чего сделали.

Так давайте же.

*

PS. Для всех, кто хочет помочь материально, советом или оборудованием.

Писать по адресу:

"Новый Фонд" - Фонд традиционной духовной культуры.
125319, Москва, ул. Красноармейская, 32, к. 69

Ковалеву Константину Петровичу (председатель Фонда).

Телефон: 155-96-97.

Средства направлять:

- в рублях: р/с 700037 Русский национальный банк.
Корреспондентский счет № 161667 РКЦГУ Центробанка
Российской Федерации МФО 201791.

- в иной валюте: Почтовый счет

Paris 6 246 80 F

ICône et tradition

с пометкой: pour la Russie

Новому Фонду в настоящий момент необходимы средства на реставрационные работы и материалы, на создание Школы фрески, оплату исследовательских программ по сбору Банка данных.

Новому Фонду нужно оборудование: видео и аудио - для осуществления видео и телепрограмм, компьютерное оборудование для осуществления программы "Банк информационных данных о памятниках русской истории и культуры".

Новому Фонду необходимы информационные данные и сведения обо всех аналогичных и отвечающих задачам Фонда организациях в мире.

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Д. Балашов

Еще раз о Великой России

I.

Итак, свершилось. Теперь и Армения 99 процентами избирателей проголосовала за отделение от России. Политика Горбачева, политика геноцида армянского народа принесла свои плоды... Отделяются и те, кому, как Белоруссии и Украине, отделяться от России нельзя ни при каких условиях. И все грозней и грозней звучит то, что происходит нынче в Молдавии.

Поразительно то, что за внешней борьбой демократов с коммунистами обнаруживается в национально-территориальном вопросе трогательное единодушие.

Я не за то, чтобы кого-то держать силой. Быть в составе России - это великая честь, которую надо заслужить, и это огромное преимущество, которое надо заработать. Не желающим быть россиянами путь открыт!

Поводов для "невхождения" в Великую Россию может быть масса. Католическая Польша, например, и должна была отделиться от православной России и т.д. (в целом этого вопроса - об "отделениях" - мы коснемся, если позволит судьба, в иных статьях). Однако, западные экономисты уже подсчитали, что самостоятельно прожить смогут лишь четыре наши республики (Россия, Украина, Беларусь и Казахстан), следовательно, разделение для большинства народов Великой России - это отнюдь не свобода, а подчинение иному хозяину. Вопросы: какому и зачем? С этого и начнем.

Сейчас уже не надобно объяснять, что Октябрьская революция была, по существу, завоеванием России коммунистами с последующим геноцидом основного населения и грабежом страны.

Оставляя на будущее выяснение сущности коммунистической утопии, скажем тут, что коммунизм был бы самой прочной диктатурой в мире, если бы смог себя прокормить. Но как раз это-то и оказалось невозможно, и, как выяснилось, невозможно в любой стране, принявшей данную идеологическую систему. В России большевики продержались столь долго лишь потому, что царская Россия была неслыханно богатой страной. Отсюда и неотвратимое сползание советской России к состоянию колониального придатка и сырьевой базы развитых капиталистических стран. Чудовищный уровень эксплуатации, самоуправство центра, грабительские налоги и прочее – все это не могло не содействовать развалу страны. Коммунистическая грабилька надоела всем.

Коммунистическое государство доказало свою полную неспособность управлять хозяйством, доказало потребительскую сущность однопартийной диктатуры, доказало и свою полную неспособность разрешить национальные проблемы, возникшие в СССР. Подчеркиваю, возникшие! Ибо именно партийно-государственный аппарат виноват во всех национальных трагедиях, прорвавшихся нынче гноем взаимной резни, будь то Прибалтика, Молдавия, Азия или Кавказ.

В царской России народы, ее населяющие, были действительно равны и в законах, и в оплате за труд, и в праве отправления культов, то есть в культурной автономии своей. Советская власть нарезала страну на почти произвольные куски, назвав их национальными республиками, причем в республиках этих "коренное" население весьма часто фактически являлось меньшинством. В Карелии, например, 70 тысяч карел, 38 тысяч финнов, 70 тысяч белорусов, 70 тысяч украинцев (западных) и около миллиона русских, причем живущих

тут аж с VIII века (потомки новгородцев, поморы и т.д.). Однако во время прошедшей войны Финляндия потребовала себе всю эту землю, опираясь на границы, проведенные большевистской властью!

Народы, чья историческая судьба давно связала их с Русью, живущие сплошь да рядом чересполосно и вместе с русскими (татары, например, или украинцы, больше половины которых раскидано по всей России и Сибири вплоть до Тихого океана), искусственно отделялись и противопоставлялись, но зато культуры их и религия безжалостно подавлялись, что вызвало озлобление и желание "выделиться".

Сверх того, равные в условиях царской России народы были разделены на полноправные (союзные республики), неполноправные (автономии) и бесправные вовсе (национальные округа). Сверх того - Сталин затеял переселение и ссылку целых народов, из коих турки-месхетинцы, крымские татары и немцы Поволжья так и не были возвращены на свои места обитания. Сверх того - последовательный геноцид русского народа, грабеж и прямое уничтожение десятков миллионов людей невероятно ослабили центр страны, переведя русский народ в число вымирающих. Ну и прибавим к этому - общее надругательство над религией и культурными традициями всех народов... И меньшего хватило бы для взрыва националистических страстей!

Но вот что любопытно: вся современная чертовня с обвинениями и драками ведется на единой основе - все почему-то возмущенно вспоминают о событиях 1945 года (возвращение в лоно России отторгнутых от нее земель) и принимают без спору решения 1918 года и позднейшие (принятые теми же большевиками!). А прошлого - дореволюционного прошлого - как бы и вовсе не существует. Для Гамсахурдиа, к примеру, история кончается в 1922 году, а о добровольном присоединении Грузии к России, о решении грузинских царей двухсотлетней давности, о достаточно славной

истории нашего совместного существования он, сын историка (!), словно бы и не ведает.

Характерно одно из читательских писем, напечатанное в "Огоньке", относительно Курил: мы-де не помним истории! Мы-де сами объявили в 1945 году войну Японии! Мы - захватчики! - и т.д.

Ну мы сами и Паулюса вышибали из Сталинграда. Дак и что? Нельзя было? Явно Смердяковы не перевелись на Руси...

Я не верю, что, печатая подобное письмо, вся редакция "Огонька" хором "забыла" о русско-японской войне начала века и о том, что Курилы и Сахалин были захвачены у нас Японией. Не верю, и все тут! В школе проходили в конце концов! Но, значит, всей редакции "Огонька" очень нужно закрепить результаты той, позорной для России войны с теми, прежними территориальными потерями. Иначе этому дураку попросту ответили бы, чтобы он почитал "Цусиму" Новикова-Прибоя или романы Пикуля.

Я не верю, что комиссия Верховного Совета, ездившая в Приднестровье, не задумалась, почто это русско-украинское население левобережья Днестра (и кем, и когда?) оказалось включенным в эту самую Молдову. А именно об этом следовало бы подумать, прежде чем заставлять этих людей учить чужой язык и становиться из граждан Великой России молдаванами, а в проекте - румынами и заявлять, что Приднестровской республики попросту "не существует".

Согласен! Существует Россия. И я бы лично воспротивился тоже, и с оружием в руках, ежели бы мою родную землю обозвали той же Молдовой. Я тоже, увы, живу в левобережьи Днестра, и почему тогда не объявить великую Молдову до Урала и не включить в нее не только русское население Речицы и Дубоссар, но и все русское население вообще? По крайней мере - та благостыня, что дремучим мудрецам из Верховного Совета тоже придется зубрить молдавский язык!

Меж тем отнюдь не Приднестровской республики, а именно этой самой Молдовы не существует, какие бы там постановления ни совершала кучка идиотов и недобитых фашистов в Кишиневе.

Во-первых, Молдавия входит в число тех именно республик, которые экономически, по подсчетам западных экономистов, сами по себе не могут прожить. Значит, ни о какой самостоятельности Молдавии речи нет и быть не может. Речь может идти (и уже идет) о возвращении этого куса земли Румынии.

Напомним: Бессарабия принадлежала туркам и была отбита у них еще во времена Румянцева-Задунайского и Суворова. Правительство Ленина, с которым я как русский патриот не желаю иметь ничего общего, правительство наемников международного капитала, на деньги кайзера и кучки американских миллиардеров захватившее власть в стране, правительство национал-предателей, призывавшее к разгрому собственной страны в первой мировой войне, - это правительство отдало Бессарабию Румынии. Граница прошла по реке Днестр. (Помните, у Вертинского: "Звону дальнего храма я внемлю у Днестра на широком лугу, и российскую милую землю узнаю я на том берегу"?)

Румыния воевала с нами на стороне Германии. Надо сказать, воевала плохо. (Немцы кричали из окопов: "Эй, рус! Давай менять тала-бала на румын!"). Так что, полагаю, без Германии румынам с Россией лучше и вовсе не воевать (тем, конечно, которые хотят завоевывать нашу территорию, я только о них говорю).

Недавно, избивая нашего офицера, молдавские бандиты кричали ему: "Хайль Гитлер!" - так что адрес и лицо тамошних любителей демократии достаточно ясны.

Наша власть в лице сталинского окружения (видимо, "и лично тов. Сталин"!) в 1945 году приписала к Молдавии левобережье Днестра, населенное русскими, которое, повторим, никогда не входило даже в состав области, отданной Румынии Лениным в 1918 году.

С превращением Молдавии в Молдову Горбачев (перестроечник!), поддерживая, однако, решения сталинского правительства, называет русских и украинцев Приднестровья "сепаратистами", обещая с ними "разобраться" (!). И тотчас льется кровь.

Но вот наши партаппаратчики устраивают путч, путч не удается. И тут победившие партаппаратчиков демократы, комиссия из членов Верховного Совета (надо бы привести полностью их имена!), едут в Дубоссары и объявляют бастующих русских женщин... сторонниками ГКЧП, то есть той власти, которая и объявляла их "сепаратистами". Дивно!

Более того, славные демократы из Верховного Совета признают законным арест депутатов из Приднестровской республики, нарушая тем все мыслимые нормы международного права (за которые только что боролись), а протест народа - объявляют кем-то "организованным". И... по сути призывают "бэтээры", отступившие от Белого дома, давить русское население левобережья Днестра, дабы заставить их стать молдаванами! Славные представители новоявленной демократии продолжают одну и ту же политику, солидаризируясь с фашиствующими элементами из недобитков минувшей войны, ненавидящими Россию и жаждущими реванша.

Разумеется, недобитки эти и головы бы не подняли, если бы наше правительство уже полвека не насиловало и не грабило эту самую Бессарабию, закончив погром вырубкой виноградников, что послужило последней каплей... Начали, как водится, с коллективизации, уничтожения церквей и с прочих надругательств... И довели!

Ну хорошо, довели, скажем, молдаван до желания податься в Румынию (кстати, не так-то они все этого и хотят, но допустим). Каждый народ имеет право на самостоятельное решение своей судьбы, не так ли? Это не ваш ли коммунистический тезис о праве наций на самоопределение, господа большевики? Не ваш ли,

товарищи партократы? Не вашего ли обожаемого Владимира Ильича Ленина-Ульянова, виноват, Бланка?!

И не ваше ли это также утверждение, не ваш ли главный коронный гвоздь всех ваших проповедей - "равенство народов", а, господа демократы? Права человека и все прочее? Ваше или нет?!

И какая же звериная харя скрывается за вашей демократической личиной, ежели - как до дела - вы готовы танками давить и гагаузов, и русских, и украинцев, и болгар в Бессарабии только за то, что они не хотят становиться румынами и не хотят отдавать кому-то ту землю, на которой жили их предки - столетиями, заметьте, еще со времен киевской державы Рюриковичей, еще со времен гуннов, еще и с сарматских, со скифских времен! Землю, политую русской кровью, землю, помнящую славу побед русского оружия! Какое же вы, господа демократы, дерьмо...

А дело-то просто, ведь проблемы-то и вовсе нет. Хотят молдаване отделиться от России и присоединиться к Румынии? Их дело, в конце концов - менять шило на мыло. Но при чем тут гагаузы с их территорией? При чем здесь русско-украинское население левобережья Днестра?

Ах! Женщины блокировали железную дорогу, по которой прибывают нужные вам, демократам, товары? (Кстати, какие и откуда?!) Да полно врать! Ваша задача все та же, поставленная в начале столетия: развалить во что бы то ни стало Великую Россию. Поэтому вы за кого угодно, хоть за фашистов, но лишь бы те поддержали раздел державы! И против кого угодно, ежели речь идет о сохранении страны! Не удивлюсь, если на женщин тех же Дубоссар вскоре резвое демократическое правительство (лозунг уже есть - они-де за ГКЧП!) пошлет омоновцев с "бэтээрами" давить их, не желающих менять свою национальную принадлежность по чужой прихоти...

(Строки эти были уже написаны, когда невозможное совершилось: да, и ОМОН явился, и бульдозеры, и

газами травили тех самых женщин, которые героически взялись отстоять наше с вами национальное достоинство! Видимо, у России уже не осталось мужчин, способных защитить своих сестер, жен и матерей! Чем только сия демократия отличается от фашизма?)

Пора понять, что всякое национальное демократическое движение начинается и кончается там, где народ защищает свою землю. Там, где идет речь о захвате чужой земли, об уничтожении или изгнании другого народа – там кончается демократия и начинается фашизм.

Мы справедливо возмущаемся Саддамом Хусейном, уничтожающим курдов, и... мы же позволяем кишиневской охранке грабить, травить газами и убивать наших русских братьев и сестер в Дубоссарах! Так кто же мы тогда? Я призываю армию встать на защиту поправленной справедливости и граждан нашей страны в Приднестровье!

Ежели мы не признали отделения Молдавии от СССР, мы обязаны арестовать и наказать преступников.

Ежели мы признали отделение Молдавии... Признали, да? То наша армия обязана защитить свой народ от иностранной интервенции и немедленно выбросить кишиневских бандитов за Днестр, иначе она не армия!

Пора договориться об основных принципах взаимоотношений народов, исходя из высшей справедливости и принятых международных норм.

Равенство должно быть равенством для всех, без изъятия, без деления на овец и козлищ. Все народы равны, и русские равны тоже. Старая песня, которой подпевал Горький в 1920-х годах, что-де русским надо потесниться и все такое прочее, оживает вновь и опять. Хватит унижать Россию, она еще не умерла, несмотря ни на что! И затеянные демократами похороны могут не состояться!

Итак: ежели мы признаем людей разными, значит, не имеем права покушаться на их строй жизни – быто-

вые особенности, религию, способ устройства общества и т.п. Все это признано и принято международными правовыми актами.

Ежели мы признаем людей при этом юридически равными между собой, то должны предоставить им действительно равные политические права без ущемления кого бы то ни было. И, значит, мы не должны допускать угнетения самых малых народов сильнейшими, как это сейчас происходит в Азербайджане, Грузии и Молдавии.

Статус автономии не дает права издеваться над людьми. И в каждом подобном случае – будь то Карабах, Осетия, Абхазия, Гагаузия или Приднестровье – мы обязаны вступить за угнетаемый и уничтожаемый народ. Ежели надо, ежели он того просит, включить его в состав РСФСР, а отнюдь не потворствовать чьим-то великодержавным устремлениям.

Затем. Ежели мы собираемся восстанавливать Великую Россию, исторически сложившееся многонациональное государство, и полагаем, что советская власть исказила принципы сожительства наций, мы должны отказаться от всех решений национального вопроса, принятых советской властью, как и от всех измышленных большевиками территориальных размежеваний как от системы, а не от каких-то решений выборочно. В частности, тогда нельзя, например, протестовать против присоединения тех или иных территорий к СССР в 1945 году и признавать их отделение от России в 1918-м, поскольку прежнее решение было принято той же советской властью и было так же несправедливо, как и второе, и даже еще несправедливее, ибо в 1945 году мы лишь возвратили утраченное страной в процессе захвата ее большевистской властью. И решения об отделении надобно принимать, учитывая всю сумму исторических факторов: после всенародного обсуждения, после установления границ фактического проживания народов, а не по тем границам, что нарезала советская власть, после размена имущества и возможной эвакуации тех

или иных предприятий, после обмена жилья (молдаване, уезжающие из России к себе, оставляют жилплощадь, меняя ее на равноценную жилплощадь уезжающих из Кишинева русских. В случае "неравноценного" выезда та же Молдавия обязана вернуть русским стоимость их жилья (или Россия молдаванам - кого больше уедет), и так далее...

Необходим при этом перевод всех хозяйственных отношений на валюту и международные рыночные цены, дабы не допустить никакого дальнейшего грабежа России или отделяющейся республики.

Наконец, ежели мы вообще собираемся жить в государстве, а не драпать куда-то, мы обязаны увязывать принципы высшей справедливости с интересами данного государственного организма, как собственно и поступают все цивилизованные нации. Иначе надо отказаться от государственных систем и границ, а к чему приводит потеря народом своей государственности, на то в опыте протекших тысячелетий множество горьких примеров.

Сказанное, естественно, вызовет у многих целый ряд вопросов (о "клеветниках России" я не говорю, речь не о них), ибо за горестями, посетившими нашу Отчизну в XX столетии, как-то забылись славное прошлое страны и те органичные, я бы сказал, природные факторы, которые потребовали создания Великой России в те седые века, когда и самих русичей-то еще не было на свете...

II.

События обгоняют друг друга. Кричать надо о Курилах: "Не отдавайте!". Не о паре островов речь, продается-отдается ключ от дома, и говорить, кричать надо не о стоимости самого ключа, а о том, что будет с домом, ключ от коего окажется в чужих руках. Но для того, чтобы стало ясно и с Курилами - как, что и поче-

му - надобно отступить назад в историю (и намного-таки отступить, на три тысячелетия как минимум), а до того сказать (ибо забыли сейчас - позор! - и об этом вспоминать надобно, что забыли), почему, собственно, какой надобности ради существуют национальные государства, и могут ли они когда-либо перестать существовать.

Все семьдесят три года нашей чудовищной советской истории, нашего крестного пути в небытие, кормили русский народ идеей близкого слияния наций в одно неразличимое целое (и тогда-де, настанет подлинный рай на земле! Как у нас! Видимо, "архипелаг ГУЛаг" планировался во вселенском масштабе...) О чем великий пролетарский поэт Маяковский - который, по авторитетному заявлению Сталина, "остаётся лучшим поэтом нашей советской эпохи" - писал выпренно:

Мы живем, зажатые великой клятвой,
За нее - на крест, и пулею чешите,
Это, чтобы в мире, без России, без Латвий,
Жить единым человечьим общежитьем.

Интересно, после семидесятитрехлетнего "чесания пулею": что по сему случаю скажут - нет не русские! - а те самые латыши, кстати, очень помогшие большевикам в 1917 году утвердиться у власти?

Сколько слез, ахов, охов и главное чернил было потрачено и пролито для доказательства благодетельности слияния всех народов в одно единое сверхгосударство! И ни одному горе-интеллигенту так-таки не пришло в голову, что все войны на земле (в основном ведущиеся ради защиты своей национальной независимости) меньше нанесли вреда и меньше вызвали жертв, чем принесло бы всего несколько десятилетий существования такого сверхгосударственного организма! Мы теперь, потеряв половину населения страны в лагерях и пыточных камерах товарищей-коммунистов, можем судить об этом отнюдь не умозрительно.

Ну, а что было бы с европейской культурой даже в великие средние века, не имея возможности те же ученые мужи переезжать из Парижа в Брюссель, из Мадрида в Лондон и т.д., спасаясь от инквизиции и самоуправства власть имущих? Где бы, на каких помойках покоились кости знаменитых богословов, философов и поэтов, имена которых нынче украшают европейскую культуру?

Однако, начнем по порядку.

Идеи, породившие все мерзости XX века, выявились в европейском мире с эпохой Просвещения. Бурное развитие техники, освоение (завоевание) новых территорий в обоих полушариях Земли, на западе и востоке, поставили на очередь роковой вопрос о соотношении рас и народов друг с другом, о праве угнетать себе подобных (вопрос архизлободневный, учитывая бойкую торговлю неграми!), о "дикарях" и "культурных" нациях, о равенстве-неравенстве всех людей "независимо от цвета кожи", и так далее.

Надо ли жалеть бедного дикаря с кольцом в носу и пытаться приобщить его к своей культуре? (Однако, когда индейские дети в завоеванных империях ацтеков и инков начали одолевать европейских школьников в постижении наук, испанцы очень и очень задумались). Пустить ли негра в Сорбонну? Дабы он, окончив университет и в совершенстве овладевши французским, стал таким же точно, как и все французы? Или "эту черную образину незначит учить, все равно белым он не станет"?

Легко увидеть, что обе точки зрения исходили из одного-единственного постулата: чтобы быть равными, люди должны стать одинаковыми. А одинаковость предполагает одинаковый быт, одежду, развлечения, манеру поведения, способ хозяйства, принятые на западе европейского континента.

И вот в этом заколдованном кругу - все равны-одинаковы, нет не одинаковы и потому не равны - вертелось европейское мышление триста с лишком лет,

находя доказательства как для первого, так и для второго тезиса, ибо негр, проучившийся в Сорбонне, науки усваивал, но европейцем-таки не становился.

Современный космополитизм, как и расизм (оборотная сторона той же медали) родились именно отсюда. И утверждения Гитлера о неполноценных расах, и коммунистическое стремление ко всеобщему усреднению "без России, без Латвий" - отсюда же. И попытка построить единообразный для всех и во всем рай на земле, неотличимый от каторги - отсюда же. Силой привести к счастью даже тех, кто такого "счастья" активно не желает!

О сущности коммунистического счастья - потом, а пока - о клятвом единообразии. Должно было появиться в нашей стране замечательному ученому Л.Н. Гумилеву, чтобы разорвать этот порочный вековой круг заблуждений.

Лев Николаевич Гумилев обнаружил закономерности развития этносов, изучил их и впервые свел в стройную систему. Коротко: историческое развитие каждого народа, от взлета до угасания, занимает 1200 - 1400 лет и характеризуется первоначальным получением из космоса некоего "толчка", энергетического заряда, пробуждающего в людях "пассионарность", способность к творческому сверхусилию. Пассионарность эта передается генетически, постепенно расходясь, до своего полного выхода за указанный срок. В срок этот укладывается короткий период взлета, когда оформляются национальные традиции и государственные системы; затем следует период уже самого государственного развития с неизбежными взлетами и падениями, с "надломом", внутренним кризисом, совершающимся обязательно через шесть веков от начала этногенеза, и с "золотой осенью", спокойным закатным периодом, наступающим обычно после того, как (и ежели!) нация выйдет из надлома.

Самым же главным для нас в этой теории является то, что Гумилев впервые связал развитие человечества

со средой его обитания. В отличие от теории географического детерминизма, по которой восприятие человеком природных условий пассивно, по теории Гумилева, опирающегося в этом отношении на другого нашего гения, Вернадского, взаимодействие этноса со вмещающей его средой рассматривается всегда как активный двусторонний процесс, а результатом этого взаимодействия как раз и является разнообразие этносов, в постоянных подъемах и упадках которых, вечно обновляясь, и заключено бессмертие человеческого рода.

В каждом отдельном случае этнос, складываясь, наиболее экономичным и наиболее щадящим образом приспособливается к среде своего обитания, приходит в состояние равновесия со средой. Разнообразна природа, еще более разнообразны способы ее освоения, а раз так — народы, этносы все разные, но никто не "хуже" и не "лучше". Ибо все лучше у себя дома, в привычном ритме существования, и хуже, когда вторгаются в иную среду обитания или перестраивают свой быт по законам иной, чуждой культуры. Во всех подобных случаях результатом человеческой деятельности является гибель окружающей среды "вмещающего ландшафта" и затем — гибель самих людей. Все пустыни на земном шаре рукотворного происхождения, то есть созданы человечеством в результате нарушения экологического равновесия этноса с природной средой.

Соответственно с теорией этногенеза Гумилева необходимо менять всю систему привычных социологических координат. Нет какой-то эталонной "лучшей" культуры, которую можно было бы без вреда для природы и человечества распространить по всему миру, и, вместе с тем, нет ненужных или второсортных культур, которые можно было бы уничтожить, не нанеся вреда человечеству в целом, ибо они все неповторимы. И, наконец, поскольку сам процесс создания разнообразных этносов есть процесс природный, то нарушать его, насильственно перестраивая жизнь, нельзя. Вредно,

бесперспективно и главное - все равно не получится. Нацию можно убить, но не изменить.

Легко узреть, что подобный теоретический подход и благотворен сам по себе, и кладет конец как расистским, так и космополитическим амбициям. И поэтому не надо, чтобы "без России, без Латвий", лучше не надо!

Нации не пережиток, не то, что вскоре исчезнет, а неустранимое основание самой жизни человечества. Неустранимое и постоянно возобновляемое при всех многообразных скрещиваниях людей друг с другом. Относясь к одному виду живых существ, давая полноценное потомство при скрещивании, люди превратились бы в один народ еще в верхнем палеолите, ежели бы их властно не делила на этносы сама природа, сама потребность творчески и по-разному взаимодействовать со вмещающей средой. И вечная в человечестве борьба за свободу, оставание своей земли, патриотизм - тоже уходят корнями в экологию, они тоже вызваны на свет природными, объективно существующими факторами, и потому патриотизм, чувство любви к своей земле, можно исказить, оболгать, направить, наконец, в ложное русло, но вовсе отменить - нельзя. С этим надо считаться так же, как мы считаемся с силой тяжести или температурой кипения воды.

Думаю, сказав это, я могу теперь говорить о России, о своей единственной родине, не опасаясь упреков в "шовинизме" или "расизме", могу также защищать интересы русского народа, незвирая на то, например, что в жилах моих, кроме русской, от прадедов и прапрадедов, течет эстонская и цыганская кровь, и это только в обозримом прошлом одной семьи, а за шестьдесят-семьдесят поколений мы все на земле - родственники.

Любопытно следующее. Пока мы до хрипа в глотках кричали о близком слиянии всех наций воедино, учили эсперанто, плодили полукровок и выдумывали, как обозвать наш народ, чтобы не говорить "Россия" и

"русские" (получилась "новая советская общность", населяющая "Нечерноземье") - вокруг и рядом с нами шел грандиозный и одновекторно направленный процесс выделения, высвобождения все новых и новых национальных государственных организмов.

Процесс именно одновекторный, ибо за последние полтора столетия ни одно, например, мелкое и даже мельчайшее государство в Европе не было аннексировано, присоединено или завоевано. Андорра, Монако, Сан-Марино, Люксембург продолжают существовать несмотря ни на что. Меж тем, в старушке Европе, казалось бы, деленой-переделеной, появляются Финляндия, Норвегия, Исландия, Ирландия; разваливается на национальные организмы Австро-Венгерская империя (и в этих организмах продолжают размежевания по национальным и религиозным различиям, подчас очень болезненные и даже кровавые). Африка, бывшая до войны континентом колоний, стала континентом бурно растущих национальных государств, все конфликты между которыми и внутри которых опять же национального свойства (Патрис Лумумба, которого мы поддерживали и учили "классовому подходу", погиб потому, что оказался на территории чужого племени, и когда понял, что дело не в классах, а в нациях, и попытался бежать к своим, стало поздно). Растут, консолидируются, одерживают победы страны Востока, и тоже упорно стремятся выделиться национально, а не как-нибудь иначе: Индия, Индонезия, Китай из жалкого полуколониального и колониального состояния возвысились до важных государств мира, и все это в кратчайшие сроки, и все это у нас на глазах! А мелкие государства Океании? А Южная Америка? И проблема курдов на Ближнем Востоке имеет лишь два решения: появление независимого Курдистана или гибель всего народа - третьего не дано. А давно ли мы узнали, что в Бельгии живут валлоны и фламандцы? Что франкоязычный Квебек мыслит отъединиться от англоязычной Канады?

Словом, бормотать об интеграции и слиянии наций, упорно плести сказки о классовой борьбе и о том, что у пролетариата нет отечества, становилось все труднее. И вот - лопнуло. И, совершив головокружительный цирковой кульбит, мы на полном ходу перескочили в поезд, идущий прямо в противоположном направлении, с криками, теперь уже - о праве наций на самоопределение, с решительным стремлением развалить Россию, "тюрьму народов", с капризным отталкиванием от себя своих же собственных граждан, соплеменников, как и тех народов, которые по-прежнему желают жить в едином государственном симбиозе с русскими в Великой России.

Чьи тут домыслы и откуда плывут сии чудеса - поговорим потом, ибо никакие тайные действования не могли бы быть удачны, кабы не существовало массовой растерянности, массовой убежденности, что так, наверно, и есть, так, наверно, и правильно! И вот русские люди в Санкт-Петербурге и Москве, с плакатами, требуют оставить Латвию латышам, начисто забывая про русскую половину населения этой республики и, разумеется, глухо позабыв сакраментальное: "без России, без Латвий..."

Но вот что еще интересно в этом нашем идеологическом кульбите: мы готовы теперь защищать права всех народов, кроме русского и кроме прав тех народов, которые хотят жить вместе с русскими! Тут, воистину, трудно удержаться от вопроса: а кому все это нужно?

Но, возразят мне, как же с процессом выделения национальных организмов, который, по вашим же словам, охватил весь мир? Вот Россия и разделяется на "национальные организмы"!

Стоп! Вот тут и надобно начинать думать. Во-первых, можно назвать в мире по крайней мере три огромных государственных организма, относительно которых вопрос о распаде далеко не так самоочевиден и не столь прост. Помимо России, это Индия, где национальная пестрота такова, что государственным языком пришлось

сохранить английский, и США, государство, о распаде коего даже речи нет, хотя национальная пестрота там не меньшая, чем у нас. Дело в том, что и в Индии, и в Штатах были найдены свои, специфические для каждой из названных стран, формы терпимого сожительства и содружества народов. Система каст и относительная замкнутость национальных округов в Индии и, напротив, максимально "перемешивающие" социальные факторы в США, благодаря чему даже и негритянский вопрос уже давно потерял свою прежнюю остроту.

Но ведь и у России были свои специфические способы сглаживания национальных противоречий. При всей своей многонациональности, она никогда не была колониальной империей, но всегда - содружеством наций, в котором (я говорю о дореволюционном прошлом) уважались все религии и уважались не на словах, а на деле. В столичном Петербурге до сих пор высятся храмы всех имеющихся в стране вероисповеданий, а во вновь возникавших вдоль транссибирской железной дороги городах со смешанным русско-татарским населением правительство заботливо строило мечети для верующих мусульман.

В царской России никогда не было разницы в оплате труда по национальному признаку. Система законов Российской империи распространялась равно на всех, без национального ущемления кого бы то ни было. Была, наконец, процентная норма приема в высшие учебные заведения, открывавшая путь в правящее сословие страны представителям всех наций Великой России. Да, наконец, и в народе русском никогда не было ни грана национальной спеси, не было "отталкивания", почему у нас всегда заключалось много (и хороших!) межнациональных браков. Ни колониальной империей, ни "тюрьмой народов" Россия не была.

Но как раз это-то и не самое главное сегодня. Отделение от России совсем не обязательно может быть вызвано угнетением и обидами. С Финляндией, например, происходило прямо наоборот. Только после вклю-

чения в состав Российской империи финны смогли, опираясь на русскую помощь и покровительство, начать национальное движение сперва в области языка и культуры, и уже потом - в экономической и политической сферах. Движение, закономерно приведшее к созданию независимой Финляндии.

Причины, истинные причины необходимости существования Великой России лежат в другом. И для выяснения их как раз и надлежит обратиться к глубокой древности, к истории, а еще прежде - к экологии нашей страны.

III.

Скажем прямо. Человек на земле одинаково легко может быть и тружеником, и паразитом.

Лишенный Духа Божия, лишенный гуманной и, значит, жертвенной идеи, отказавшийся от заповедей добра и любви человек, это - "крупный хищник верхней, завершающей ступени биоценоза", и ничего более. И в этом качестве, убежденный и убедивший самого себя, что Бога нет, морали, следовательно, тоже, а он, человек, высшее звено и высшее достижение природы, "в коем материя осознает саму себя" (цитирую Энгельса) и, значит, все прочее существует лишь для того, чтобы кормить и ублажать человечество - пришедший к подобной мысли человек неотвратимо становится разрушителем среды своего обитания.

Сосредоточившись на "матерьяльном", он губит материю, оставляя на месте своего обитания пустыни, вследствие чего гибнет и сам. Ну, а вооруженный техникой "хомо сапиенс" становится самым опасным паразитическим существом. В наши дни уже не о пустынях встал вопрос - а о возможной и близкой гибели всего земного шара, всего человечества, что может произойти в результате очередного взрыва "мирной" атомной станции, или еще более мирного захоронения радиоак-

тивных отходов, или по причине химического отравления, или из-за озоновых дыр, или... Боюсь, что всех нависших над нами способов тотального самоубийства уже и перечислить нельзя! И, кстати, наше "передовое" государство действительно передовое в том отношении, что столь безжалостно-тупоумного уничтожения всего подряд: леса, почвы, воды, рыбы, воздуха, людей, истории - каковое и поднесь творится в нашей стране, не знало человечество никогда в истории. Тут мы, и в самом деле, первые и почти единственные. Но так в России было далеко не всегда. А еще точнее - такого никогда не было в России.

Вдумаемся в экологические особенности нашей страны. Поищем в природных закономерностях, а не в волюнтаристских устремлениях завоевателей (устремлениях, почти всегда эфемерных!) причины создания того грандиозного феномена, каким оказалась Россия, охватившая шестую часть населенной суши.

От европейского Запада нас отделяет невидимая, но очень ясно ощутимая граница - отрицательная изотерма января. Там - ряд долин, перегороженных и защищенных горными хребтами, теплый Гольфстрим и, соответственно, мягкий климат с умеренными зимними холодами; здесь - открытая всем ветрам Ледовитого океана холмистая равнина с коротким летом, суровой зимой, затяжными веснами и долгою осенью. Те, кто перешел жить за эту незримую границу, должны были по-новому пересоздавать весь свой быт, ритм сезонных работ, характер жилища, одежды и многое другое; должны были выработать и особые, специфические черты национального характера, и черты эти решительно отличают русского человека (помимо его воли! как бы он того ни хотел!) от всякого человека Западной Европы. И Россия в целом отнюдь не "одна из" европейских стран. Россия - другая суперэтническая структура. Почему и все попытки построить "Запад" в России были ранее обречены на неудачу и обречены на неудачу теперь, понимания чего явно не хватает

нашим даже самым добросовестным демократам... Понимания чего, кстати, всегда не хватало и нашим врагам, вторгавшимся на территорию России. Не в морозах, не в грязи непролазной наших дорог было дело! В нашем национальном характере, в котором ежегодные сверхнапряжения во время сельской страды выработали удивительную способность внутренней мобилизации сил в условиях, когда, казалось бы, все уже потеряно и проиграно...

Но поглядим дальше. Взглянем на всю Великую Россию, как умели глядеть герои богатырского эпоса, охватывая разом и ледяные горы Ледовитого "дышащего моря", и хребты Урала, и далекие южные степи, и золотые маковки киевских церквей, взглянем на всю эту землю, протянувшуюся вплоть до Тихого океана и до степей Монголии.

Огромные эти пространства, кое-где покрытые вечною мерзлотой, все, как и восточно-европейская равнина, открыты северным ветрам, поскольку горные хребты тянутся от севера к югу. И северный край этой земли - тундра, где возможна лишь скудная, на грани выживания, жизнь маленьких коллективов северных оленеводов, охотников и рыбаков. Дальше к югу простирается необозримая тайга, жить в которой много труднее, чем в тундре, и поэтому еще реже заселенная, только по берегам великих рек... Когда-то здесь, возможно, было теплее. Когда-то, возможно, были здесь великие цивилизации древних самодийских народов. Иначе трудно понять, почему эти люди, ведущие столь скудную жизнь, имеют столь развитую и сложную мифологию...

К югу становится теплее, появляются чудесные оазисы горного Алтая, плодородных степей, и все-таки жить здесь непросто, и все-таки земля эта была мало заселена... И, наконец, по самому краю безмерных таежных пространств начинаются и тянутся, перегоняя друг друга, непрерывною чередой - степи: от далекой Манчжурии, Монголии, Турфана, через "Ворота наро-

дов", к нашей Средней Азии, степям Приаралья и Заволжья и далее к Причерноморским степям, до Карпат, вплоть до последнего степного оазиса Пештской равнины (современной Венгрии). И по всему этому степному простору двигались, позвякивая бубенцами, караваны, гнали скот и вели рабов, везли шелка, ткани, оружие, пряности, дорогие меха, мамонтову и слоновую кость, "зуб рыбий" (клыки моржа), фарфор, серебро и драгоценные камни. "Великий шелковый путь" начинался в Китае и оканчивался в Византии, откуда шелковые ткани расходились уже по всей Европе. А на окраинах этого тысячелетнего пути, воистину дороги народов, располагались, омываемые южными морями, великие цивилизации Китая, Индии, Ирана и Византии...

И сколько завоевателей, сколько раз пытались то перерезать этот путь, дабы брать себе "дани-выходы" с провозимых товаров, то захватить эти земли, дабы беспоглобно вывозить их богатства для себя, для своих нужд! Неисчислимые китайские армии рвались сюда, к пастбищам Монголии и горного Алтая, к плодородным долинам Средней Азии. Парфянские и персидские цари выводили в степи ряды своих, одетых в чешуйчатую броню, воинов и гибли здесь, и губили своих бойцов...

Почти получилось у хазар, вернее, у персидских евреев, проникших в Хазарию, которую они обратили в свою веру. Создали хищническое государство, переняли караванные пути, стремясь ослабить свою торговую и религиозную соперницу Византию, налагали дани на соседей - и были в пух разбиты Святославом, сокрушившим хазарское государство на Волге, после чего вновь и опять потекли караваны по великому шелковому пути...

Сейчас, рассматривая события в ритмах тысячелетий, очень ясно видится, у кого с кем и за что шла тут постоянная борьба. Борьба шла между завоевателями, стремившимися захватить эту землю, чтобы превратить ее в источник дешевого сырья, то есть грабителями, которые, добейся успеха, выжали бы эту землю,

как лимон, и бросили погибать – и между теми, кто сам жил тут, обихаживал местные степи, пас стада, проводил караваны, взимая умеренную плату тем же шелком, оружием, посудой – умеренную, ибо им, местным насельникам, вовсе ни к чему было прекращать постоянный ток караванной торговли или перерезать пути к Ирану и к Византии. (Эти два государства постоянно враждовали между собой, и китайский шелк играл далеко не последнюю роль в их политике и даже мощи армий, ибо наемники из Западной Европы предпочитали шелк всем другим драгоценностям далеких земель, поскольку, помимо красоты и блеска, в шелковой одежде не держались насекомые.)

Так вот, те, кто жил в степях и по краю тайги, для кого эта земля была своей, не могли, не хотели и даже не умели ее губить. Бережно пасли стада, дожидаясь, когда подрастут травы, и не превращая степи в пустыню, не пахали "целину" (земля была священной!), а потому не было и черных бурь, страшной ветровой эрозии, в наши дни погубившей уже половину бездумно распаханых целинных земель; не насиловали они и северных таежных жителей, обменивая их меха на серебро и ткани (а не на водку и опиум), что позволяло и северянам жить в согласии с природой. Но...

Все это возможно было лишь в том случае, ежели великий шелковый путь оставался "чист", а значит, кроме экологически безопасного хозяйства, требовалась тут единая власть на всем пространстве от Китая до Западной Европы или хоть согласие живущих тут племен. Так вот и получилось, что оптимальным, согласно природным условиям места сего, лучшим, наиболее щадящим способом освоения этих пространств должно было стать некое политическое единство, охватывающее весь этот тысячеверстный путь, единство, созданное местными, обязательно местными жителями, а не находниками со стороны.

И то, что эта потребность отнюдь не вымысел досужего современника, доказывает сама история. В

сердце Монголии, в Баян-Хонгорском аймаке, на границе Гоби, до сих пор высятся каменные стеллы, изъеденные ветрами, с едва различимыми изображениями грифона, терзающего оленя - традиционной тамгой скифского племени, поставленные, как говорят ученые, в IX-XI веках до нашей эры. И в историческом музее Таллина вы увидите чертежи раскопок характерных (изглаженных временем) круглых скифских могильников тех же времен. Главная же резиденция "царских скифов" находилась в степях Причерноморья. И все бесчисленные народы и племена по всей этой территории присылали небольшую дань, да периодически участвовали в походах, то есть представляли собою не рабов, а народ-войско. Характерно, что когда скифский царь захотел узнать, сколько у него подданных, он велел каждому воину прислать по наконечнику стрелы.

Так еще три тысячи лет назад сложилось государство, обнимавшее территорию современной Великой России, и сложилось оно как союз племен, возглавляемых "царскими скифами". Наши предки, предки славян днепровских, тоже были в этом союзе, являясь по языку и культуре младшими братьями скифов.

Прошли века. В естественном своем старении кончилось, сникло великое государство скифов. Явились сарматы. Явились гунны от далеких границ Китая и затухающею волной своего остаточного движения потрясли всю Европу. Там, на Востоке, на границе Китая и степей, сталкивались такие силы и в такой предельной ярости, которая и не снилась тогдашним европейцам. И как хорошо, что степные богатыри в многовековой борьбе охранили цивилизации и Средней Азии, и Европы от нашествия подданных "Сына неба", китайского императора!

С развалом гуннского союза возник славянский киевский каганат, и вновь пошли торговые караваны по великому шелковому пути. Была сокрушена Хазария. Подходила к концу славная история Киевской Руси,

когда явились монголы... Сибирь и еще не завоеванную Русь подарил Чингиз-хан внуку от старшего сына своего, Джучи, Бату-хану. И так сложилось, что в этот раз оттуда, с Востока, вновь был восстановлен торговый путь и политическое единство всей территории грядущей Великой Руси. Ну, а дальнейшая история нам более или менее ведома. Оказавшись наследниками Джучиева улуса, русские не столько завоевывали, сколько присоединяли, зачастую без боя, бывшие владения Золотой, Белой и Синей Орды, тотчас, как после взятия Казани, уравнивая новых подданных с русскими (треть наших дворянских фамилий - татарского происхождения). То есть поступали, в сущности, так же, как скифы, гунны, монголы. Создавался симбиоз, союз народов, а не колониальная империя.

А как же великий шелковый путь? Путь остался, только переместившись севернее. Уже не медленные верблюды, а быстрые тройки бешеных сибирских коней несли путников через все необозримые пространства Сибири вплоть до Тихого океана, до моря Охотского. И уже на рубеже нашего века великая страна совершила великое деяние, связав европейский центр страны с Дальним Востоком единой железнодорожной магистралью. Через огромные реки Сибири были переброшены мосты - чудо тогдашней техники, сквозь тайгу и болота прошли насыпи, цепью тоннелей был опоясан Байкал. Не нашлось, увы, до сих пор не нашлось писателя или певца, по достоинству оценившего этот грандиозный труд наших прадедов! С нею, с железной дорогой, вновь, но уже в современном и в русском варианте, была восстановлена "дорога народов", связь, проходящая сквозь всю Евразию, связь, уходящая корнями в далекие седые века. Ибо все осталось, как прежде! Тайга и тундра, мерзлота и редкое население, набитая богатствами Сибирь, которую столь легко грабить и столь трудно обихаживать и заселять.

И все ведь получалось у наших-то прадедов. И "ясашных инородцев" оберегли от лихого скупщика и

от вымирания, и хлеб сибирский пошел уже на мировой рынок, и Дальний Восток оброс портовыми городами, поскольку Китай перестал быть концом мира и за прежним пределом путей открылись дали далекие морских корабельных дорог. Словом, и Дальний Восток потянулся уже к славному будущему своему, и вот-вот, брезжило уже, явятся и архитектура своя, сибирская, а промышленность и торговля уже явились, одну Ирбитскую ярмарку вспомнить! И науки начали, из Томского университета, свой путь, и уже готовилась Сибирь к тому, чтобы стать для европейской России ее продолженным будущим, как Америка для Западной Европы, но - в рамках единого государства, но - на ином, несравненно более высоком культурном уровне, но - с самым бережным отношением к местным племенам...

Готовилась! Но произошла революция...

(Продолжение следует)

**Евтушенко в Японии,
в "борьбе против коммунизма"
и в действительности**

*Беседа поэта с японским литературоведом Хироши Кимура**

Х. Кимура: Солженицын в своей работе "Как нам обустроить Россию?" называет большевистскую революцию в России "октябрьским переворотом". И я тоже склонен называть это событие "октябрьским переворотом". Конечно, по этому поводу могут быть и другие мнения. Какую роль сыграла российская, русская интеллигенция в этом перевороте и какова была ее роль в 74-летней истории страны, с момента переворота и до наших дней? Какую роль она играет сейчас?

Сам я родился в 1925 году, а Вы, Евгений Александрович, в 1933-м. Считаете ли Вы, что все, относящееся к прошлому, принадлежит только истории? Как представитель русской интеллигенции, какими шагами шли Вы по российскому историческому пути? Причастны ли Вы лично к тем или иным историческим событиям, связаны ли Вы с ними?

* Текст беседы опубликован в японском журнале "Шокун" в октябре 1991 года. Хироши Кимура, род. в 1925 г. в Токио. Окончил Русское отделение Института иностранных языков в Токио. Профессор Университета Сидзюка, критик, автор многих книг о русской литературе. Член японского ПЕН-клуба. Перевел на японский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого, Чехова и Солженицына. После перевода "Архипелага ГУЛаг" в течение многих лет не получал визы для поездки в СССР.

До окончания Второй мировой войны деятельность коммунистической партии в Японии была запрещена. Нам почти ничего не было известно о происходящем в Советском Союзе. Однако после окончания войны, в условиях свободы информации, в Японии было опубликовано много книг о Советском Союзе, переживавшем тогда расцвет сталинизма. И в книгах этих Советский Союз изображался как рай земной. Когда Жданов в 1948 году обрушился в своем, всем известном докладе на писателей, некоторая часть японской интеллигенции считала резкую критику Ждановым творчества Ахматовой и Зощенко правильной. Так называемый левый лагерь в Японии игнорировал даже осуждение сталинизма Хрущевым на XX съезде партии.

Впервые я посетил Советский Союз в 1958 году, когда доклад Хрущева с разоблачением сталинизма не был еще широко известным. В мавзолее рядом с Лениным, помню, лежал труп Сталина. Тогда я, кажется, впервые встретился с Вами, Евгений Александрович. Это был период хрущевской оттепели, когда люди возлагали большие надежды на будущее.

И вот недавно уже после начала перестройки, я снова посетил Советский Союз. О переживаемом ныне периоде говорят, что он тоже является периодом надежд. Однако мне кажется, что нынешние надежды не похожи на те, что были в конце 50-х - начале 60-х годов. Буду Вам благодарен, если Вы выскажетесь по поводу сказанного мною.

Е. Евтушенко: Что касается доклада Жданова, то, наверное, к Вашему удивлению, в 48-м году я оказался интуитивно более проницательным, чем многие из японской левой интеллигенции, хотя мне было всего 15 лет. Дело все в том, что я очень много читал тогда, гораздо больше, чем сейчас. Когда нам в школе читали этот доклад, то я вскочил и воскликнул после одного абзаца, где Ахматова сравнивается с монахиней-блудницей. "Это же плагиат!" - воскликнул я, потому что

это был полностью переписанный абзац из "Литературной энциклопедии", если не ошибаюсь, 32-го года издания. За это меня долго не хотели принимать в комсомол, что тогда для советского мальчика означало быть белой вороной.

И еще хочу сказать. Я понимаю трагедию японской левой очень хорошо, как понимаю трагедию моих друзей - итальянских коммунистов. Один из них, корреспондент "Унита" - Аугусто Панкельди. Он мне рассказал, что вступил в коммунистическую партию во время фашизма, когда муссолиновский режим всячески рекламировал книгу Артура Кестлера "Свет среди дня" - кажется, так она называлась или что-то в этом роде. Потому, что эту книгу о лагерях, о пытках, о тюрьме он считал пропагандистской, фашистской клеветой на советскую действительность. И он вступил в коммунистическую партию. Но только через много лет он понял, что, к сожалению, то, что было написано в этой книге, было правдой. Я думаю, что дело все в том, что надо понимать, что в заблуждении находились многие левые - в Японии, в Италии, где-то еще в мире. Оно часто было не каким-то скалькулированным что-ли идеологическим трюком, а трагедией. Мир был под угрозой фашизма, и некоторые либералы в Европе или левые где-то еще закрывали глаза на преступления Сталина, не хотели их видеть, видя в Советском Союзе единственную силу, противостоящую фашизму...

Мое поколение прошло очень большую эволюцию. Эта эволюция была естественной. Например, после смерти Сталина для поколения шестидесятников было естественно бороться с именем Ленина против Сталина. Мы идеализировали Ленина и мы идеализировали Октябрьскую революцию. Мы очень многого еще не знали тогда. Мы не знали, например, что Ленин подписал декрет о создании Соловецких лагерей - первого политического лагеря. Мы не знали тогда, что Ленин посылал во время гражданской войны телеграммы Сталину, где упрекал его в излишней мягкости. Мы не

знали тогда о том, что, например, была одна такая записка Ленина, в которой он советовал арестовать 30-40 профессоров для того, чтобы успокоить волнения среди интеллигенции. И первой книгой, в которой говорилось об этой стороне Ленина, была книга не Солженицына, а Гроссмана - "Все течет", которая многих нас потрясла.

Таким образом, наше поколение прошло большую эволюцию. Но поскольку Вы спрашиваете о позиции русской интеллигенции, которая в какой-то степени подготавливала свержение царского строя, потому что критиковала его беспрестанно, то можем ли мы возложить вину и ответственность на эту русскую интеллигенцию? Сейчас существует такая точка зрения, которая противоречит большевистской точке зрения, но так же является примитивной. Большевистская вульгарная примитивизация заключается вот в чем: была неграмотная, рабская, забитая, темная, пьяная старая Россия; пришла спасительная Октябрьская революция и она создала индустриальное общество, где все равны, где нет эксплуатации...

Существует другая точка зрения, сегодня поддерживаемая рядом писателей и националистическими движениями внутри России. Была великая, замечательная русская империя, во главе которой стоял прекрасный русский народ, который помогал развитию всех, даже маленьких национальностей, и пришли эти проклятые большевики и все это переломали. Надо вернуться назад в патриархальную Россию, разломав проклятые видеоматрифоны, телевизоры и запретив аэробику. Как самому главному историческому документу я верю русской классике больше всего. Русская классика описала Россию, которая была и прекрасной, и полной великих традиций и духовной высоты. Русская классика сама была доказательством духовной высоты. Но в то же время она, Россия, была действительно и бесправной, и темной. И если сейчас появилось у нас очень много фильмов и материалов о зверском убийстве царя и его семьи большевиками и, действительно,

это было страшное преступление, то нельзя забывать, что на руках царя тоже лежала кровь рабочих, которые шли к нему с петицией, убитых в 1905 году.

Поэтому, мне кажется, надо избегать обоих примитивных взглядов на историю, и я думаю, что эту сложность российской революции понял Бердяев в своей книге "Истоки и смысл русского коммунизма". И русская интеллигенция, которая поддерживала революцию в ее начале, она не несет ответственности за все преступления этой революции, так же, как христиане, которые прятались в римских катакомбах, не могут нести ответственности за преступления инквизиции, которые творились под знаменами христианства. Мне кажется, что то, что случилось в октябре 17-го - это сложнее, чем просто переворот, хотя само по себе слово "революция" достаточно страшное слово. Хочу привести фразу Карлейля: "Все революции задумываются утопистами, осуществляются фанатиками, плодами их пользуются негодяи".

Х.К.: Я согласен с тем, что Вы сказали. Однако хочу отметить один момент. Вы сказали, что еще 15-летним мальчиком вы почувствовали отвращение к докладу Жданова. Я верю Вашим словам. Однако, вот те места в докладе Жданова, которые касались музыки, усилиями Шостаковича во время хрущевской оттепели были аннулированы. Та же часть доклада, которая касается литературы, полностью осталась в силе, она определяла пути развития литературы...

Е.Е.: Но этот доклад был аннулирован полностью два года назад. Официально аннулирован.

Х.К.: Однако это случилось только два года назад. Когда-нибудь до этого критиковался ли официально этот доклад?

Е.Е.: Но если бы мы его не критиковали, мы бы его не отменили.

Х.К.: Но это произошло только два года назад.

Е.Е.: Я и мои товарищи говорили о том, что этот доклад вообще нужно аннулировать. Мы выступали против этого доклада, практически, уже в пятидесятых годах. Мы говорили об этом, но нас просто не слушали. А если мы писали об этом в статьях, нам это вычеркивали, цензура вычеркивала. Но мы начали выступать против этого.

Х.К.: В то время я общался с совестливыми литераторами, которые считали доклад Жданова отвратительным. Однако, официально, например, на съездах писателей, вопрос о докладе Жданова не ставился.

Е.Е.: Это неправда. Я знаю, что кое-кто из писателей даже высказывался по этому вопросу. По-моему, даже Симонов говорил об этом на одном из съездов. Кроме того, вся практика многих писателей была направлена против этого доклада. Прочтите стихотворения "Бабий Яр" и "Наследники Сталина". Разве они не были выступлениями против этого доклада? Разве "Не хлебом единым" Дудинцева не было выступлением против этого доклада? Разве статьи Померанцева об искренности не были восстанием против заточения в клетке социалистического реализма, куда нас всех хотели запихнуть? И выставки наших молодых художников нового поколения - это все было против этого... Мы боролись против этого доклада не столько теоретически, сколько практически. Практика нашей литературы разрушила этот доклад, прежде чем он был отменен партией!

Х.К.: Кажется, после смерти Горького в газетах было официально сообщено, что он был отравлен троцкистами. До сих пор ни в одной газете не было сообщения о том, что версия об отравлении Горького была ложью. Только недавно, в этом году, в журнале "Во-

просы литературы" опубликована длинная статья, посвященная этой теме...

Как я понял, в "ГУЛаге" Солженицына отмечается, что революция привела к репрессиям против русской православной Церкви и таким образом была разрушена русская душа, русская психика и именно это Солженицын считает большой проблемой. И в статье "Как нам обустроить Россию?" Солженицын пишет, что больше всего он горюет о том, что за 70 с лишним лет была разрушена душа русского человека.

Совсем недавно в журнале "Вопросы литературы" печатались дневники Короленко. Он пишет о том, что вскоре после революции были арестованы юнкера, расстреляны по пути в тюрьму и брошены в реку. Об этом Короленко пишет с большим гневом. Следовательно, уже в то время совестливые интеллигенты в России знали о терроре и писали об этом. Подробностей о Гумилеве я не знаю, но, конечно, с ним расправились несправедливо, то есть он не был виновен в том, в чем его обвинили. И еще об оценке Ленина. В последнее время появилось много документов, свидетельствующих о мрачных сторонах характера Ленина. Когда я переводил Эренбурга, я чувствовал, что он положительно относился к Ленину. Как отмечает Солженицын, Сталин был верным последователем Ленина, следовательно, я лично стопроцентно отрицаю Ленина. Мне интересно узнать, как Вы в настоящее время относитесь к Ленину?

Е.Е.: По-моему, это уже следует из того, что я сказал. Но у Вас из-за того, что Вы много занимаетесь советской историей, советской литературой - Вы уж не сердитесь на меня по старой дружбе - у Вас образовалась советская манера: Вы хотите, чтобы все люди на сто процентов думали, как Вы. Поэтому Вы говорите сразу так: Короленко был человек с совестью, он и другие совестливые писатели осуждали расстрел юнкеров. Все другие, кто не написал про этот расстрел

юнкеров, как бы попадают в разряд бессовестных. Жизнь, революция были гораздо сложнее.

Вы, надеюсь, относите Пастернака к совестливым писателям, правда? Но у Пастернака были стихи о Ленине и очень искренние. И никто не может отрицать, что Мандельштам написал против Сталина. Но однажды он написал оду, г. ославляющую Сталина. Я думаю, во втором случае он поступил так во имя спасения своей жизни, во имя спасения писателей.

С Пастернаком было гораздо сложнее, как и со многими другими людьми. И с тем же самым Блоком, который призывал слушать музыку революции, было гораздо сложнее. Потому что жестокости, как в любую революцию, были и с той и с другой стороны, и с белой и с красной. Это была тяжелая братоубийственная война с обеих сторон.

Вы спрашиваете, как я сейчас думаю об этом? Я очень уважаю Короленко, но я знаю, что Горький написал книгу "Несвоевременные мысли", после которой введена была цензура. А это великая, замечательная публицистическая книга. Это - предупреждение об опасностях революции. У меня вообще есть совсем другая теория смерти Горького. Это моя гипотеза. Я считаю, что Горький именно потому поехал в лагерь, в Соловки и так далее, потому что он надеялся уехать потом на Запад и написать об этом, написать правду. Есть одно историческое свидетельство. Когда Горький вошел в тюремную библиотеку, где сидели политические заключенные, они в знак протеста перевернули газеты вверх ногами. Он подошел и перевернул газету, дал понять им, что он понимает, что они хотят сказать.

Горький написал письмо Сталину с просьбой, чтобы он отпустил его в Италию, на Капри. Сталин ответил: "Мне кажется, что воздух нашего Крыма не хуже". Горький практически находился под домашним арестом. Убили его сына. И если кто-то и убил Горького, то условно это сделало ЧК по настоянию Сталина.

Заключение: лучше всего, с моей точки зрения, о гражданской войне написал один поэт - Максимилиан Волошин. Он жил в Крыму, в Коктебеле. Когда Крым брали белые, он прятал красных; когда брали красные - он прятал белых. И он написал великие строчки:

А я стою в огне и дыме,
Смотрю на сей кровавый вихрь.
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...

Так вот, если говорить о гражданской войне, то я лично плачу обо всех. И не случайно доктор Живаго не хотел стрелять в людей, а стрелял в дерево. Но у Пастернака были силы плакать не только о судьбе доктора Живаго, но и о судьбе, о несчастьи, о трагедии комиссара Стрельникова.

У меня очень эволюционировало, как я вам уже сказал, мое отношение к Ленину, оно очень изменилось. И я всегда, чтобы понять людей, изучаю их с детства. Не забудьте, что это мальчик, который больше всего любил своего старшего брата и что его любимого брата казнили. По свидетельству родственников, он схватил, сорвал со стены карту России и стал ее рвать. Короче говоря, мне кажется, что это трагическая фигура и, конечно, я не думаю, что он заранее предугадывал, как он будет себя вести. У него была мечта спасения России, потому что в нем было то, о чем говорит Карлейль - в нем был утопист. Потом, когда он стал осуществлять революцию, он осуществлял ее как фанатик. Он увидел негодяев, которые окружали его, которые начали пользоваться плодами революции. Утопист внутри Ленина пришел в ужас от того, что он как фанатик наделал, и это его убило. Вот такая моя версия, так сказать, сегодняшняя трактовка его личности.

Х.К.: С большим интересом прослушал Вашу характеристику Ленина. Что же касается отношения Горького к лагерям, в "Архипелаге ГУЛаг" действительно описывается, как заключенные перевернули газеты. Там же описывается и другой очень важный эпизод. Это там, где рассказывается о посещении Горьким лагеря малолетних. Один мальчик сказал Горькому, что его обманывают, и если он хочет узнать правду, мальчик готов рассказать ее. Горький попросил всех чекистов выйти из помещения и остался наедине с этим мальчиком. Когда он вышел из помещения, где говорил с мальчиком, он плакал. После того, как Горький уехал из лагеря, мальчика расстреляли. Солженицын спрашивает: почему Горький не увез этого мальчика с собой? И так поступил Горький, хорошо знавший, на что способны чекисты! Вот этот эпизод больше всего меня тронул в "Архипелаге ГУЛаг", который, как Вам, Евгений Александрович, хорошо известно, я перевел с первой до последней страницы.

О Волошине я хорошо знаю и по воспоминаниям Эренбурга, ведь они были большими друзьями. Волошин - типичный русский интеллигент, как и Пастернак, хорошо осведомленный о массовых репрессиях во второй половине 30-х годов. Что касается Мандельштама, я перевел воспоминания его супруги Надежды. За то, что я перевел "Архипелаг ГУЛаг", мне 15 лет не давали визы в Советский Союз. Но вот, когда скончалась Надежда Мандельштам, мне почему-то дали туристическую визу в СССР. Не знаю, по какой ошибке мне тогда дали визу, но вместе с Юрой я попал на поминки Надежды... Позвольте теперь перейти к другой теме.

Я сначала считал, что в послевоенной истории Советского Союза вплоть до перестройки, 63-й год был пиковым годом в смысле оттепели. Однако, позже я узнал подробности о жестокой расправе с участниками Новочеркасских событий (описанных в "Архипелаге ГУЛаг"). Если мне не изменяет память, о Новочеркас-

ских событиях в СССР было написано лишь в 1988 году в "Комсомольской правде".

Е.Е.: Нет, было еще. Вы не заметили, что в начале этого года "Правда" напечатала отвратительный документ, подписанный генеральным прокурором.

Х.К.: Да, как раз об этом я хотел сказать. И Вы в июне этого года написали стихи: "Открытое письмо генеральному прокурору СССР". Я прочел это письмо в "Литературной газете" и был поражен. Были слухи, что этого генерального прокурора сменят после путча...

Е.Е.: Я потребовал. Я выступал на сессии Верховного Совета и потребовал, чтобы он подал в отставку.

Х.К.: Однако он до сих пор не ушел. И вот этот Трубин, заявивший, что во время Новочеркасских событий администрация поступала правильно и обоснованно, находится до сих пор на посту генерального прокурора. Не свидетельствует ли это о том, что до сих пор советская администрация не изменилась?

Е.Е.: Во всяком случае, я как народный депутат выступал с резким протестом против того, чтобы Трубин оставался на посту. И действительно, считаю, что этот человек совершенно недостоин этого поста. Но я не понимаю, почему Вы это сразу распространяете на всю советскую администрацию? Могли ли Вы раньше представить себе, что мэром Москвы будет такой человек, как Попов? Он тоже администратор. Это совсем другой человек. Существуют такие люди, как Трубин, это правда. Но существует, например, министр юстиции РСФСР Николай Федоров - это замечательный демократ. Мы не могли сразу переделать все наше общество и посадить повсюду новых людей. Это вопрос эволюции, вопрос поколения. Разве в Японии сейчас мало коррумпированных людей, которые находятся в высших эше-

лонах власти? Я все время читаю в газетах, как их снимают.

Х.К.: О Трубине Вы высказались в июне этого года. Когда Вы впервые узнали правду о Новочеркасске? Писали ли Вы стихи или что-либо раньше об этом событии?

Е.Е.: Вы сами только что сказали, что Вы узнали о Новочеркасском событии из "Архипелага ГУЛаг". Это несмотря на то, что Вы живете в бесцензурном мире. Мы жили в мире жесточайшей цензуры. До нас доходили отдельные слухи, очень неточные. Фактически мы узнали подробно обо всем, что произошло, тоже только в 88-м году из "Комсомольской правды". Сначала мы так же узнали из "Архипелага", а потом уже больше из рассказа генерала Шапошникова, который отказался стрелять в рабочих. "Мемориал" это раскрыл. Точно так же, как мы очень поздно узнали о взрыве под Челябинском. Все это мы узнали в эти годы, потому что мы, живущие внутри этого общества, были отключены от прямых источников информации.

Х.К.: Об этом я узнал из третьего тома "Архипелага ГУЛаг" в 1976 году, подробно, хотя о событии мы узнали по сообщению Госсекретариата США.

В последний раз, помимо послеперестроечного периода, я побывал в СССР в начале 70-х годов, и вот тогда я разговаривал - сейчас даже могу назвать имена - со Львом Петровичем Делюсиным и другими. Я говорил, что существующая в Советском Союзе система ужасна и спрашивал, почему в конце XX века ваша интеллигенция, ваша молодежь не поднимается против этой системы? И тогда эти люди мне ответили: "Ты, может быть, не знаешь, что в Новочеркасске произошло ужасное событие и власть приняла против участников его жесточайшие меры. Что-либо сделать против власти мы не можем..." В 1962 году, когда произошло Ново-

черкасское событие, я находился в Москве и переводил воспоминания Эренбурга. Я посещал Эренбурга на его квартире на улице Горького, беседовал с ним. Однажды я попросил Эренбурга, когда дома не было его супруги Любы, поговорить со мной откровенно. Я спросил его, сколько времени потребуется для того, чтобы Советский Союз стал демократической страной? Вначале Эренбург смеялся, говорил: "наша страна является довольно демократической". Но я попросил его серьезно ответить на мой вопрос и пообещал, что нигде об этом не буду ни говорить, ни писать. Тогда он сказал: "Вероятно, потребуется примерно 20 лет".

Е.Е.: В каком это году?

Х.К. В 1962 году. Мне было 37 лет, и мне сразу стало грустно, так как я подумал, что через 20 лет мне будет 57, что я уже буду стар. И в 1982 году я написал в одной из моих статей, что прошло уже 20 лет с тех пор, как я беседовал с Эренбургом, а советская действительность находится в таком же трагическом положении, как и прежде.

Пользуясь случаем, что в 1962 году я перевел "Один день Ивана Денисовича", я смог наладить личные отношения с Солженицыным, когда он еще находился в Советском Союзе, а когда он выехал в Европу, он сразу отправил мне письмо. В 1982 году мы вдвоем в течение полутора месяцев путешествовали по Японии и Тайвань. Солженицын в разговорах повторял постоянно: "Россия и Советский Союз - это совершенно разные вещи". Во время нашего путешествия мы беседовали на разные темы. Позвольте рассказать Вам один эпизод.

В США Солженицын прочел множество книг, изданных в СССР. Заканчивая очередную книгу, он писал на ней: "русский писатель", "русский поэт" - или "советский писатель", "советский поэт". Однажды я задал ему вопрос о Бэлле Ахмадулиной и о Булате Окуджаве. Он ответил: "Все-таки они советские поэты, хотя я их люб-

лю". "А Леонид Леонов?" - спросил я. "Конечно, русский писатель", - ответил Солженицын.

Бэлла, бывшая Ваша супруга, одна из выдающихся поэтесс Советского Союза, Булата я тоже считаю выдающимся поэтом. А Александр Исаевич все-таки сказал, что они являются советскими поэтами. И вот сложность различия между "советским" и "русским" заставляет меня постоянно до сих пор задумываться.

Е.Е.: Когда от всех наших писателей требовали осудить Сахарова, Леонов подписал письмо против Сахарова и в моих глазах перестал быть русским писателем и остался только советским. А Бэлла Ахмадулина поехала в гости к Сахарову. Вот это - русский интеллигент, настоящий. Я хотел бы сделать Вам одно дружеское замечание. Вы как переводчик Солженицына, который перевел его великую книгу "Архипелаг ГУЛag", волея-неволей несколько его апологетизируете. Между тем, очень часто великие писатели в своих личных оценках как других писателей, так и событий оказывались значительно ниже своих лучших произведений.

В частности, относясь с огромным уважением к Солженицыну, и по праву человека, который все-таки защищал его как минимум около десяти раз (я подписывал разные письма и писал свои письма - и, что самое важное, когда его арестовали и еще не решили: то ли отправить, то ли судить - я его защитил) - это мне дает право не соглашаться с рядом его высказываний. Например, он, с моей точки зрения, очень жестоко пишет в своей книге "Бодался теленок с дубом" о Твардовском, который ему так помог. Жестоко. Несправедливо. И в то же время так высоко оценивает Шафаревича, который допускает такие откровенно антисемитские высказывания и стоит на позиции русского шовинизма.

Другая точка зрения солженицынская, которую я не разделяю - это то, что он думает, что спасение России в соединении власти с Церковью. Когда наша власть

была против Церкви, я лично делал все, что было в моих, не очень многих, силах, чтобы защитить Церковь. Я выступал за Церковь, за что меня били... Но сейчас, когда Церковь стала слишком официализироваться, стала слишком обниматься с властью, начала размываться граница - где бюрократия, где Церковь... Дам Вам маленький пример. Когда, во время первого съезда народных депутатов, встал священник, то это было великое событие, мы все встали: что же сейчас скажет представитель угнетенной Церкви от имени Христа? А может он пристыдит нас, призовет нас всех покаяться?

И вдруг он сказал: "Товарищ Горбачев, некоторые демократы создают беспорядок вокруг микрофонов. Я прошу Вас, что если есть вопросы, то пусть они задают не устно, не через микрофон, а только письменно, записками, чтобы было больше порядка"... Так что Церковь тоже не свободна от микробов бюрократии. Она не является сама по себе спасением.

Х.К.: Основываясь на свидетельстве Солженицына, хочу спросить Вас. Существуют слухи, что когда он был арестован, Вы позвонили сразу в КГБ и спросили: "Это правда?".

Е.Е.: Нет, это было по-другому. Я был на квартире у американского корреспондента Стивенса, и прибежал Юрий Любимов. Он сказал: "Женя, арестован Солженицын, надо его спасать". Я немедленно пошел в телефон-автомат, набрал по справочной приемную КГБ, сказал, что говорит поэт Евтушенко, и потребовал, чтобы меня соединили с Андроповым. Они сказали, что у него собрание. Потом переключили и сказали, что говорит адъютант товарища Андропова. Он сказал, что у Андропова собрание. Я же заявил: "Это неважно, все равно соедините". Потом меня соединили, и я спросил Андропова: "Скажите, это правда, что арестован Солженицын?" Он сказал: "Да, правда". Тогда я сказал, что Солженицын - это человек, который первым сказал правду о ста-

линских тюрьмах. Если его снова бросят в тюрьму, это будет означать, что вся страна может оказаться завтра в тюрьме, что совесть России, совесть страны может оказаться в тюрьме и что интеллигенция наша не промолчит на этот раз. Я был такой эмоциональный и очень романтически, высокопарно добавил ему фразу: "Если вы его снова посадите в тюрьму, то я готов драться на баррикадах из-за этого". Тогда Андропов довольно грубо сказал мне: "Проспитесь!" - и повесил трубку. На следующее утро я узнал, что Солженицын выслан, и вздохнул с облегчением.

Днем меня вызвали в Союз писателей. Марков, Левченко начали меня "прорабатывать" за то, что я звонил Андропову и угрожал ему, и шантажировал его "баррикадами". Потом я стал ходить, пошел куда-то, в ресторан - и всюду, где бы я ни ходил, я всюду говорил: "Что же за человек Андропов? Я позвонил ему лично, ну что же он на меня жалуется какому-то Союзу писателей и как же ему не стыдно?" И вдруг у меня раздался звонок, через несколько дней... То есть, я всюду говорил, как я не уважаю Андропова... Раздался звонок от редактора "Правды" Зимянина. Он мне говорит: "Женя, меня попросил позвонить Вам Андропов, который очень оскорблен Вашим поведением. Вы всюду ходите и говорите, что он сообщил о Вас в Союз писателей - он все-таки председатель КГБ, а не стукач. Он никогда не звонил в Союз писателей". Я спросил: "А как же они узнали в Союзе?" Он сказал: "Дело все в том, что Вы позвонили ему в тот момент, когда у него шло собрание, где решалась судьба Солженицына. Это слышали те люди, которые сидели в его кабинете. А там были люди из Союза писателей. И некоторые люди, находящиеся на собрании, требовали, чтобы Солженицына судили, чтобы начался процесс над Солженицыным". Вот такая вся история.

Х.К.: В то время я слышал такое мнение, что так с легким сердцем позвонить в КГБ мог только Женя.

Симонов написал в "Литературной газете" очень резкую статью, однако, потом я узнал, что Симонов прилагал усилия, чтобы защитить Солженицына.

Е.Е.: Этого я не знал, но, возможно, он это делал. Что касается той двусмысленной фразы, которую Вы сейчас произнесли, то, наверное, человек, который обронил эту фразу - не знаю, какой он смысл в нее вкладывал - все-таки знал о том, что я выручил ряд диссидентов, что я обращался в КГБ очень часто по поводу диссидентов и спас очень многих, в частности, Горбаневскую.

Х.К.: Во второй половине 60-х годов диссидентов-писателей высылали и сажали в тюрьмы. Были и такие писатели, как Марченко, которые скончались в тюрьме...

Е.Е.: Я его вытянул из тюрьмы первый раз. Вытянул в первый раз.

Х.К.: И Сахарова тоже сослали. И в этой обстановке Вас никогда не арестовывали, никогда не ссылали...

Е.Е.: Скажите.. Кимура-сан, а Вы можете любить только тех, кто был в тюрьме или кто убит? Вот у нас с Вами есть общий друг - Юра Васильев. Его тоже никогда не сажали в тюрьму. Вы его не спрашивали, почему он не сидел?

Х.К.: Я не говорю о Вашей ответственности. Но все-таки Кремль считал, что Вас можно использовать в качестве "споксмена" по отношению к Западу...

Е.Е.: С чьих слов Вы сейчас говорите?

Х.К. Например, Эренбург...

Е.Е.: Хорошо, я понял Ваш вопрос. Разрешите я отвечу на него.

Х.К.: Эренбурга во время оттепели посетили молодые люди и они спросили его: как он пережил сталинский террор? Он ответил: Бог знает. Так вот, Вы упомянули Юру, самого большого моего друга. В 56-м году, в связи с событием с "Лайфом", он очень пострадал. После этого события Юра не мог выступать со своими произведениями официально и до конца жизни его творческая деятельность ограничивалась только рамками его ателье. Своим вопросом я не собираюсь осуждать или критиковать Вас...

Е.Е.: Это старая песня, я не ожидал услышать ее от Вас. Она слишком переиспользована теми людьми, которые уехали из России не как Солженицын, которого вышвырнули, а уехали добровольно и сейчас не хотят возвращаться, хотя все их произведения напечатаны. Я думаю, что это старая песня, которая придумана писательской ревностью. Уезжали за границу русские писатели, которые не получали желаемого успеха, или получали успех, но, с их точки зрения, недостаточный. Их самолюбие всегда задевало то обстоятельство, что существуют другие писатели, которые остаются внутри Советского Союза. Но все-таки когда именно эти писатели приезжают за границу, на их творческие, поэтические вечера собираются тысячи и десятки тысяч людей; им даются профессорские звания, их принимают президенты. И вот вступает в силу старая греческая легенда о спартанце, который держал за пазухой лисенка и лисенок выгрыз ему все внутренности. Этот лисенок - человеческая, писательская зависть. Так, например, писатель Владимир Максимов, назвал официальным писателем Аксенова. Но как только Аксенов уехал на Запад, Максимов перестал называть его официальным писателем. Потом он так называл Бэллу Ахмадулину. Про меня я уже не говорю.

Вы говорите, что в чьих-то глазах я был "споксменом" советского правительства. Я напомню Вам некоторые факты моей биографии. В 56-м году я был исключен из Литературного института за то, что защищал роман Дудинцева "Не хлебом единым", который был официально назван антисоветским. В 54-м году я написал первую антибюрократическую и антисталинскую поэму "Станция Зима". Я написал первое стихотворение против антисемитизма "Бабий яр", за которое меня критиковало мое собственное правительство. В 63-м году, когда глава правительства Хрущев напал на художников-абстракционистов - кто их защищал? Почему Солженицын, который был там, не сказал ни одного слова в защиту художников? И это было в тот самый вечер, когда Хрущев назвал его современным Львом Толстым.

Х.К.: В 62-м...

Е.Е. Да, в 62-м. Это был расцвет его славы. Его бы слово лучше помогло нашим художникам. Но он считал, что он беремен великим произведением и не имеет права его подставлять, так сказать, под удар. Это его дело. Но выступил Евтушенко.

Скажите, кто в 68-м году выступил против советских танков в Чехословакии? Кто в 83-м году написал стихи против вторжения в Афганистан? Стихи никто не хотел печатать, но их знала вся Россия. Каким образом я мог быть "споксменом" Кремля, столько раз выступая против официальной правительственной линии? Каким образом?

Вы забываете одну вещь. В чем было мое отличие от многих диссидентских писателей? Дело в том, что таких людей, как Марченко, Горбаневская - никто не знал. Бродского почти никто не знал. В 54-м году я был уже всенародно знаменитый поэт, меня все знали! Нет русских людей в Советском Союзе, которые бы не знали хотя бы четыре моих строчки. Нет таких людей!

Все знают мои песни. Меня было очень трудно арестовать, что-то сделать со мной. Меня много раз не пускали за границу. Это неправда, что всегда двери были открыты. Вы это прекрасно знаете.

Были в истории разные судьбы. Была история Мандельштама, который был арестован и уничтожен, но побоялись тронуть Пастернака. Ему даже разрешили поехать в Париж в 36-м году. Почему? Потому что он был знаменитый поэт. Гораздо лучший, чем Евтушенко, поэт, но менее знаменитый, чем Евтушенко. Так что моя слава, как Вам сказать, она с одной стороны была мишенью, которая притягивала все отравленные стрелы зависти, но все-таки она и защищала. И, по-моему, я никогда не воспользовался моей славой для того, чтобы обвинить хотя бы одного писателя. Это самое главное. А прожил я годы очень тяжелые.

Х.К.: Я очень хорошо Вас понял, но мне хотелось бы задать еще один вопрос. Во время событий в Чехословакии в 68-м году Вы поставили свою подпись...

Е.Е.: Я послал свою телеграмму. Никакого коллективного письма писателей не было тогда... Я был единственным членом Союза писателей, который протестовал тогда!

Х.К. Вася Аксенов говорил о том, что появился новый термин - "подписант", и все те писатели...

Е.Е. Никто не подписывал.

Х.К.: Простите, может быть я ошибся. Но на моей памяти Вася Аксенов говорил о том, что он поставил там свою подпись и его лишили возможности помещать свои произведения в любых изданиях... Я дважды встречал Васю в Вашингтоне, а в позапрошлом году встречался с Бродским в Бостоне. То, что я сейчас скажу, исходит не столько от меня самого, а из того, что я

услыхал от Васи и от Бродского. Они заметили, что Ваша слава была особенно сильна в конце 50-х и до конца 60-х годов, особенно в хрущевские времена. Я хорошо помню, как однажды в мастерскую Юры пришел сын художника Поленова и встретился с Вами. Он был очень обрадован этой встречей. Однако, уже в 70-е годы, когда я обращался к молодым людям и говорил о Вас с ними, они говорили, что больше не верят в Евтушенко. Поэтому я считаю Вас героем периода оттепели, героем периода Хрущева. Этим я не хочу критиковать или осуждать Вас, ибо очень рад, что смог с Вами встретиться и откровенно поговорить после того, как мы не виделись много лет.

Е.Е.: Вы знаете, Кимура-сан, Вы говорите такие вещи, которые могут дезориентировать японских читателей, считающих Вас самым осведомленным в советской литературе... в русской литературе. Вот сейчас Вы пытаетесь создать из меня образ человека, соответствующий Вашему представлению, который кончился вместе с 60-ми годами и представляет собой сейчас интерес как музейная реликвия. При этом Вы основываетесь на лексике эмиграции, о происхождении которой я Вам уже рассказал. Я хочу задать Вам только один вопрос. Скажите, а Бродский Вам когда-нибудь сказал, что он был спасен из ссылки благодаря моему письму в правительство?

Вы говорите, что молодежь потеряла ко мне интерес, уважение уже с 60-х годов. Но вот почему же, если я выступаю во Дворце спорта, там собираются до сих пор 15 тысяч человек? На мою последнюю книгу, когда издавали мой трехтомник, издательство получило 2,5 миллиона заявок! Это что, все пенсионеры, что ли, мои книги читают? Когда я вот читал стихи у дома Российского парламента, который был окружен людьми, в основном был окружен молодежью - там была, может быть, самая большая аудитория в моей жизни. Когда я читал стихи, там было не меньше 100 тысяч человек!

Почему же они меня встретили с таким энтузиазмом, с такой радостью? Почему же, когда они увидели, что я иду в Российский парламент, они образовали коридор, давая мне туда пройти? Я был избран народным депутатом в очень интеллектуальном, в очень левом городе Харькове. Там у меня было 12 человек соперников. За меня голосовало примерно 600 тысяч человек Это университетский район, район молодежи. Среди моих соперников не было ни одного консерватора или реакционера. Это были только демократические кандидаты. Один из моих соперников сейчас избран вице-президентом Украины. Это - Гринев. Почему же при таком неуважении молодежи за меня проголосовало 78 % избирателей? В университетском районе! Может ли профессор, профессионально занимающийся какой-нибудь литературой, делать свои заключения на основе мнений эмигрантских писателей и на основе высказываний нескольких молодых людей, встреченных в разное время в писательских элитных компаниях?

Ведь я встречал среди советологов-русистов таких людей, которые очень Вас не любят. Они предупреждали меня, звонили, даже сегодня предупреждали, что наш разговор с Вами может быть очень неприятным, и поражались, почему я допускаю такой разговор между нами. И некоторые из них называли Вас прямо реакционным и даже просто, так сказать, - антисоветским критиком!

Почему же я пошел на этот разговор? Потому что считаю, что если даже Рейган когда-то сел с Горбачевым за один стол, то все-таки они нашли что-то общее - совершенно разные люди разных миров. Это первое. И нельзя встречаться только с единомышленниками. Наоборот. Иначе мы никогда не придем к истине. Потом никогда нельзя слушать друг о друге то, что говорят другие о нас. Это очень опасная вещь и для Вас, и для меня, и для всех. И, наконец, потому что я очень уважаю Ваш вклад, который Вы сделали в русское литературоведение. Мне все говорили в Японии, что Вы заме-

чательно перевели Солженицына. А ведь Солженицын - это не только просто политическая фигура. Он, прежде всего, писатель, который пишет на очень сочном и иногда очень трудно переводимом русском языке. Так что, понимаете ли, как бы Вам сказать, то же самое, что сказал Александр Исаевич о Бэлле, что она советский писатель. В это определение она не уместается, поскольку она большой поэт. Вообще, большой художник уносит на своих плечах те ворота, которыми его хотят запереть. Смотрите, Маяковский - революционный поэт, но он великий поэт. Красный поэт, но великий поэт. Гумилев, условно скажем, белый поэт, но он великий поэт. Не надо слишком политизировать наше отношение к писателям. Надо более эмоционально воспринимать литературу, а не калькулировать.

Видите ли, я, например, знаю, что когда-то у Кнута Гамсуна было заблуждение. Он начал идеализировать фашизм. Шолохов как теоретик социалистического реализма... Но все-таки их произведения выше их и они живут.

Я считаю, что Солженицын как политик, особенно обращенный в будущее, футуролог - очень примитивен. Но я преклоняюсь перед его личным мужеством за то, что он сумел поставить перед потенциальным возвращением диктатуры в Россию баррикаду из всех своих книг. Поэтому повторяю, что просто я хочу сказать Вам одно. Мы с Вами очень долго не говорили с глазу на глаз, мы давно не видели друг друга и, возможно, мы начали казаться друг другу совсем другими людьми, чем мы на самом деле есть. Если б мы с Вами уже умерли, было бы уже поздно. Но мы еще живы, поэтому у нас еще есть шансы...

Х.К.: Большое Вам спасибо за откровенную беседу. Мои вопросы, возможно, прозвучали как вызов, но считаю, что это сделало Ваши высказывания более интересными и это порадует наших читателей.

Е.В.

Баловень судьбы или баловень режима?

Недавно в одной критической статье журнала "Наш современник" был приведен отзыв В. Астафьева о Е. Евтушенко. Известный русский писатель выразил свое убеждение, что "зеркалом" нынешней эпохи - "всех изломов наших отношений, распада, деградации общества" будет "все-таки Евтушенко": "Теперь его время. И он - типичное отражение его, со всеми противоречиями, увертками, ловкачеством, широкой пастью, умением даже плохонькие стихи прекрасно читать на публику, чего многие настоящие поэты не умеют".

Этот отзыв невольно вспомнился при знакомстве с "японским" интервью известного поэта-вояжера, который, не смущаясь - или, быть может, думая, что его откровения останутся неизвестными соотечественникам - представил себя японцам как "всенародно знаменитого поэта". Вежливый собеседник (обнаруживший прекрасное знание русской культуры и показавший себя замечательным другом России) именуется Евтушенко "представителем русской интеллигенции", но, судя даже по этому интервью, более точным эпитетом было бы не "русской", но - "советской". Именно так осторожный В. Казак в своем известном "Словаре русской литературы" замечает: "Вначале Евтушенко считался советским поэтом..."

Смело можно сказать, что - при всем своем "эпатаже", при всех своих будто бы "оппозиционных" стихах - широко разрекламированных прежде всего им же самим (см. текст интервью) - Евтушенко, что называется, "колебался вместе с линией партии". Он был и остается точным отражением настроений той *советской образованщины*, которая вдруг сегодня превратилась в "анти-

советскую" и "антикоммунистическую", "прозрев" в соответствии с модой и потребностями дня. Оставаясь, впрочем, существенно *левой*. И это - предмет особой гордости нашего поэта: он-де избран "народным (?) депутатом" - "в очень левом городе Харькове"...

Сам Евтушенко охотно рассуждает о "трагедии" японской левой, "моих друзей - итальянских коммунистов", о пережитом ими "заблуждении" (словцо весьма емкое у этих "интеллектуалов": благосклонно-снисходительное - когда речь идет о "своих", и сурово-неодобрительное - когда "заблуждаются не в левую сторону, как это случилось с Нобелевским лауреатом по литературе Кнутом Гамсуном, который "начал идеализировать фашизм"). Логика его и сегодня не просто элементарна - примитивна. Если за этой "логикой" могли еще следовать левые *Запада*, для интеллектуала в условиях России (не обязательно даже русского) - ее можно определить единственно как позорную. Видите ли - "мир был под угрозой фашизма", и левые "закрывали глаза на преступления Сталина, не хотели их видеть, видя в Советском Союзе единственную силу, противостоящую фашизму".

Говоря непосредственно о своем поколении, непозволительно обобщая, Евтушенко откровенно лжет, уверяя, будто для "поколения шестидесятников было естественно бороться с именем Ленина против Сталина". Идеализация Ленина была достоянием партийной номенклатуры, поддавалась ей - только самая оболваненная часть населения (не народа!), и львиную долю в это оболванивание внесли не столько даже партийные решения, сколько подобные Евтушенко краснобаи, "идеализировавшие" (за приличную мзду) в стихах и прозе, в кино и на телевидении, в музыке и балете - большевистских вождей и Октябрьский переворот.

Пусть Евтушенко оставит для своих внуков эти рассказы: "мы очень многого не знали тогда...", "мы, живущие внутри этого общества, были отключены от прямых источников информации"... Это он-то, уже тогда

объездивший полмира, имевший доступ к любой литературе, знакомый не только с педерастом-коммунистом Пазолини (хотя и итальянские коммунисты "тогда" уже могли многое рассказать ему). Евтушенко не просто лжет. Он и здесь, сегодня - в изменившейся совершенно обстановке продолжает оставаться самим собой, выполняя своеобразный "социальный заказ", реализуя вполне определенную установку, не имеющую ничего общего с настроениями и линией поведения честного русского интеллигента.

Не Солженицын - видите ли - а В. Гроссман, "Все течет", вот книга, "которая многих нас потрясла". Эту левую советскую образованщину (как, впрочем, и соответствующую ей зеркально западную) "трясет" всегда влево - от маниакально реанимируемого ими признака "правой опасности". Роковой знак этой ущербной левизны - на всей части этого поколения, части самой крикливой, самой шумной и самой примитивной не только в духовном смысле (Евтушенко буквально расписывается в своем духовном убожестве в этой беседе), но и в представлениях о мире, о прошлом своей родины прежде всего.

Какой же толстокожестью советской выделки надо обладать, чтобы повторять - в 1991 году! - весь этот бред о "бесправной и темной России", о "крови рабочих... на руках царя"...

И при этой-то толстокожести - какая тонкая чувствительность на обвинения в русофобии, только подозреваемые: Евтушенко нападает на Солженицына ("по праву человека, который все-таки защищал его" - ?!) за то, что тот "так высоко оценивает Шафаревича, который допускает такие откровенные антисемитские выпады и стоит на позиции русского шовинизма"...

Заслуживает внимания эпизод со звонком к Андропову, где поражает фамильярность, с какой Евтушенко - по его словам, "потребовал", чтобы его "соединили" не более не менее, как с всесильным шефом тайной полиции. Из мемуаров Сахарова, например, известно, что

даже творец советской водородной бомбы, общавшийся в свое время с самим Берией, мог позвонить Андропову только по его же просьбе. Впрочем, как признается разоткровенничавшийся почему-то пиит, он вообще был на коротке с КГБ: "я обращался в КГБ очень часто (!) по поводу диссидентов и спас очень многих..." Оказывается, и такая вот гражданская доблесть была у либеральной интеллигенции типа евтушенок - вылезших потом прямо в "народные депутаты": он, вроде бы, "милость к падшим призывал". Пользуясь своими тесными связями с КГБ!..

* * *

И вот, наконец - "действительность", обещанная нами в начале этой рубрики, в заголовке интервью Евтушенко. В последнюю минуту пришел номер "Литературной России" (24.1.92), давший ответ на вопрос, поставленный выше Е.В.: имеем ли мы дело с баловнем судьбы или с баловнем режима? Ответ дает следующая цитата из гебистских документов: «Информация ПГУ (первого главного управления) КГБ СССР о пребывании члена СП СССР поэта Евтушенко в США, *проводившего изучение по нашей ориентировке*, направлена в инстанции» (курсив редакции).

Это "изучение" по ориентировке КГБ Евтушенко проводил в 1987 году; перестройка тогда уже набирала темпы и "смелость" от поэта-сексота, похоже, требовалась еще большая, чем в эпоху "спасения диссидентов" и звонков Андропову... Смелость: работать на коммунистический режим и с его же подачи - называть себя "народным поэтом". Еще больше смелости для этого требуется сейчас.

Остается лишь поставить вопрос практический и актуальный: достоин ли столь смелый человек, посетивший по подобным "ориентировкам" 80 стран мира, быть в числе главных правопреемников Союза писателей страны? Впрочем, вопрос этот вряд ли будет принят к сведению, пока и другие, более высокие, ведомства России заполнены подобными смельчаками с подобным уровнем образования и духовного развития... - *Ред.*

Уроки одного юбилея

В последнее время, когда прошел уже первый прилив эйфории от возвращения к отечественному читателю многих насильственно отторгнутых от него, неугодных режиму авторов, как будто бы должна наступить пора непредвзятого и неконъюнктурного рассмотрения творчества таких писателей. Однако, похоже, новые групповые пристрастия и антипатии, утвердившиеся в нашем журнальном мире, оказываются не намного лучше былого коммунистического отлучения.

Сужу хотя бы по журналу "Литературное обозрение", который время от времени отдает целые номера писателям-юбилерам. Совсем недавно вышел в свет журнал, посвященный столетию О.Э. Мандельштама. Теперь вот держу в руках уже "булгаковский" номер того же журнала. Сравниваю их и вижу в последнем целый ряд новых мотивов, вовсе невозможных для "мандельштамовского" номера.

Так, наряду с фрагментами реконструкции первой редакции "Мастера и Маргариты", имеется и *полностью* напечатанная антибулгаковская пародия на "Дни Турбиных", извлеченная из 1928 года. Любопытно, что антибулгаковский материал в более чем два раза превышает по объему булгаковские фрагменты...

Здесь же* некий Л. Кацис невозмутимо убеждает читателей, что "вряд ли стоит рассматривать пьеску Боголюбова и Чекина (авторы пародии. - И.Е.) как поли-

* Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 85. Далее страницы этого издания указываются в скобках. Курсив всюду наш.

тический донос" (как считали до сих пор буквально *все* исследователи). Напротив, сия "пьеска" очень милая вещь, и авторы ее вовсе не мерзавцы, как это полагали беспардонные почитатели булгаковского таланта, а тоже очень милые ребята.

Кое-что "тут забавно обыгрывается" (83); "под кажущейся банальностью ("белые офицеры - насильники". - *И.Е.*) оказалась скрыта серьезная для Булгакова колкость" (84); "авторы пародии были блестяще осведомлены о булгаковском "Беге" (84); "Игра молодых пародистов оказалась весьма тонкой" (84); пародия "лишь суммировала (! - *И.Е.*) общие места политических инсинуаций" (84). А раз она так невинно *для 1928 года* "лишь суммировала" сквозные мысли других доносчиков, то "ее художественные особенности представляют сегодня куда больший интерес, поскольку позволяют с уверенностью говорить о возможном влиянии пародии на серьезные вещи Булгакова" (85).

Иными словами, столь забавная "пьеска" не просто тонкая вещь, незаслуженно забытая (в отличие от тех же "Дней Турбиных"), но и ее появлению в конце двадцатых и Булгаков, и мы сегодня должны быть необычайно признательны: не будь ее, как знать, не было бы и позднейших "серьезных вещей" русского писателя.

Как тонко ведет "игру" и сам Л. Кацис! Вот только что мешало ему - при таких несомненных способностях и прямо-таки христианской любви к доносчикам - приготовить к 1000-летию другого писателя, хотя бы Б.Л. Пастернака, что-либо подобное. Например, убеждать читателей, что отклики на присуждение писателю Нобелевской премии в гораздо более безопасном, по сравнению с двадцатыми, 1958 году - такие, как "Лягушка в болоте", - это лишь очень любопытные образцы литературной полемики - с очень интересными со стороны оппонентов Пастернака художественными особенностями. Видимо, и эти отклики советских доброжелателей "позволяют с уверенностью говорить о возмож-

ном влиянии" их не только на поэзию Пастернака, но и на его судьбу...

А какая интересная, тонкая полемика была в конце все тех же славных двадцатых по поводу творчества А.П. Платонова! Как "забавно обыгрывались" те или иные мотивы его рассказов и повестей! Как "под кажущейся банальностью" скрывалась бездна полезнейших для последующего творчества Платонова мыслей! Как мы должны быть благодарны оппонентам писателя за несомненное влияние их трудов на все последующее развитие его творчества. Одни остроумные названия чего стоят! "О целостных масштабах и частных Макарах", "Разоблачители" социализма", "Не сдавайте классовых позиций". Восемь лет остается Л. Кацису для подготовки новых материалов к платоновскому столетнему юбилею...

Составители сочли нужным опубликовать и рецензию на булгаковскую пьесу - В. Ходасевича. Последний в 1931 году уверял, что "Булгаков относится к белой гвардии вполне отрицательно" (43), "теза Булгакова в конечном счете совпадает с большевистской" (43). Да и вообще своей пьесой "Дни Турбиных" Булгаков "наносит белой гвардии свой хорошо рассчитанный удар, вполне согласованный с тем, что полагается о ней думать и говорить в СССР" (43). Как говорится, очень своевременная похвала к юбилею. Опять-таки, известны весьма насмешливые отзывы В. Набокова о романе "Доктор Живаго", но отчего-то в потоке юбилейных пастернаковских публикаций они так и не появились. Видимо, юбилей юбилеям все-таки рознь...

Наконец, завершают "булгаковский" номер журнала три статьи, две из которых так или иначе выясняют жгучий вопрос об "антисемитизме" русского писателя - в контексте некой "субкультуры русского антисемитизма".

Итак, после любовного извлечения из макулатурной продукции 20-х годов антибулгаковской "пьески" и констатации ее несомненных художественных (а от-

нюдь не политических) достоинств, читатели "Литературного обозрения" в итоге узнают, что большевик Булгаков не только белой гвардии наносит "свой хорошо рассчитанный удар", но и кое-кому еще. "Мастер и Маргарита", знаете ли, это не что иное, как *"путеводитель"* по всей субкультуре русского антисемитизма (100). Что, хотя и действительно "довольно неожиданно для нашего читателя" (100), но в контексте столь юбилейного булгаковского номера журнала, как мы уже убедились, отнюдь не неожиданно. Дочитав "Литературное обозрение" только до середины, я уже почувствовал, что чем-то подобным просто обязан данный номер завершиться: все шло именно к такому итогу.

Не будем взывать к совести составителей, отметивших очень по-своему долгожданное возвращение Булгакова к отечественному читателю. Представим только реакцию нашего могущественного левого фронта, если какой-либо литературный журнал позволит себе столь же специфически отметить, скажем, грядущее в скором времени столетие со дня рождения И.Э. Бабеля целым циклом работ о его русофобии... Наверное, фразы о "посмертном погроме" и очередные обвинения в "русском фашизме" - самое мягкое, что ждет авторов в российских левых журналах, на российском радио и на российском же телевидении.

Сужу хотя бы по прицельному залпу благородного (и искреннего!) негодования, обрушившегося на тех, кто посмел усомниться в человечности наших революционных пламенных палачей, умерщвленных в конце тридцатых и реабилитированных партийной комиссией в конце восьмидесятых. В самом деле: перед коммунистической партией они, должно быть, кристально чисты. Они так старались истребить сам дух "великодержавного шовинизма", так старались привнести гуманнейшее марксово учение в неблагоприятную русскую почву, чтобы терпеть еще столь долгую партийную анафему.

Комиссия при Политбюро ЦК КПСС сумела объективно разобраться в их былых коммунистических заслугах,

восстанавливая в партии кровавых деятелей зари коммунизма просто списками. Но не является ли клановая реабилитация среди "своих" лучшим и надежнейшим доказательством их действительной вины перед целым, то есть перед Россией и русским народом - прежде всего? Настоящим доказательством - в отличие от сфабрикованных сталинскими соколами правосудия доказательств их мифической вины перед партией и советским государством...

Идеологи левого нашего фронта, реабилитировав и прославив неловко попавших в сталинскую мясорубку большевистствующих палачей, совершенно закономерным образом принялись отыскивать аргументы, оправдывающие столь беспрецедентно кровавые их деяния на русской земле.

Именно в этом контексте и следует видеть истоки непонятной вначале любви к глобальным "разоблачениям" русской истории и культуры (именно русской, а не советской). В самом деле, давно ли М. Шатров и его духовные единоверцы убеждали широкую "огоньковскую" публику, что антисоветчика А.И. Солженицына печатать крайне несвоевременно и даже вредно для нравственного здоровья русского народа? Ибо он, подумав только, посягает на их звездный час: благословенные двадцатые годы, тогда как каждому прогрессисту известно, что советская Россия знала всего только три крупных внутригосударственных бедствия. Тридцать седьмой год, дело "космополитов", да еще "дело врачей". Все! Еще был inferнальный злодей Сталин, главная вина которого состояла в том, что он испортил прекрасный интернациональный замысел жить "без россий и латвий"... А в остальном, пожалуй, все было хорошо, все хорошо...

И вдруг, снуся несколько лет, мы слышим, что все, буквально все было, напротив того, очень плохо, ужасно плохо, хуже некуда. Причем, без всякой разницы - в дооктябрьской ли России или в СССР. За исключением, пожалуй, все того же светлого пятна двадца-

тых, да их отблеска в начале шестидесятых. То есть именно тех периодов, когда в православных храмах не только гадили (героическую оду испражнениям можно прочесть у Абрама Терца), но и наиболее интенсивно их разрушали.

Под подозрение взяты ныне чуть ли не все русские писатели, жившие и ныне живущие, которые могут быть подняты как знамя так и ждущим своего часа "русским фашизмом". Круг подозреваемых все более расширяется. Если раньше "фашистами" и "антисемитами" любовно называли Распутина, Белова и других "мужиковствующих", то теперь речь идет уже ни больше, ни меньше, как об "архипелаге" "субкультуры русского антисемитизма" (100). И автор другого "Архипелага" (действительного) для этого интеллектуального круга - несомненный антисемит, а "Красное колесо" - так просто "разящий пример реакционной прозы" (99).

В списке "виновных" уже и Достоевский. Особенно - до сих пор! - раздражают наших плюралистов "Бесы", что вполне можно понять. Так, всегда академически выдержанный и спокойный Г.С. Померанц теряет всякое самообладание, приступая к анализу именно этого романа. Инкриминируя Достоевскому нелюбовь к бесам ("ненависть" к ним) исследователь уверяет, что она доводит самого писателя "до бесовщины, до каких-то судорог, до пасквиля в описании Лямшина"* (одного из героев романа). Это написано не в революционные двадцатые, а в "перестроечные" девяностые годы. То есть, люди, подобные Лямшину - истинный и единственный цвет России, а, может, уже и "совесть нации". А написавший грязный пасквиль на российских "бесов" Ф.М. Достоевский к тому же и сам обвиняется в бесовщине!

Теперь в вышеназванный "круг" вводят и М.А. Булгакова.

* Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 138.

Что же, рассмотрим аргументацию наших неистовых обличителей, или же, говоря словами княгини З.А. Шаховской, этой "особой разновидности русистов" в их священном походе против великодержавного антисемитизма.

Очень примечательно признание А. Воронеля, обильно и с почтением цитируемого в рассматриваемом антибулгаковском юбилейном журнале. А. Воронель утверждает, будто бы массовая активность евреев во время революции просто "потрясла воображение русского обывателя из глубинки" (101). Ибо "еврей был суперменом Революции, вооруженным до зубов партийными словами..., наганом и невообразимой дерзостью" (101). Элиминируем лукавую оценочность этой констатации "предпосылок антисемитизма", как полагает автор. Ведь согласно *одним* психологическим установкам и нормам гражданской жизни подобная "невообразимая дерзость" является чуть ли не синонимом храбрости, пожалуй безумной храбрости (той самой, которой наши буревестники революции, как помним, пели песни). Но согласно *другим* установкам, та же "невообразимая дерзость" является не чем иным, как воинствующей наглостью и хамством.

Для одних это норма поведения, для других - не просто выходящая за пределы бытового поведения аномалия, но и антипод должного, анти-поведение и анти-норма.

Мы приходим к пониманию коренного различия поведенческих структур, к пониманию различий менталитетов, национальных образов мира, согласно которым одно и то же явление может (почти всегда неосознанно, ибо входит в различные аксиологические контексты) оцениваться. В особо острых случаях "плюс", согласно оценочной шкале одного менталитета, может менять знак на "минус" - и наоборот.

В частности, рассмотрим юмористически поданную А. Воронелем фигуру "русского обывателя", который, если верить исследователю, будто бы "не мог даже

вообразить, как без страха разговаривать с городовым, а не то что захватить городскую думу" (101). Если подходить к этому мифологическому обывателю всерьез и с системой оценок по шкале "невообразимой дерзости", то такая фигура действительно вызывает не только здоровый смех, но и совершенно очевидным образом доказывает миф о "тысячелетнем рабстве" страны и ее народа.

Причем, любые попытки противостояния и отпора "невообразимой дерзости" в этой системе оценок немедленно могут быть квалифицированы именно как проявления другого мифа - о русском антисемитизме. Скажем, если с "суперменом Революции" русский обыватель "из глубинки" осмеливался разговаривать несколько иначе, чем с городовым...

(...) Итак, одно и то же явление в разных контекстах может быть понято как 1) воплощение *нормы* поведения по отношению к другому народу (а, согласно иным установкам, как частный образец русофобии), или как 2) пример *антинормы*, исходящий от представителей инородной ментальности (но, с противоположной стороны, это уже свидетельство антисемитизма).

Отсюда отчасти объяснимо то взаимное непонимание при обоюдной искренности (берем только этот случай), когда неосознанное поспориение нравственных норм поведения одной ментальности является нормой поведения для другой.

При этом неудобные для национального сознания ментальные нормы и оценки "со стороны" квалифицируются обычно как "мифы". Так, я назвал "мифом" кажущуюся мне фантастической - от преувеличения человеком иного менталитета - картину "неподвижности", "косности" и "покорности", воплотившуюся в "русском обывателе". Но, возможно, при ином взгляде на мир (ином его образе) именно то, что представляется мне вполне жизнеспособным, вполне динамичным (и дорогим моему сердцу) кажется (для меня "кажется", а

для другого "оказывается") именно примером неподвижности и косности (как европейцам - Китай).

Само обнаружение некой "субкультуры русского антисемитизма" для меня является не просто мифом, но отчасти смешной претензией на особое место в русской культуре. Тогда как "субкультура русофобии" с моей - русскоцентричной (что поделаешь!) - точки зрения уже не миф, а реальность. Так, сама особая тщательность и напористость в поисках обломков "субкультуры русского антисемитизма", как и объявление булгаковского романа "путеводителем" по этой "субкультуре" доказывает для меня, прежде всего, мифологичность мышления самих изобретателей этого термина. Настойчивость и крайняя "своевременность" подобных поисков антисемитизма у Булгакова (в частности, "невообразимая дерзость" публикации антибулгаковских материалов именно в юбилейном номере русского журнала), с моей точки зрения, является только лишним аргументом в пользу достаточно широкого распространения именно русофобии в "перестроечной" нашей прессе.

Но при этом вполне понимаю и тех, для кого поиски и находки подобной же русофобии в творениях В. Гроссмана являются лишь аргументом в пользу "антисемитизма" самих исследователей. А не очень лестные, так сказать, высказывания Гроссмана о России подаются апологетами гроссмановского видения мира как высшая правда и даже доказательство "настоящей любви к этой стране и ее народу".

Любопытно, что при этом они с негодованием относятся и к самой робкой попытке просто повторить то же самое доказательство, но по отношению, скажем, к высказываниям Достоевского по поводу "еврейского вопроса". Хотя, казалось бы, почему и здесь тоже не поискать именно высшей взыскательной любви...

Что до дремучести "русского обывателя из глубинки", так ведь и для русской эмиграции советская волна семидесятых-восьмидесятых годов тоже представлялась наделенной все той же неистребимой "нево-

образимой дерзостью". Сужу хотя бы по опубликованным в № 4 журнала "Слово" высказываниям З.А. Шаховской. Следовательно, менталитет русской княгини обнаруживает известную общность с менталитетом комически изображенного А. Воронелем самого последнего, живущего отнюдь не в Париже, "русского обывателя".

А советские "новые левые", издевавшиеся ранее над косной и глупой Россией, безнаказанно позволяющей им более чем полвека штамповать сотнями и тысячами статьи и книги, растаптывающие ее тысячелетнюю историю и зовущие к "коммунизму", а затем поспешающие сменить свое комфортное проживание в столице "русского фашизма" на еще более комфортное, но уже по ту сторону границы, и хихикающие над своим былым членством в партии душегубов, да еще и - с невообразимой дерзостью - подающие себя жертвами тоталитарного государства, - так вот они обнаруживают столь же поразительное родство со своими духовными предтечами, такими же "гонимыми", да ставшими в одночасье кровавыми совдеповскими комиссарами.

Рассмотрим еще один аргумент А. Воронеля. "И теперь, и тем более во время революционных событий, ни один обыватель не поверил бы, что в России живет только около трех миллионов евреев. Да если вы даже скажете ему, что их десять миллионов, он все равно ответит: "Что вы, что вы, их гораздо больше!" (101).

Что делать! Наша "государственная" журналистика, живописуя грядущие ужасы грядущих еврейских погромов, уже количеством написанного убедила, вероятно, "русского обывателя из глубинки" в многочисленности "униженного и оскорбленного" народа: не станут же рыцари пера столько страниц отдавать малочисленным чукчам.

Ведь и сегодня трудно соотнести имевшее место в дореволюционных журналах публичное возмущение по поводу погромов и действительное, реальное количество как самих погромов, так и их жертв. Трудно по той

же причине, по которой будущему объективному историку русской журналистики советского периода конца восьмидесятых годов нашего столетия сложно будет определить степень приближенности газетно-журнальных страстей по тому же поводу к реальной жизни с ее заботами и горестями.

Ведь современник, читающий сегодня эту печатную продукцию, если он совершенно не утерял чувство элементарной совестливости, не может не поразиться "невообразимой дерзости" людей, громко кричащих при помощи миллионных тиражей о "готовящихся" кем-то мифических еврейских погромах, тогда как страна действительно заливается кровью. Но - кровью месхетинцев, русских, армян, азербайджанцев. Впрочем, это не только мое удивление...

Когда тысячи и тысячи реальных, а не придуманных беженцев, не знали, где приклонить головы и чем накормить детей, наша "демократическая" пресса, захлебываясь от негодования и ярости, кричала об одном единственном "погроме" в ЦДЛ, единственной жертвой которого стал позднее сам же осужденный его "организатор"... Любому вконец не замороченному человеку очевидно, что такое пристальнейшее внимание в одном случае, соседствующее с совершенно безнравственным равнодушием и даже злорадством в тысяче других ("нас не касающихся"), не может не вызывать волну действительного, а не изобретенного антисемитизма. И я только удивляюсь и радуюсь мудрости и терпению народа, который не поддался и на сей раз в массе своей лукавым провокаторам...

Другой менталитет, господа.

Наконец, в "Книжном обозрении" за 4 мая 1990 года появилось письмо, да не письмо - крик души некоего В.Н., которое практически сняло все недоуменные вопросы: кому и зачем нужно накликать погромы в столь взрывоопасное время - на свою же, казалось бы, голову. Не случайно указываю дату публикации: в "письме" дата очередного погрома назначалась на 5

мая... Аршинными буквами заголовка газета кричала: "Не эмигранты - беженцы".

Но речь там, разумеется, шла вовсе не о тех беженцах, которые спасались от резни, бросив все немудрящее добро в свободных и демократических наших окраинных республиках. Речь шла все о тех же "не эмигрантах", которых "громили" исключительно на страницах леворадикальных изданий и на голубых экранах независимого ни от кого нашего ЦТ...

Причем, время для публикации этого лозунга, ключевого для понимания проблемы "антисемитизма", было выбрано исключительно удачно. Это сейчас, спустя более года, всем стало ясно, что страна уже падает в пропасть экономического краха, и что "не эмигрантами", но "беженцами" хотели бы стать 99 % обывателей - без всяких национальных различий. Это сейчас подобный вопль отчаяния способен вызвать лишь сочувственную и понимающую улыбку даже у самых ярых радикалов.

Тогда же о практической безнадежности прокламируемых экономических реформ и связанной с этим уверенности, что завтра гарантированно будет хуже, чем сегодня, твердо знали лишь некоторые, особо посвященные в "тайны мадридского двора".

Пикантность положения и в том еще, что и сейчас не то что льготный титул "беженцев", гарантирующий на Западе немалые по нашим меркам субсидии, но и просто права на статус "эмигрантов" (дающий шанс на лучшую жизнь) как не имели, так и не имеют подавляющее большинство населения бывшего СССР. И нужно воистину обладать "невообразимой дерзостью", чтобы и в это время, в стране, наводненной потоками действительных беженцев, требовать для себя особых гарантированных льгот.

Но негодный русский народ опять испортил прекрасную идею, вновь со своей проклятой медлительностью не среагировал. Прошло и 23 февраля, и 4 апреля, и 5 мая... Ни одного "погрома"... (...)

Грустно но приходится признать, что зачастую в наших литературных спорах сегодня можно увидеть не более или менее удачные попытки познания некой объективной данности (того же творчества Булгакова), а различные отражения нашего же субъективного угла зрения по тем или иным вопросам. Воистину, не мы читаем книги, а книги читают нас - и прочитывают нашу ментальность...

Что же делать, когда, приходя к таким не очень веселым выводам, в то же время вполне осознаешь фактическую невозможность выхода из родного менталитета? Лишний раз оговорюсь: речь идет вовсе не о "крови", но только и именно о сложившемся образе мира. В частности, менталитет может быть и советским.

По-моему, хорошенько осознав это, нужно прежде всего учитывать свою собственную субъективную "предрасположенность", свою субъективную оценочность - и поменьше стараться уличать хотя бы выдающихся представителей иной ментальности. Хотя бы в дни их юбилеев...

Новосибирск

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

И. Шафаревич

Русофобия: десять лет спустя

За последние годы мы стали свидетелями и участниками поразительного явления, которому я, по крайней мере, не вижу прецедентов в истории. Марксистско-ленинско-сталинско-брежневский строй был безжалостным и античеловечным железобетонным монолитом. Единственным его абсолютным принципом было сохранение власти любой ценой. И вдруг он рассыпался без видимых причин: проигранной войны, забастовок, волнений или голода. При этом строе на праздничные дни в учреждениях печатались пишущие машинки, чтобы не дать печатать листовки, и назначались патрули для ловли несуществующих злоумышленников. И этот же строй без сопротивления отказался от господства над экономикой, цензуры, от бутафорских выборов, допустил враждебные ему партии и средства информации. Это была не медленная эволюция, а мгновенный (в историческом масштабе) крах. Он перевернул всю нашу жизнь и наши взгляды. Относительный вес разных факторов, связи их друг с другом – все стало иным.

Ввиду этого я и возвращаюсь к теме моей старой работы – "Русофобия". Она была написана более десяти лет назад, в период безраздельного (и, как казалось, почти вечного) господства режима. Мне и в голову не приходило, что работа может быть напечатана при моей жизни. После долгих колебаний мы с друзьями решили распространять ее в самиздате, надеясь, что из десятков экземпляров хоть несколько уцелеет и донесет до потомков это свидетельство о нашем времени.

Жизнь оказалась переполненной сюрпризами. Впервые, и тогда, в 1982 году, работа стала распространяться в самиздате довольно бойко. А потом началась "перестройка" и "гласность", работа печаталась¹, да не одним изданием, даже переведена на несколько языков. Благодаря этому на нее возникло много откликов, напечатанных, прочитанных по радио или в виде писем автору. Эти отклики тоже дают материал для анализа явления, рассматриваемого в работе.

Приведу для удобства читателя краткое резюме основных положений "Русофобии".

1. В нашей публицистике и литературе существует очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики: "Россия - рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью". Для обозначения этого течения и используется термин "русофобия". Оно смертельно опасно для русского народа, лишая его веры в свои силы.

2. Русофобия - идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу. Его идеология включает уверенность этого слоя в своем праве творить судьбу всего народа, которому отводится роль материала в руках мастера. Утверждается, что должна полностью игнорироваться историческая традиция и национальная точка зрения, что надо строить нашу жизнь на основе норм западноевропейского, а особенно американского общества.

3. Аналогичный узкий слой, враждебный историческим традициям остального народа и убежденный в своем праве манипулировать его судьбой, возникал во многих кризисных ситуациях. Его очень ярко описал французский историк О. Кошэн в связи с Великой Фран-

¹ "Вече" (Мюнхен). 1988. "Кубань". 1989. №№ 5, 6, 7. "Наш современник". 1989. №№ 6 и 11, а также ряд отдельных изданий.

цузской революцией. Кошэн назвал его "Малым народом" (противопоставляя остальному - "Большому народу"). Тот же термин используется в работе для всех вариантов этого явления. В качестве других примеров приводятся Английская революция (пуритане), Германия 30-х гг. XIX века ("Молодая Германия", "младогегельянцы"), Россия периода "революционной ситуации" - 70-е гг. XIX века.

4. В литературе современного "Малого народа" поражает, какую исключительную роль играют еврейские национальные проблемы. Это, как и ряд других признаков, указывает на то, что в нем есть влиятельное ядро, связанное с некоторым течением еврейского национализма. Ситуация драматизируется реминесценциями той роли, которую играло течение радикального еврейства в подготовке, осуществлении и закреплении революции. Тем не менее "Малый народ" отнюдь не является национальным течением: в нем участвуют представители разных наций (как и социальных слоев). Точно так же, как и наша революция ни в коей мере не была "сделана евреями": процесс начался в эпоху, когда ни о каком еврейском влиянии не могло быть и речи.

Полная замена всех основ и скреп нашей жизни привела к тому, что влияние на жизнь рассматриваемых в работе явлений стало совсем иным. Появилась возможность по-новому взглянуть на них, да и проверить еще раз выводы работы.

I. Русофобия сегодня

В своей старой работе я вынужден был реконструировать, отгадывать то явление, которое окрестил русофобией, по отдельным статьям самиздата, по эмигрантским публикациям. Теперь, при полной гласности, при слиянии нашего и эмигрантского книжных рынков, таких трудностей не существует. И течение, о котором тогда можно было лишь догадываться, что оно окажет

влияние на жизнь в будущем, сейчас становится мощной и явной силой. В новых условиях само явление становится новым. Вот для начала пример:

Холуй смеется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.

То вид отечества: гравюра,
На лежаке солдат и дура,
Старуха чешет мертвый бок.
То вид отечества: лубок.

Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей - куча на полу.

Луна сияет, зренье муча,
Под ней - как мозг отдельный - туча.
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Вероятно, я мог бы процитировать это и десять лет назад. Но тогда - что было в этом значительного? В своих антипатиях человек не волен, а форма их выражения - всего лишь личная особенность автора. Но сейчас мы со всех сторон слышим, что автор - И. Бродский - величайший русский поэт современности, заслуженно увенчан Нобелевской премией, а стихи его возвращаются на родину (хотя применимость такого термина здесь, пожалуй, сомнительна). Социальная значимость этого произведения стала совсем иной.

Вот пример из прозы. "В этой стране пасутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко пробираются шелудивые жители. (...) В этой стране было двенадцать миллионов заключенных, у каждого был свой доносчик, следовательно, в ней проживало двенадцать миллионов предателей. Это та самая страна, которую в

рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя"; "Я привык стыдиться этой родины, где каждый день - унижение, каждая встреча - как пощечина, где все - пейзаж и люди - оскорбляет взор". Написано в 70-е годы, но даже не знаю, было ли опубликовано тогда. Теперь же распространено большим тиражом (Библиотека "Огонек"). Автор Б. Хазанов (Г. Файбусович) издает (вместе с К. Любарским и Э. Финкельштейном) в ФРГ журнал "Страна и мир", ориентированный в духе приведенных цитат.

Таков "ветер перемен". В частности, почти все, что я цитировал в старой работе из сам- и тамиздата, теперь нахлынуло сюда массовыми тиражами. С отменой глушения радиостанцию "Свобода" слышно 24 часа в сутки в любом месте - все ее вещание накалено этой страстью. Русские ("русский шовинизм") - виновники голода на Украине, русское сознание в принципе утопично, русские вообще - не взрослые. И до полной потери приличия нескрываемый восторг по поводу всех бед нашей страны: разрухи, междоусобиц, близкого голода.

Газеты, журналы, телевидение все более подчиняются этому течению. Известный окрик с самых верхов власти - что мы живем плохо, так как русские ленивы - был подхвачен с сочувствием. Например, журнал "Наука и техника" - где тут место идеологии? Но: "Развитие кооперативов усилит имущественное неравенство. Один человек талантлив и трудолюбив, другой ленив. Так было, есть и будет, пока не исчезнет лень - одна из черт русского характера". Тут уже предопределена и национальная раскладка этого имущественного неравенства. Другой вариант: "Несомненно, что крепостное право не могло не выработать рабских черт характера у крепостного крестьянина". Может быть, проверим у Пушкина? Вот типичный крепостной - Савельич. Но не согласный с Пушкиным автор зато нас утешает, указывая надежду на будущее: "Ведь во Всероссийской политической стачке 1905 года участвовали дети бывших крепостных. Как изменилась психология за 44 года!"...

Это ведь ужас, в эпоху какого помрачения разума мы живем! Считать рабами тех, кто создал наши сказки и песни, кто насмерть стоял под Полтавой и Бородино! А свободными душами - тех, кто пошел за полуграмотными, злобными, нравственно ущербными крикунами, приведшими их - теперь уже все видят, куда. Победоносцеву пишет один его корреспондент в 70-е гг., как "нигилист" агитировал мужика: бери топор, и все, что сегодня барское, завтра будет твое. Мужик в ответ: а послезавтра? И объясняет: если я не вор, не убийца, пойду грабить и убивать, так почему ж ты-то у меня награбленное не отберешь? Ведь этот уж настоящий крепостной (всего 10 лет до того освобожденный) видел нашу историю на полвека вперед, видел то, о чем не подозревали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Михайловский, Милюков. Но все равно - "раб".

Для более убедительного доказательства этого тезиса еще один автор спрашивает: почему не "безбожный Запад", а Россия допустила «избиение церкви государством? Как глубоко религиозный народ допустил физическое истребление за один год Советской власти (1919 г.) 320 тысяч священнослужителей (см. "Комсомольскую правду" от 12 сентября 1989 г.)». Вот так и судят о нашей истории - по заметкам в "Комсомольской правде". Толстый журнал ("Октябрь") пишет об одной из величайших трагедий нашей истории с фельетонной беззастенчивостью. 300 тысяч - это примерная численность *всего* духовенства - белого и черного - до революции. И, конечно, оно не было все истреблено за один год, его истребляли еще лет двадцать. Действительно, к началу войны (1941 г.) из этого числа служила едва ли одна двадцатая часть, но остальные далеко не все и даже не в большинстве своем были "физически истреблены". Если же сравнивать с Западом, в 20-е годы в Мексике прокатилось гонение на католическую церковь не мягче нашего. Священника, застигнутого за исполнением требы, расстреливали, за крестик сажали в тюрьму. Поднявшихся на защиту своей веры крестьян

вешали, расстреливали, запирали в концлагеря. Организаторами были американизированные дельцы и адвокаты, финансируемые из Штатов, американский атташе давал советы по проведению политики "выжженной земли" и созданию концлагерей (американцы уже имели опыт на Гавайях). Запад не только дал раздавить крестьян, но свободная пресса еще и замолчала всю эту драму - так, что о ней мало кто и знает. (Сейчас переведен яркий роман Г. Грина "Сила и слава" об этом гонении и путевые заметки Грина "Дороги беззакония". Но самое сильное впечатление - от сухого рассказа историка, например, J. Meyer "Apocalypse et révolution en Mexique". Paris. 1974). Неужели мало нам перенесенных мучений и надо еще представлять нас какими-то вырожденками в человечестве, хватая для этого факты с потолка?

Другой автор и совсем без фактов, еще откровеннее: "Русский национальный характер выродился. Реанимировать его - значит вновь обречь страну на отставание". У третьего еще хлеще: "Статус небытия всей российской жизни, в которой времени не существует". "Россия должна быть уничтожена. В том смысле, что чары должны быть развеяны. Она вроде и уничтожена, но Кашеево яйцо цело". И уж совсем срываясь: "Страна дураков... находится сейчас... в состоянии сволочного общества". Про русских: "Что же с ними делать? В переучение этого народа на жизнь ради жизни (таков язык подлинника!) поверить трудно. В герметизацию? В рассеивание по свету? В полное истребление? Ни одного правильного ответа". И на том спасибо!

Кажется, что существование русского народа является досадной, раздражающей неприятностью. Доходит до чего-то фантастического! В "Литературной газете" опубликовано письмо известного артиста Театра на Таганке В. Золотухина. Раньше эта газета написала об "омерзительном зрелище", в котором он участвовал, процитировав рядом некие слова "о чистоте крови" (произнесенные в месте, где Золотухин не был). Актер стал получать письма с обвинением в беспринципности.

в том, что он "враг еврейского народа". Такие же письма вывешивались в театре. За что? Оказывается, за то, что на 60-летнем юбилее Шукшина, у него на родине, Золотухин сказал - у нас есть живой Шукшин, живущие Астафьев, Распутин, Белов, и мы не дадим переродить Катунь плотиной! Не было бы это напечатано, я бы не поверил!

Та или иная оценка России, русского народа, всегда связана с оценкой его культуры, особенно литературы. И здесь аналогичная картина. Например, "Прогулки с Пушкиным" Синявского я упомянул вскользь еще в моей старой работе, тогда это был небольшой скандал в эмигрантской среде². Теперь же "Прогулки" печатаются здесь в многотиражном журнале. Как ни объяснять их происхождение: желанием ужалить русскую культуру, патологическим амбивалентным отношением любовь-ненависть к Пушкину, стремлением к известности через скандал - у читателя все равно остается чувство, что нечто болезненное и нечистое соединяется с образом того, кто и до сих пор озаряет светом нашу духовную жизнь. В статье об этих "Прогулках" Солженицын обратил внимание на признаки такого же "переосмысления" Гоголя, Достоевского, Толстого, Лермонтова и высказал догадку: не закладывается ли здесь широкая концепция - как у России не было истории, так не было и литературы? И угадал! Уже в последние годы в здешнем журнале встречаем: "Вот у Гоголя тоска через несколько строк переходит в богатырство, как у Пушкина - разгулье в тоску. Так они и переливаются, жутко сказать, из пустого в порожнее, из раздолья в запустенье - на всем протяжении русской гордящейся и тоскующей мысли". "Пустота, неутолимый наш соблазн, сама блудница вавилонская, раздвигающая ноги на каждом рос-

² Пользуясь случаем, хочу исправить допущенную в прежней работе ошибку: Синявский был осужден не на 5 лет, а на 7, из которых отсидел 6.

сийском распутье". И дальше отрывок из Блока: "О, Русь моя, жена моя!.."

Очередь дошла и до Солженицына. Синявский, его соредактор по журналу Розанова, Сарнов, В. Белоцерковский и многие с ними заняты этим делом. Недавно в "круглом столе" журнала "Иностранная литература" было высказано много серьезных упреков литераторам, что боятся они (кого или чего - интересно?) разьяснять бесталанность и реакционность Солженицына. Но раньше уже отличился Войнович целым романом - грязным пасквилом на Солженицына. "Помрачение рассудка", "пятая колонна советской пропаганды", "проповедь о великорусском национализме" и "черносотенные инсинуации" - это В. Белоцерковский о Солженицыне, в таком же точно духе, что давние доносы Биль-Белоцерковского на Булгакова! И других современников не минуло. "Главное - в астафьевском мировоззрении, основная черта которого, на мой взгляд, - беззастенчивость". "Примитивный, животный шовинизм, элементарное невежество" (о нем же). "Мракобесие Распутиных...". "Белов лжет...". "Лад - ложь". Так: от Пушкина до наших дней³. Шире литературы - язык. Из совсем недавнего (кстати, еще нам не встречался Тургенев, вот и он пригодился): "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе нашей страны невольно спросишь себя: что это за народ, который одновременно истово клянется, что "мать" - это самое святое слово, и это же слово так прочно соединил в своем великом и могучем языке

³ Чувствуется, что здесь не хватает Блока. В последний момент я нашел и о нем. Один автор в эмигрантском журнале "Грани" умиленно объясняет, чем мы обязаны И. Бродскому. Оказывается, автор никогда не любил Блока, но стеснялся этого. А вот Бродский в беседе с Соломоном Волковым ("Континент", № 53) смело сказал: "Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше - активно (...) за дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих отношениях чрезвычайно подлый". И тем снял тяжелый груз с души автора.

с грязным ругательством, что и само оно сделалось почти неприличным?"

Наиболее типичная в этом потоке литературы повесть В. Гроссмана "Все течет". Если десять лет назад я мимоходом упомянул о ней как о мало известном произведении, но предтече всего направления, то сейчас она широко опубликована и подкреплена публикацией тоже ранее неизвестного яркого романа Гроссмана "Жизнь и судьба", а особенно его колоссальной рекламой. Схема повести: герой, выйдя из лагеря, пытается осознать происшедшее с ним и страной. Виновен Сталин? - нет, он приходит к мысли, что многие отталкивающие черты восходят к Ленину. Значит, Ленин? Нет, герой идет глубже. В конце книги он излагает свое окончательное понимание. Причина - в "русской душе", "тысячелетней рабе". "Развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России - ростом рабства". Сто лет назад в Россию была занесена с Запада идея свободы, но ее погубило русское "крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной силы царской водке, оно растворило металл и соль человеческого достоинства". И в других странах иногда торжествовало рабство - но под влиянием русского примера. "По-прежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Да и была ли она? Какая же загадка в рабстве?" В повести как будто с сочувствием описываются крестьяне, мрущие от голода при коллективизации. Но в конце читатель понимает: это их собственная рабская душа заморила их, да еще насаждала рабство вне их страны. Такая концепция глубинного отрицания России и всей ее истории встречалась мне до того лишь однажды - в основном идеологическом произведении национал-социализма - "Миф XX века" Розенберга. Там та же схема русской истории. Русские - неполноценные, природные рабы. Их государство создали германцы-варяги. Но постепенно растворились, потеряли расовую чистоту. Результат - монгольское завоевание. Второй раз германцы создали

русское государство и культуру в послепетровское время, и опять их захлестнула расово-неполноценная стихия. Концепция Розенберга последовательнее, так как явно формулирует практическую цель: новое завоевание России и германское господство, застрахованное на этот раз от растворения высшей расы неполноценным народом!

Повесть Гроссмана подводит к самому злободневному вопросу, осмыслению революции и последовавшей цепи трагедий. Еще десять лет назад вопрос казался лишь темой для рассуждений идеологов, теперь же он встает перед каждым. И звучит ответ, уже давно заготовленный, но сейчас внедряемый мощью средств массовой информации: причина в русской традиции, русской истории, русском национальном характере (как у Гроссмана).

Тут Россия предстает даже злой силой, загубившей западные (марксистские?) идеи (растворила, "как царская водка" по Гроссману): "идея социализма, пришедшая к нам с Запада, пала на глухую, придавленную вековыми традициями рабства почву". Россия "дискредитировала сами идеи социализма". Недаром возникший у нас строй называют то "социализмом" (в кавычках), то псевдосоциализмом. "Разве вяжутся с социализмом тюремная организация производства и жизни, отчуждение, крепостное право в деревне?"... Да почему же не вяжутся? Наш строй до парадоксальных подробностей совпадает с картинами будущего социалистического общества, кто бы их ни рисовал. Даже посылка горожан в деревню на уборочную была предусмотрена - именно так "классики" представляли себе "преодоление противоречия между физическим и умственным трудом".

Конкретнее, причину ищут в мужике. "Идея коллективизации чем-то напоминала (крестьянам. - *И.Ш.*) хорошо знакомую и близкую коллективность". "Предрасположенность добуржуазного крестьянина к коллективному хозяйству". "Большинство крестьян примирились с коллективизацией"... Да откуда вы знаете,

что они примирились? Только потому, что Рыбаков не захотел описать, как это примирение вылилось в тысячи восстаний, умирившихся пулеметами? Среди наших подъяремных философов А. Ципко первым, кажется, отважился напомнить о марксистском фундаменте революции (хотя нам, правда, с другими акцентами твердили об этом десятилетиями). Он даже как будто полемизирует с предшествующим автором: "модный ныне миф о крестьянском происхождении левацких скачков Сталина, в том числе коллективизации" - и указывает на тождественность идеологии Сталина, Ленина и других марксистов, вплоть до Маркса. Но он очень обеспокоен тем, что "волна обновления... связана с основными нашими святынями - с Октябрем, социализмом, марксизмом". В результате "истоки сталинизма в традициях русского левого радикализма". Но если Сталин мыслил по Марксу? Тогда в каких традициях истоки марксизма? Недавно тот же автор писал в газете: "Катастрофа, которая произошла в 1917 году, была с энтузиазмом воспринята всем народом". А четыре года гражданской войны, Антоновское, Западно-Сибирское, Ижевское, Тульское, Вологодское восстания? Известный земец С.С. Маслов писал в начале 20-х годов: "Крестьянство борется неустанно и ожесточенно. Страшная расплата за борьбу, выражающаяся в уничтожении артиллерией и истреблении огнем деревень и станиц, в массовых расстрелах, пытках... его не останавливает". О Сибирском восстании: "В сражениях принимали участие дети, женщины, старики".

Но так и остаются русские у всех авторов виновными, народом-преступником. "Неспособность русской нации к пересмотру прошлого и признанию своей вины..." "Только равноправное экономическое содружество народов и может снять с народа русского подозрение в превосходстве" (таков уж слог!). То есть русские рассматриваются как амнистированный преступник, который еще должен хорошим поведением доказать, что исправился.

Казалось бы, хоть победа в последней войне, купленная даже не поддающимися пересчету жизнями русских и спасшая весь демократический мир, могла бы вызвать снисхождение к русским. Но нет, легче сменить отношение к Гитлеру. "Россия преподавала миру чистые формы тоталитарной власти", а "современная политология даже фашистскую Германию считает не чисто тоталитарным, авторитарно-тоталитарным государством". Опоздали вы, критики России! Вам бы в 1942 год явиться и объяснить, что идет война тоталитарной власти против всего лишь авторитарно-тоталитарного государства. Нашлась бы заинтересованная аудитория для живой дискуссии - даже во всем мире.

Все настроение не ново - и в старой своей работе я приводил много таких примеров. Но сейчас оно уже тесно смыкается с реальностью. "Реторта рабства" - Россия - естественно, должна быть уничтожена, так, чтобы уж не поднялась. В первую мировую войну темный авантюрист Парвус-Гельфанд представил немецкому генштабу план бескровной победы над Россией. Он предлагал, не скупясь, финансировать революционеров (большевиков, левых эсеров) и любые группы националистов, чтобы вызвать социальную революцию и распад России на мелкие государства. План и начал успешно исполняться (Брестский мир), но помешало поражение Германии на Западе. Похожие идеи обсуждались и Гитлером. Но теперь такие планы разрабатываются и пропагандируются у нас. Разбить страну на части по числу народов, то есть на 100 частей, любой территории предоставить суверенитет "кто сколько переварит", как выражаются наши лидеры. Здесь уже речь идет не о тех или других территориальных изменениях, а о пресечении 1000-летней традиции: о конце истории России. И это логично: раз народ, создавший это государство, "раб", раз "Россия должна быть уничтожена", то такой конец - единственный разумный выход. Все возражения - это "имперское мышление", "имперские амбиции". И вдохновленные

такой идеологией, политики раздувают за спиной друг друга сепаратистские страсти как диверсанты, взрывающие дома в тылу врага. То, что десять лет назад было идеологическим построением, теперь стало мощной, физически разрушающей силой.

В прежней работе я обратил внимание на концепцию эмигранта-советолога А. Янова: Россия не может сама выработать план своего развития, за нее это должно сделать "западное интеллектуальное сообщество". Янов сравнивает эту задачу с той, которая стояла перед советниками генерала Макартура, командующего американской оккупационной армией в Японии после конца второй мировой войны. Тогда эта идея показалась мне характерной как символ, знак того, что русофобские авторы мыслят уже в рамках концепции оккупации. Но сейчас бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе вполне по-деловому заявляет, что он положительно относится к участию войск ООН в решении конфликтов внутри СССР ("Правда", 21.6.1991).

На мрачном фоне нашей жизни есть, однако, нечто положительное: череда драматических событий дает материал для сопоставления их с некоторыми из обсуждавшихся выше идей - появилась возможность экспериментальной проверки. Например, такой центральной для всего течения концепции, как "русский фашизм". "Русская идея реализуется как фашизм", "русские - расисты". Как выразителей тенденций всего народа часто выбирают писателей-"деревенщиков". Писатели-"деревенщики" - расисты, это любимая тема радио "Свобода". "Разве Белов, Астафьев - националисты?" - спрашивает Померанц. "Для них москвич - чужак, почти иностранец; женщина, которая увлекается аэробикой, - шлюха. Бред, но он отвечает сознанию нескольких десятков миллионов, выданных из деревни и распиленных по крупноблочным и крупнопанельным сооружениям". "Почвы нет, а есть движение новых варваров, внутренних грядущих гуннов". Другой автор: "Та мораль, которую несет Астафьев, есть доведенная до

анекдота, но типичная для всего движения смесь: декларируемой любви - и осуществленной ненависти... "Черномазыми" кличут по России человека вида нерусского, а тем паче кавказского, торгаш он или не торгаш, неважно; а еще кличут "чучмеком" и "чуркой", если он по виду из Средней Азии". Автор якобы сам слышал, как дворники у одного универсама говорили, что "черномазых" надо давить, как тараканов. Теперь страсти разыгрались, власть ослабла, и мы могли бы видеть, как русские фашисты преследуют и громят "чучмеков". Но вот жалуется "русофон" (русскоговорящий) из Кишинева: "В моем подъезде начертано крупно: чушки, уходите домой. Чушки - уличный синоним русофона". Не русские же скандировали в Кишинева: "Чушки, проводите свой митинг в Сибири", - и кто-то другой забил насмерть русского юношу за то, что на улице говорил по-русски. Не русские несли плакаты: "Мигранты, вон из Литвы", и это эстонский народный депутат написал, что русские произошли от женщин, изнасилованных татарами. Убивают друг друга азербайджанцы и армяне, грузины и абхазцы, грузины и осетины, громят месхов узбеки, но не слышно, чтобы кого-то убивали русские, зато погромы русских были в Алма-Ате, Душанбе, Туве. А беженцы любых национальностей стекаются в Россию, особенно в Москву. Можно сказать: какие же русские свойства здесь проявляются? Беженцы сами едут в Москву - что же с ними делать? Но ведь не всегда так мирно обходится. Например, когда в 1921 году голодные беженцы из России хлынули в Грузию, там был поставлен вопрос о закрытии границы. Наверное, были в последние годы и такие столкновения, где инициаторами явились русские, но общий характер событий, кажется, никак не соответствует образу "русских фашистов". Концепция "русского фашизма" прошла первую экспериментальную проверку...

Б. Хазанов пишет: "Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заражена ненавистью.

Берегитесь, когда раздаются крики о русофобии: вам хотят сказать, что русский народ окружен врагами". Но послушаем и другую точку зрения! Это написал Розанов в 1914 году, когда наш 74-летний эксперимент был еще в стадии подготовки: «Дело было вовсе не в "славянофильстве и западничестве". Это - цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и - в существе своем - ошибку истории, суеверие, пережиток, то, чего нет (...).

Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена. России собственно - нет, она - кажется. Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеет мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только "средство", "материал", "вещество" для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется "Европейской цивилизацией". Никакой "русской цивилизации", никакой "русской культуры"... Но тут уж дальше не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о "русской цивилизации", "русской культуре" - сводила с ума, парализовывала душу».

II. "Малый народ" сегодня

Отличительный признак "Малого народа" во всех исторических ситуациях - его совершенно особенное отношение к остальному народу, как будто к существ-

вам другой, низшей природы. И сейчас леворадикальный политик говорит: "Они живут по-свински и, что самое страшное, довольны этим". Экономист советует купить "им" на миллиард дешевого ширпотреба - на несколько лет "они" будут довольны. Так говорить мог только англичанин о неграх - да и то в прошлом веке. Явно авторы ощущают себя не внутри, а вне этого народа. Вот идеально четкая формулировка: "Два народа растягиваются к противоположным полюсам, чтобы еще раз схватиться. Один народ явно многочисленнее, непоседливо-непримирим, плотояден и груб - это все прошлые и нынешние вожди партии, сам "аппарат", идейные сталинисты, идейные националисты, славяно-филы и с ними вся необъятная Русь - нищая, голодная, но по-прежнему видящая избавление от всех бед только в "твердой руке", в "хозяине", в петлях и тюрьмах и иконе-вожде. Другой народ чрезвычайно малочислен. Он видит избавление в уничтожении власти бюрократии, в свободном и демократическом государстве"⁴.

Мировоззрение этого течения не отягчено излишними сложностями: ни гегельянской фразеологией, ни рассуждением о превращении гвоздей в сюртук, ни призывами "штурмовать небо" или картиной прыжка из царства необходимости в царство свободы. Его можно назвать "идеологией велосипеда", ибо оно прекрасно выражается простым и бодрым призывом: "Не будем изобретать велосипед!". Предполагается, что где-то уже готова несложная схема, следуя которой и нужно смонтировать нашу жизнь. Любой из них, вероятно, был бы глубоко обижен, если бы его духовную жизнь по сложности сравнили с устройством велосипеда. Но проблемы громадной страны, населенной сотней народов, с историей, уходящей вглубь на тысячелетия, с многогранной

⁴ Поразительно! Если исходить из концепции демократии как власти большинства (автор - депутат-демократ), то однозначен вывод: надо вернуть "власть твердой руки", "хозяина", тюрьмы и икону-вождя. Ведь именно такова воля большинства!

культурой - они призывают трактовать на таком уровне.

Люди подобных взглядов у нас обычно называют себя "левыми". Это очень старый термин, он во всех случаях определяет четко очерченный тип. Так Троцкий был левее Зиновьева, Каменева и Сталина, потом Троцкий, Зиновьев и Каменев - левее Сталина и Бухарина и, наконец, Сталин оказался левее Бухарина. До революции эсдеки были левыми, но среди них большевики - левее меньшевиков. Левыми были и эсеры, но среди них "левыми" назывались союзники большевиков по Октябрьскому перевороту. Термин "левый" устойчиво характеризует определенную жизненную установку. Язык - не "знаковая система", где можно обозначить любое понятие любым знаком: между понятием и выражающим его словом существует глубокая связь. По поводу слова "лево" Даль приводит выражения: "Левою ногой с постели ступил", "левизна: неправда, кривда". "Твое дело лево: неправо, криво". Смысл нарушения норм, уклонения от закона тесно связан с "левым", например, современное: "левый заработок". Латинское слово *sinister* означает левый, испорченный, несчастный, пагубный, дурной, злобный. Славянский, германский и литовский термин соответствует латинскому *laevus*, что означает левый, неловкий, глупый, зловещий. Сказано о Сыне Человеческом: "И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую" (Матф. 25, 33). У многих первобытных народов фундаментальную роль играет противопоставление рядов: день, солнце, правое, прямое... - ночь, луна, левое, кривое...

До революции наш "Малый народ" (или можно было бы сказать "Левый народ") не был однозначно партийным. Он заполнял верхи левых партий, но в большой степени был и внепартийным. После революции все изменилось: одна часть его вошла в правящую партию, другая подчинилась ей как "сочувствующие" и "попутчики", остальные были выброшены из жизни. Так, в подмороженном виде, идеология "Малого народа" и

была пронесена в теле партии через десятилетия, пока не ожила вновь. Поэтому современный "Малый народ" родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт. Их роднит отчуждение от народа и отношение к нему как к "средству" и "материалу". Ленин пояснял Горькому свой взгляд на "мужика" (80 процентов населения): "Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках - не угроза культуре, нет? Вы думаете Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много - и правильно! - шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу". Сюда же относится и образ России как "головни", которой можно зажечь мир. Да и Бухарин - как предлагавший переделывать человечество при помощи расстрелов, так и в свой самый мягкий период - исходил из того, что крестьянство надо направлять, преобразовывать, руководить им, отказывая ему в праве на развитие согласно своим собственным традициям и взглядам. Сталинская коллективизация была для партии проблемой не идеологии, но тактики - поэтому она так легко и была партией принята. И Хрущев ли, Брежнев или Андропов, говоря о "нашем государстве", всегда отсчитывали его историю с 17-го года. А до этого было что-то для них "не наше". Я храню опубликованный в "Правде" ответ Брежнева на поздравления с 70-летием. Там нет не только намек на 1000-летнюю историю государства, в котором он властвует, но даже ни слова об этом государстве вообще - все только о партии и Ленине, как если бы он был в этой стране чужаком, иноземным завоевателем. Идеология "Малого народа" и партии едина и в убеждении, что виновник всех неудач - народ. У Солженицына Сталин сетует: "Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился". А сейчас наша экономика в кризисе, так как народ ленив. По той же причине эстрадные артисты, особенно любовно вырисовывавшие образ дурака-алкоголика из народа,

были высоко ценимы партийными верхами, были увенчаны высшими наградами. Да это и понятно: так утешительно, глядя на талантливо поданный образ серого, неумного народа, еще раз убеждаться, что именно он причина любых неудач.

Но когда "народ" воспринимался не как все население, а как определенная нация, то это были русские, национальная персонификация, архетип абстрактного "народа". У Троцкого: их основная черта - "стадность"; ленинская характеристика: народ "великий только своими насилиями, великий так, как велик держиморда", и так вплоть до сталинской формулы истории России, которая заключалась, "между прочим, в том, что ее все время били...". В этом отношении А.Н. Яковлев выражал фундаментальную партийную традицию в своей статье "Против антиисторизма" (1972) - сигнале к разгрому группы литераторов, заподозренных в русском патриотизме. Логично встречаем в ней и тезис, что "справного мужика" так и надо было "порушить". И совершенно в том же духе в статье "Синдром врага" (1990) он набрасывает свою схему русской истории ("Возьмем хоть Россию"): "С кем только ни воевала". "Все это формирует сознание, остается в генофонде". "Психологически - наследие отягчающее". Как же жить народу с отягченным генофондом: ведь гены не перевоспитываются? (Одно утешение, что из школы знаем: приобретенные признаки на генофонд не влияют!) Так сливается идеология "Малого народа" и правящего партийного слоя.

Единство идеологии - причина преданной любви современного "Малого народа" к революционному прошлому и его героям: "бурному, почти гениальному Троцкому" или Бухарину - "человеку, отвергающему зло" (как его назвала одна газета). Особенно же к 20-м годам - эпохе, когда готовился прыжок на деревню, воспитывался слой людей, для которых весь деревенский уклад жизни был отвратителен и подлежал уничтожению. Витает надежда, что недоделанное тогда

удастся завершить сейчас: "На дворе двадцатые годы. Не с начала, так с конца". Нам предлагают считать деятелей той эпохи романтиками - быть может, заблуждавшимися - в отличие от чудовища Сталина. Действительно, те люди испытывали некий подъем, прилив энергии: это можно назвать романтизмом, можно - одержимостью. Но ведь такой же подъем давала и романтика "нордической расы"! Казалось бы, следует применять одну мерку к тем, кого судили в Нюрнберге, и к тем, кто уничтожал казаков. Или истребление мужиков - это только ошибка романтиков? Интересно вспомнить, как всего три года назад левая пресса встала стеной на защиту этих дорогих воспоминаний. "Ни шагу назад от 37-го года!" - было тогда лозунгом дня. "Для чего надо уравнивать преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью (?) революционеров? - Чтобы посеять в душах сомнение в правильности социалистического выбора". Это писалось не в правоверной партийной газете, а в самом популярном левом издании. Когда В.В. Кожинов высказал мысль, что сталинизм - результат всемирного процесса, эта же пресса обвинила его в том, что он хочет этим реабилитировать Сталина. А когда я поддержал и развил его мысль, то моя заметка была уравновешена статьей Р. Медведева, где он разоблачал страшную тайну, что я хочу бросить тень на лозунг "больше социализма!" (который все они тогда твердили). Моя старая работа "Арьергардные бои марксизма" была перепечатана здесь, когда все левые идеологи еще мужественно вели эти бои. Подобных примеров много. Именно мы, "консерваторы", постепенно заставили левое течение отказаться от той фразеологии "заветов Ленина", "социалистических идеалов" и даже, частично, марксизма, которую многие из них сейчас уже патетически клеймят.

Да связь "Малого народа" с партийным правящим слоем видна и на персональном уровне. Кто сегодня их вожди: политические лидеры, идеологи? Это вчерашние деятели партийного аппарата (вплоть до очень высо-

ких), экономисты-специалисты по анализу развитого социализма, идеологи, философы, даже следователи, генералы КГБ, министры МВД! Почти все из них 1-2 года назад были членами КПСС: "коммутанты", по выражению Б. Олейника. Среди них нет почти никого, кто вчера противостоял бы этому правящему слою. Из тех, кто боролся против переброски рек, отравления Байкала, - никто не оказался среди левых лидеров. Даже участники диссидентского правозащитного движения, несмотря на близость многих взглядов, очень плохо принимаются этим слоем. Сахаров был редким исключением, им надо было бы беречь его, как зеницу ока, не вовлекать в сиюминутные свои конфликты.

Переход от ортодоксальной коммунистической к левой фразеологии происходит часто почти мгновенно, что было бы невозможно, если бы здесь не было идеологического единства. Так, В. Гроссман писал: "Партия, ее ЦеКа, комиссары дивизий и полков, политруки рот и взводов, рядовые коммунисты в этих боях организовали боевую и моральную силу Красной Армии". В войне, по его мнению, "побеждали рабочие и крестьяне, ставшие управителями России". Он даже подписал письмо Сталину, требующее самой суровой кары "врачам-убийцам". (См. Семен Липкин. "Время и судьбы". М. 1990).

Единство так сильно, что одна сторона болезненно чувствует, когда задевают другую. Так недавняя комсомольская, а ныне независимая ленинградская газета "Смена", посвятив целую страницу критике моих взглядов, самыми жирными буквами выделила слова, связанные с утверждением (в моем интервью, напечатанном ранее той же газетой), что дело не в личном противостоянии Ельцина и Горбачева, а просто - что не будет у нас эффективного руководства, пока оно в руках представителей прежней партийной верхушки. Единство сказывается и в том, с какой легкостью "левые" апеллируют к аппарату власти: суду, КГБ - хотя теоретически они его сурово осудили. Парадоксальный пример - Г. Померанц так опровергает мое мнение, что идеоло-

гия "Памяти" и прибалтийских "фронтов" совпадает: "Правда, официально известно, что одного из лидеров "Памяти", Васильева, пришлось предупредить насчет ответственности на случай погрома". Но кому это "пришлось"? - КГБ. Ему же, только называвшемуся МГБ, насколько я знаю, "пришлось" в свое время не только "предупредить", но и отправить в лагерь Померанца. Неужели даже это не мешает рассматривать такое "предупреждение" как весомый аргумент?

Особенность современного "Малого народа" в том, что он уже не в первый раз в нашей истории оказывается одной из решающих сил. Видимо, в связи с этим для него такую болезненную роль играет проблема исторической ответственности, вины. Как странно! Из этого слоя мы часто слышим, что поиски "виноватого", "синдром врага" - это признаки ущербного сознания. Нам разъясняют, что выбитые из жизни, дестабилизированные люди и целые слои народа склонны искать где угодно "козла отпущения". Но удивительным образом тут же мы слышим, что носителем сталинизма являются низы народа ("сталинизм, так сказать, массовый, низовой"), что социальной базой Сталина было патриархальное крестьянство, сейчас питомник тоталитарной идеологии - разоренное крестьянство ("новые гунны"), что в революции виноват народ, русские. Но ведь все эти группы тоже "кто-то" - и почему же их дозволительно делать "козлами отпущения"? Почему это не признак ущербного сознания? Недавно появилась парадоксальная статья сотрудника КГБ, где автор, жалуясь, что его ведомство стало "мальчиком для битья", призывает не искать виноватых, а признать, что виновна "вся нация". Здесь отсутствие логики явно бросается в глаза, равно как и цель - прекратить разговоры на неприятную тему. Но и в остальных же случаях дело обстоит не иначе.

А ведь проблема "исторической ответственности" очень глубока и важна - и как жаль, что она превратилась в футбольный мяч, который перебрасывается от

одного к другому! Все сводится лишь к тому, чтобы назвать "виноватого" - патриархальное крестьянство, масонов, национальные черты русских или евреев. Но сначала ведь надо было бы обсудить саму постановку вопроса. Говоря о вине народа, мы пользуемся аналогией народ - человек, так как обычно лишь к человеку применяется понятие вины. Такие аналогии часто продуктивны для постановки вопросов, но опасны как метод для поиска ответов. Все ведь зависит от того, как далеко простирается аналогия! Можно действительно привести много аргументов в пользу того, что народ - это нечто живое. Даже одухотворенное, так как способно к творчеству - например, фольклора. Но в то же время это "организм", которому в гораздо большей степени присуще бессознательное творчество, чем логическая выработка решений для достижения сформулированной цели. Только рассмотрение множества исторических ситуаций могло бы уточнить, в какой мере такому "организму" свойственно понятие "вины". В нашей революции очень отчетливо выделяется одна фаза, условно - "февральская", когда усилиями тогдашнего "Малого народа" разрушаются "интегрирующие механизмы", позволяющие народу ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергается осмеянию и делается предметом ненависти национальная история, вера, историческая власть, армия. Создается множество мифов, внушаемых народу (о колоссальных помещичьих землях, которые могут утолить земельный голод крестьян, об измене двора, всевластии Распутина и т.д.). Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп. Такой процесс больше похож на болезнь, чем на преступление - понятие вины к нему применять трудно. С другой стороны, русская революция была звеном в грандиозном всемирно-историческом процессе, длившемся не одно столетие. В те же годы, что Советская Россия, возникла Советская Венгрия и Советская республика в Баварии, коммунистические партии возникали во всех странах. Западное

общественное мнение в большинстве своем приветствовало "блестящий эксперимент". Существенную роль сыграли устойчивая неприязнь Запада к исторической России, деньги германского генерального штаба, мощный приток сил радикального еврейства в революцию. Все эти внешние факторы надо откинуть, рассматривая проблему "русской вины". Остается ли хоть что-то после этого? Чувство говорит мне - что да! Что история не является процессом "по ту сторону добра и зла", где бессмысленно задавать вопрос о вине, как бессмысленно (по любимому сравнению Л.Н. Гумилева) спрашивать - кто прав: щелочь или кислота в химической реакции. Есть проблема выбора, в решении которой возможна нравственная ошибка, влияющая на всю следующую историю - то, что Достоевский называл "ошибками сердца". Выделить этот фактор (или убедиться, что его не существует) - было бы очень важно для осознания нашей судьбы.

III. "Малый народ" читает "Русофобию"

Никак я не ожидал, что реакция на мою работу "Русофобия" достигнет такого размера: только отдельных, посвященных ей статей (у нас и на Западе) мне известно более 30. Сверх того, многочисленные пассажи о ней в статьях, посвященные ей радиопередачи, множество писем. Критические статьи, письма и передачи исходят, в основном, как раз от того слоя, который я называл "Малым народом". Внешне различаясь - от корректных до грубо-ругательных, разного уровня культурности и даже грамотности, они основаны на очень единообразном мировоззрении. Было бы жаль не воспользоваться столь обильной информацией об этом слое. Соблазнительно попытаться яснее понять явление русофобии при помощи откликов на "Русофобию".

Русофобия как переживание, чувство особенно ярко проявляется в письмах. "Алкогольно-послушное боль-

шинство", "революция, задуманная как освобождение, как истинный социализм, выродилась на русской почве из-за ряда национальных особенностей", "народ, бунтующий за 6- или 8-конечный крест или из-за способа написания имени идола" (намек на раскол, одним из поводов к которому было изменение написания имени Иисуса. Так что "идол" - это Христос, чувство выражено серьезное!). Вот некоторые характеристики из одного только письма: "самовлюбленный дурак: мы на горе всем буржуйам!", "тысячелетие диктатур подорвало интеллектуальный и моральный потенциал масс", "претензии на пуп земли", "народ, с упоением самоуничтожающийся", "нищий дебил с атомной бомбой", "герой фольклора Иванушка-дебил есть ли еще у какого народа?". Последнее хоть проверить можно. У Афанасьева к сказке "Иван-дурак" есть примечание: "Сказка известна во всей Европе, на Кавказе, во всей Азии, на островах Зеленого Мыса, в Америке. Древнейший известный вариант относится к 492 г. и содержится в китайском сборнике Po-yu-king, переведенном с индийского". Сюжет приведен в справочниках всемирно распространенных сюжетов Bolte-Polivka, Aarne-Thompson и многих других. Автор, видимо, и не пытался проверить свой взгляд: он был ему заранее известен и факты *должны* были его подтвердить - иначе, что же это за факты!

Концепция "Малого народа" тоже выражена очень ярко. Один корреспондент пишет, что концепция ему даже нравится, но ее надо дополнить одним положением: "А очень просто. Они умнее других". Сопоставим с мыслью предшествующего автора о народе-дебиле. Как же "умные люди" поведут его по пути прогресса? Ведь он элементарной логики не понимает, тут нужны другие средства. (Вот и автор уже посылает на меня жалобу в идеологическую комиссию ЦК - написано-то было еще в 1989 г.)

В критических статьях поразила меня какая-то пропасть взаимного непонимания; мои аргументы просто не воспринимаются критиками, наши рассуж-

дения движутся в разных, не пересекающихся пространствах. Причем мне кажется, что лишь в некоторых случаях это есть сознательное игнорирование сказанного как полемический прием.

Пример такого загадочного непонимания - обсуждение (множеством авторов) самого явления русофобии. Есть стандартный набор цитат из статьи в статью, в письмах, в записках после выступлений. Это - слова из письма Пушкина о себе самом: "удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится - ай-да умница", предсмертная запись в дневнике Блока: "Слопала меня Россия, как чушка глупого поросенка", "Прощай, немытая Россия" Лермонтова, "В судах полна неправды черной" Хомякова, Чаадаев, Гоголь. Авторам кажется убийственным вопрос: "Не зачислите ли Вы и их всех в русофобы?" Всякий раз кажется, что спрашивающие, если бы захотели, смогли бы и сами понять и ответить - а если есть желание не понять, то любые ссылки излишни.

Тут смешиваются отрывки из личного письма и дневниковые записи со статьями и книгами. Но кто будет судить, например, об отношении мужа к жене по словам, вырвавшимся во время ссоры? Когда-то, в связи со скандалом, вызванным публикациями Синявского, и в частности "Россией-сукой", в оправдание ему вспоминали, что и Блок-де назвал Россию чушкой. В письме в парижскую "Русскую мысль" один не раскрывший своего имени автор из СССР обратил тогда внимание на то, что Блок написал это в дневнике, а Синявский в журнале "Континент"; Блок - в России, умирая с голоду, а Синявский - в Париже, отнюдь не голодая. И Блок, назвав Россию чушкой, назвал и себя поросенком, а Синявский, написавший "Россия - Мать, Россия - Сука", не пожелал сделать из этого напрашивающийся о нем самом вывод.

Еще поразительнее любовь к "немытой России". Авторство Лермонтова не раз ставилось под сомнение, стихотворение впервые упоминается через 30 лет после его смерти, автографа нет. В некоторых дореволюци-

онных изданиях печаталось в разделе "приписываемое". Во всяком случае не его следовало бы привлекать для характеристики отношения Лермонтова к России, столь отличного в других его произведениях. (Для сравнения - пушкинское стихотворное переложение "Отче Наш": "Отец людей, Отец Небесный..." в последних изданиях его сочинений вообще не упоминается). Недавно я просмотрел ряд учебников литературы за все классы: "Немытая Россия" повторяется дважды - если ученик забыл, чтобы через несколько лет вспомнил. Что же отражает такая сладострастная тяга к этому стихотворению, как не русофобию?

Конечно, было и такое загадочное явление, как Чаадаев, друживший с Пушкиным и писавший: "Мы миру ничего не дали", "мы не дали себе труда ничего создать в области воображения". Но было и еще ярче, Печерин: "Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья". Что же это доказывает? Только существование русофобии (у Чаадаева - как одной из компонент его загадочного мировоззрения). Так о том и статья.

Конечно, существуют явления, обладающие общими внешними чертами, хотя и совершенно различные. Но ведь разница чувствуется сразу! Когда Гоголь читал Пушкину "Мертвые души", тот сначала смеялся, потом становился все печальнее и воскликнул: "Боже, как грустна наша Россия!" Но разве мог бы кто-нибудь сказать, что "Россия грустна", читая роман Войновича, где наши потомки в XXI веке питаются переработанным калом; этот "вторичный продукт" сдают в приемные пункты, а выполнившие норму получают право в особом чулане предаться рукоблудию. У Гоголя ощущается ужас перед греховностью человека, для него, конечно, - русского человека. Это "критика человека", идущая вглубь его духовной сущности, но основанная не только на сочувствии, но на чувстве единства с ним. Роман же Войновича содержит, собственно, лишь поверхностные, хоть и нечистоплотные ругательства, бессодержатель-

ные, как ругательства, выкрикиваемые пьяным или написанные на заборе. Сочувствию же здесь явно нет места: всю ситуацию автор описывает, весело похихатывая, а может быть, и со злорадством.

Казавшийся мне столь любопытным феномен "Малого народа" не вызвал вообще никакого интереса, попыток принципиального обсуждения. А меня-то так поразила единообразность всех исторических реализаций этого явления! Когда наши публицисты утверждали, что в России вообще нет литературы, Пушкин и Лермонтов - бездарности, вся культура - у немцев, немецкие то же писали о своей литературе, о Гете, и культуру видели лишь во Франции, а фразцузские - в Англии. Но я встретил лишь возражения по поводу деталей. Наиболее распространенное - что это неправдоподобно, будто меньшинство могло навязать свою волю большинству, что такая мысль даже оскорбительна для "Большого народа". Конечно, если бы речь шла о чисто физическом столкновении, так сказать "стенка на стенку", это был бы убедительный довод. Но ведь "Малый народ" действует через идеологию, средства массовой информации или подпольные партии - тут не численное соотношение решает. Ведь не удивляет же то, что, например, отсутствие витамина В₁₂, которого в организме всего 1-2-миллионные доли грамма, вызывает злокачественную анемию и смерть или что еле видимые бациллы убивают крупное животное, - "оскорбителен" ли этот факт для животного? В начале 80-х гг. прошлого века департамент полиции составил список всех известных ему революционеров. Он включал действительно подавляющее число участников революционного движения, а всего в списке был 151 человек, это за четверть века до революции! Наиболее ярко непонимание этой стороны социальной жизни проявил Сталин, когда на замечание о роли папы римского спросил иронически: "А сколько он может выставить дивизий?"... Кроме того, область деятельности "Малого народа" есть разрушение, а оно всегда примитивнее и

требует гораздо меньших усилий, чем созидание, жизнь. Чтобы создать Пушкина, необходимы были тысячелетия русской и мировой истории, чтобы убить - достаточно одна пуля Дантеса.

Иногда мои критики в своих взглядах отстают друг от друга дальше, чем я от каждого из них. Так понятию "Малый народ" даются две диаметрально противоположные интерпретации. Одна - что это любое меньшинство. Например, штатный философ "Радио Свобода" Б. Парамонов напоминает, что и апостолы составляли меньшинство, и предлагает мне, как христианин христианину, над этим задуматься. Но ведь "Малый народ" - это такое меньшинство, которое стремится сохранить свою изолированность среди остального народа, видя в этом путь к подчинению большинства своей воле. Апостолам же было завещано проповедовать свою веру всем народам - т.е. *перестать* быть меньшинством! Почему-то это очевидно-нелепое возражение повторяют многие критики. Противоположная интерпретация, наоборот, чрезвычайно суженная, что "Малый народ" - это одни евреи. Например, Синявский не раз так излагает мою работу: "Малый (еврейский) народ, оказывается, ведет давнюю смертельную борьбу с большим (русским)". Какое отношение это может иметь к моим взглядам, если в качестве примера "Малого народа" я привожу в своей работе пуритан во время Английской революции, в то время, как евреи были изгнаны из Англии еще в XIII веке и въезд туда им был запрещен под страхом смерти? В применении к современному "Малому народу" я разбираю этот вопрос подробно ("Наш современник", 1989, № 6, с. 189 и № 11, с. 165) и привожу ряд соображений, почему отождествление "Малый народ" - евреи, на мой взгляд, *неверно*. Вот случай, который никак уж нельзя отнести за счет добросовестного непонимания. То же утверждение содержится в письме за подписью 31 автора ("Книжное обозрение", 1989, № 38). Письмо вообще содержит иногда и прямую неправду, написано в духе писем, когда-то

разоблачавших Пастернака, Солженицына или Сахарова. К сожалению, под ним стоит и подпись самого А.Д. Сахарова! Еще больше поражает подпись академика Лихачева, для которого добросовестное отношение к разбираемому источнику должно бы быть профессиональной привычкой. Одно утешение - надеяться, что оба они подписали письмо, не вчитываясь, положившись на составителей.

Многие возражения остались мне просто непонятными, как ни старался. Например, тот же философ со "Свободы" Б. Парамонов упрекает, что мне "любезно" представление об органическом характере общества - с его же точки зрения, "общество нельзя понимать по аналогии с природой", так как в природе нет свободы. Но если у Парамонова есть собака, то он должен видеть, как она все время проявляет свободу - например, убегая от хозяина за встречной кошкой. Именно взгляд на природу как нечто низкое, неодушевленное породил концепцию "покорения природы", уверенность в праве делать с нею все, что захочется - то есть тот экологический кризис, который угрожает гибелью природе и человеку, забывшему, что он ее часть. А между тем аргумент так понравился, что переключался в несколько наших статей. Но Б. Парамонов пугает и страшнее: "Органические общества - это застойные общества". Однако органична, прежде всего, Природа, а в ней происходит, как известно Б. Парамонову, не застой, но - эволюция. За 4 миллиарда лет до нас на земле еще не было жизни, за 2 миллиона - не было человека, а совсем недавно - самого Б. Парамонова. И нет уверенности, что природа исчерпала на нем свои творческие силы - как сказал один герой Конан Дойла, быть может, она нам готовит еще бóльшие сюрпризы.

Видимо, как мои критики не понимают меня, так и я их понять не способен. Включая и критику с использованием христианской лексики. Например, в связи с коробящими критика цитатами из Ветхого Завета. Что же, христиане должны манипулировать цитатами из

Писания, как марксисты своими "классиками"? Если в Библии говорится, что царь Давид клал побежденных под пилы, то можно попытаться уяснить себе, каково место этих и подобных эпизодов Ветхого Завета в христианском мировоззрении, можно, на худой конец, признать, что это нам сейчас не понятно, но постыдно притворяться, будто это не существует. Что уж говорить о пестрящей текстами из Писания статье, где я уличен в жажде расправы, ненависти, в том, что я вмешиваюсь в Божественное Домостроение, недоволен Богом, духовно отказался от Христианства, презрел евангельские заповеди, ношу маску инквизиторов, тайна которых "Мы с ним". "Он" же - это сатана, принимающий вид "Ангела света". В заключение автор кротко напоминает, что "христиане призваны не проклинать". (Один из героев Вальтера Скотта сказал о пуританах: они вас, не долго думая, повесят, а чтобы успокоить совесть, сопровождают это каким-нибудь текстом вроде: "Тут Финеас восстал и произвел суд").

Поражает меня, что авторы хранят молчание как раз по поводу вопросов, в которых они компетентны. Например, Синявский не согласен со мной, что русские и украинцы изображены в "Конармии" Бабеля существами низшего типа. Нет, говорит он, скорее героическими людьми. Но ведь у меня, например, приведена цитата: "И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей..." Синявский говорит, что Бабелем много занимался: вот тут-то бы и разъяснить, что же в этом образе "скорее героического". И как раз об этом он молчит, хотя где только не писал и не выступал по поводу "Русофобии".

Или вот Б. Хазанов высказал очень интересную мысль, которую я в своей работе цитирую: "Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией". Ведь интеллигенцию можно сопоставить с нервной системой народа. Что же это получилось за необычное существо, у которого нервная система и тело сде-

ланы из разного этнического материала? Хазанов посвятил "Русофобии" особую статью, где сравнивает меня и с Гитлером, и Розенбергом, и Штрейхером - но вот эту интересную мысль никак не комментирует.

Или еще: по поводу фразы Солженицына, что "аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами". Померанц уличает автора, что он "засунул опасное слово посредине, чтобы его нельзя было выдернуть для цитирования". В "Русофобии" я высказываю свое недоумение, почему "опасно" именно это слово, стоящее посредине, а не все остальные? Но тщетна была надежда получить ответ: Померанц много раз высказывался о "Русофобии", но говорил о чем угодно, только не об этой своей фразе, смысл которой он мог бы нам открыть. Как жалы!

Когда стало ясно, что на работу будут появляться отзывы, я с большим интересом стал их читать, надеясь встретить обсуждение по существу, пусть бы авторы и были со мной полностью несогласны. Но в результате - полное разочарование. Часто я так и не мог понять, каково же отношение авторов к основным положениям статьи (например, как они сформулированы в начале этой работы). Если даже принять все возражения - и про Природу, и про Бабеля, и о Священном Писании и т.д. - все же остается, например, непонятным: считает ли автор русофобию реальным, весомым фактором нашей жизни? Существует ли такой исторический феномен - "Малый народ"? Впечатление от этих критиков было другое: они стремятся внушить, что работу читать не следует, если же кто прочел - тому лучше ее скорее забыть. А сверх того видна в ряде случаев неприязнь к окружающему народу, уверенность в его неполноценности и в призвании "умных людей" решать судьбу "народа-дебила".

Особый оттенок всей дискуссии придают применяемые в ней полемические приемы. Например, Померанц пишет: "Теперь несколько слов о полемических хитростях. Это тоже, кстати, черта несвободного сознания. И.

Шафаревич (...) заявляет себя человеком, далеким от "Памяти" (бедной, оклеветанной "Памяти") - и кончает статью трегубой аллилуйей в ее честь". Прочитав, я так и ахнул - откуда же это? Но автор приводит точную цитату: "Верю в громадную силу памяти, в то, что каждый народ... и даже все живые организмы... все они хранят в себе память..." А вот это: "Все в жертву памяти твоей..." Так и Пушкин, оказывается, тайно сочувствовал "Памяти"! Ах, неосторожные это были слова о "полеми-ческих хитростях" и "несвободном сознании"...

Еще пример. Получаю письмо за подписью Алексея Шмелева с рядом вопросов по поводу "Русофобии". В том числе - откуда взяты цитаты из Талмуда. Ответил, указав мои источники (включая недавнюю книгу профессора университета в Тель-Авиве Я. Каца), даже посоветовав, в какой библиотеке эти книги можно найти. Получаю письмо с благодарностью за "ясный и точный ответ". Вдруг в журнале "Знамя" встречаю статью того же Алексея Шмелева «По законам пародии? (И. Шафаревич и его "Русофобия")». Автор приводит слова М. Агурского по поводу совсем другой статьи совсем другого человека (псевдонима), что там "цитаты, исполненные искажений, (...) заимствованы из антисемитской литературы дореволюционного периода, как книги А. Шамова, И. Лютоостранского и др.". И дальше: "Не пользовался ли Шафаревич этим же оригиналом? Или он обнаружил какие-то новые данные?.." Увы, эти данные известны не только мне, но и Шмелеву. (А после, ссылаясь на Шмелева, казанская газета "Наука" печатает статью: "Как Шафаревич источники извратил".) Что уж тут апеллировать к Священному Писанию и христианским ценностям: на такие проделки не пойдет и средний готтентот!

И еще пример. Был у меня вечер в МГУ в октябре 1989 года, и через несколько дней радиостанция "Свобода" передала сообщение о нем: "от нашего московского корреспондента Марка Дейча". Всем, пришедшим на вечер, не удалось поместиться в зале, и устроители

радиофицировали холл. Но Марк Дейч рассказал, что было совсем немного народу, да и неудивительно, как как уважающие себя люди не пошли бы навстречу с автором "Русофобии" (как любезно по отношению к сотням присутствовавших!). Вечер продолжался три с половиной часа, пока я не ответил на все вопросы. Марк Дейч сообщил, что, ответив на несколько записок, я сказал, что устал и хотел бы закончить вечер, и т.д. Остается недоумение: что это - моральный и профессиональный уровень самого Марка Дейча или стиль радио "Свобода"? Чему можно и можно ли чему-нибудь верить в передачах этой радиостанции?

Публицист Б. Сарнов пишет: "Я не способен в джентльменском, парламентском стиле полемизировать, скажем, с Шафаревичем". К сожалению, далеко не он один. Вот некоторые характеристики, данные мне и моей работе: фашист, законченный нацист, сравнение с Гитлером-Розенбергом-Штрейхером (в назидание упоминается, что последние повешены), публикация работы в ФРГ - уголовно наказуемое действие, мания преследования, инсинуации, параноидальный бред, инквизитор, слился в одну кучу с Ниной Андреевой и идет с ней разными дорогами к одному обрыву, "фанатическая книга", "националистическая опухоль". "Книга полемики не заслуживает", "говорить не о чем", Синявский предлагает по поводу работы "не браниться, не сердиться, не читать нравоучения, а смеяться" - но ни он сам, ни другие авторы явно совету не последовали. Зато в "Новый мир" пришло письмо, в котором автор возмущается, что журнал напечатал мою статью (совсем другую): "Дело здесь не в содержании статьи, а в имени автора". Развивая эту линию плюрализма, Б. Сарнов потребовал, чтобы КГБ занялось моей работой. В газете "Советский цирк" эссе профессионального эстета о "Русофобии" иллюстрируется каким-то лицом с выпученными глазами и высунутым языком. В газете "Смена" публикация статей с критикой моего интервью той же газете сопровождается редакционным введением, содержащим

ругательства, которые я раньше слышал только от пьяных, не полагал их возможными в прессе... Парамонов - философ - опубликовал эссе с нецензурным (или нецензурным?) названием, обозначающим вещество, ранее относившееся исключительно к ведению ассенизаторов. На протяжении всего своего философски-ассенизационного исследования он весело купается, барахтается и ныряет в "веществе".

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.
Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня все дале, дале -
И, камень приподняв за медное кольцо,
Сошли мы вниз, - и я узрел себя в подвале.

IV. Антисемитизм

К сожалению, то, что обсуждалось выше - лишь незначительная часть написанного о "Русофобии". Доминирует же - и объемом, и силой страсти - переживание суждений о еврейском течении в современном "Малом народе". Остальное отодвигается на задний план как незначительная мелочь: судьба России, трагедия народа, стоящего между бытием и небытием под тяжестью непрерывного давления на его национальное сознание. Даже само название работы должно было бы указать, что посвящена она русской теме, но это почти полностью игнорируется.

Как и следовало ожидать, господствует, заглушая робкий голос разума, один клич: "антисемитизм!" Уже в "Русофобии" я высказал свое мнение об этом термине: он нарочно оставляется нерасшифрованным, аморфным. Это сигнал, который, идя мимо логики, должен действовать на эмоции, возбуждать агрессивность. Таков испытанный прием управления массовым сознанием. Поразительно, что заданный в старой работе вопрос - что же

это такое, "антисемитизм"? - *всеми без исключения* известными мне критиками не замечается. Никто из них не попытался объяснить, что он имеет в виду: действия, наносящие ущерб людям лишь потому, что они евреи? Пропаганду дискриминации евреев или насилия над ними? Выражение презрения к евреям как нации: типичным чертам внешности или поведения? Да и еще масса возможных толкований. Даже автор, сообщающий, что "Сам Бог наложил абсолютный запрет на антисемитизм", оставляет нас в неведении о содержании этой "одиннадцатой заповеди" (вот "не убий", "не укради" - разъяснений не требуют...).

Уж нашему-то поколению, казалось бы, можно было почувствовать нечистоплотность таких пропагандистских приемов. Каждый сталкивался с совершенно тождественным по духу, логической структуре и социальной функции штампом: "антисоветизм". Оба эти клише-двойника являются, я думаю, продуктами одного типа сознания. Казалось бы, теперь пора устыдиться, как чего-то грязного и постыдного, подобных приемов, пахнувших 70-й и 58-й статьей, да и "законом" 1918 г. против "антисемитской и погромной агитации": ведущих подобную агитацию "ставить вне закона (?)".

Статьи УК, касавшиеся "антисоветской агитации", были направлены на сохранение режима и власти правящей верхушки. Но так обнаженно это нельзя было сказать, и в ход шли "государство", "советский народ" и даже "прогрессивное человечество". Аналогично и клише "антисемитизма" имеет целью наложить запрет на обсуждение действий какого-то узкого слоя, входящего в "Малый народ". Чтобы вычеркнуть из сознания эту сторону, внушается, что речь идет о некоей (хотя и нерасшифрованной) угрозе всему еврейскому народу. В частности, все критики моей работы как будто слепнут, доходя до тех ее мест, где высказывается и аргументируется убеждение, что в современном "Малом народе" действует какое-то очень специфическое течение еврейского национализма.

Насколько проще, не утруждая себя аргументацией, выстроить цепочку: антисемитизм - фашизм - 6 миллионов евреев, убитых нацистами (Синявский, для убедительности: 6 миллионов, убитых в Освенциме!). Этот прием используется постоянно. Одна "критика" так и озаглавлена: "Обыкновенный фашизм". В конце ее автор (все тот же Б. Хазанов) пишет: "Весь состав идей академика Шафаревича от начала до конца воспроизводит пресловутое "мировоззрение" (Weltanschauung) гитлеровской гвардии и, в сущности, выдает в нем законченного нациста. Все это уже было - и мы хорошо знаем, чем это кончилось". Все это действительно было, причем всего на два года раньше, в том же журнале. Вот как это звучало: "Где-то это было уже - утверждение "национального возрождения" через ненависть врагов, активные поиски этих врагов во вполне определенном направлении - среди евреев, конечно. Память не обманула..." Далее следует цитата: "Да, конечно, это из "Mein Kampf" Адольфа Гитлера". Но это не про меня, а про В.А. Астафьева (по поводу переписки с Эйдельманом) и написано не Хазановым, а его соредактором Любарским. Так что же это за психология: чуть что не понравится - значит это фашист, повторяющий Гитлера. (Точно так, как писали у нас в 30-е годы!) Ведь если объединить всех, кто когда-то критически относился к каким-то еврейским группам и течениям, то получится очень пестрый список: Евангелист Иоанн, Цицерон, Тацит, Иоанн Златоуст, Савонарола, Лютер, Шекспир, Петр Великий, Вольтер, Державин, Наполеон, Фурье, Вагнер, Достоевский, Розанов, Блок и очень многие другие. Гитлер в этом списке, конечно, тоже должен быть, но занимает совершенно особое место. Однако будет там и Ленин, и даже евреи, такие, как Маркс и Отто Вейнинггер. Люди столь разнородные, что присутствие в их соседстве, кажется, ничего не означает.

События последних лет, а особенно почти неограниченная громогласность, еще раз показали националь-

ную ориентацию нашего "Малого народа". Как и в других вопросах, жизнь внесла очевидную ясность там, где раньше приходилось оперировать догадками и косвенными доказательствами. В последние годы страну потрясла цепь кровавых межнациональных столкновений. Теперь кровь льется все время, многие сотни тысяч превратились в беженцев. Тут можно наглядно увидеть: какой народ более уgroжаем, несет бoльшие жертвы. Как же оценили ситуацию средства массовой информации (в своей подавляющей части) и поддерживающие их (и поддерживаемые ими) левые вожди? Кого они сочли нуждающимися в особой защите: армян (Сумгаит), русских (Алма-ата, Душанбе, Тува), месхов, осетин? Неподготовленный читатель не поверил бы: мы слышали лишь одно требование - закона против антисемитизма. Об этом публиковались статьи, письма в редакцию, подавались петиции депутатов. В то время, как никаких реальных оснований для этого не было. Зато были основания, созданные средствами информации, печатать письма от боевиков "Памяти" с угрозой кровавой расправы над редактором прогрессивного журнала (но когда все мы содрогнулись от ужаса, оказалось, что автор писем - провокатор, желающий скомпрометировать "Память"), анонимные письма до смерти запуганных жертв преследований (хотя в других случаях использование анонимок считается недостойным), публикации тайных инструкций "Памяти" с призывами к расправам, слухи о грядущих жестоких погромах. О них объявляли уже не раз: и к 1000-летию Крещения Руси, и ко дню Святого Георгия, 6 мая 1990 г. И вот парадокс: погромам у нас подвергались, кажется, все народы, кроме евреев.

Столь же сильному давлению подвергается и сознание Запада. Пример - письмо академика Гольданского, опубликованное в "Вашингтон пост". Название: "Антисемитизм: возвращение русского кошмара". Утверждается, что у нас возникли "злобные антисемитские группы", процветающие "в атмосфере злобы,

зависти, поиска козла отпущения и ненависти", они "сейчас стали самыми мощными и, безусловно, наиболее быстрорастущими силами раскола, толкающими страну к кровопролитию и гражданской войне". Автор называет их "монархо-фашистами". Они стремятся "закончить то, что начал Гитлер", они "встречают симпатии и попустительство со стороны видных лидеров партии и правительства СССР". Погром назначен на 6 мая 1990 г., и уже сейчас произошло нападение на собрание "прогрессивной группы писателей" в ЦДЛ. Я просто не знаю другого случая такой апелляции к стране, с которой роковым образом связана наша судьба, возбуждения ее общественного мнения - и столь чудовищного искажения всех пропорций. Статья и не приводит никаких фактов: автор ссылается лишь на "анализ" газеты "Советский цирк" и какое-то письмо из ФРГ, подтверждающее, что на Западе "такие заявления" были бы неконституционными. А ведь пишет это парламентарий, наш депутат!

Прошло больше года: не совершилось никаких погромов, "монархно-фашисты" не начали гражданскую войну и не произвели кровопролития. Что же, были ли принесены извинения за эту напраслину, возведенную на страну, гражданином которой числится автор? Нет, как и в случае редактора, писавшего об угрозах ему от «боевиков "Памяти"». Возбуждены страсти - у нас и в США, - создана паника, под влиянием которой тысячи евреев покинули страну, а те, кто этому способствовали, тихо уходят в тень.

Кульминацией, но почти и карикатурой, был "инцидент" или "шабаш" в ЦДЛ. На собрание группы писателей в Доме литераторов пришла компания неизвестно кем пропущенных людей. Появились плакаты, из которых самым криминальным был: "Сионисты, убирайтесь в Израиль!" (бессмыслица: сионисты - это как раз те, кто едет в Израиль). При выдворении прибывших возникла потасовка, были разбиты чьи-то очки. Разразившуюся бурю можно сравнить лишь с "кампаниями" прежних времен, вроде "Свободу Анджеле Дэвис!". Воз-

бужденные выступления по телевидению: депутатов, писателей, обозревателей, поток статей. Да и мне писали: "Как Вы еще можете сомневаться в возможности погромов, когда первый уже произошел в ЦДЛ?" Главную фигуру "инцидента" - Осташвили - отдали под суд. Следственное дело составило 11 томов. Заявления Осташвили, как нарочно кричаще-резкие, передавались по телевидению и сопровождались гневными комментариями... А теперь сравним это с гонением на русских в Туве. Тут уж речь не шла о письмах провокатора или о бессмысленных лозунгах: к середине лета 1990 года число убитых русских превысило 50. И это сообщение, едва промелькнув ("Столица" № 4, январь 1991 г.), не вызвало никакой реакции: ни статей, ни телекомментариев, ни дебатов в Верховном Совете, ни депутатских комиссий.

Вот статистическая характеристика пяти событий - столкновений в Сумгаите, Душанбе, Туве, Намангане и "инцидента в ЦДЛ". Приведено число жертв (убитые) и количество строчек, уделенных этому событию в посвященных ему статьях такого типичного для нашей страны издания, как "Литературная газета":

	Число жертв	Число строк
Сумгаит	32	0
Душанбе	24	726
Тува	более 80*	0
Наманган	5	309
ЦДЛ	0	1131

Таков портрет наших средств информации.

"Антисоветизм" был предупредительным выстрелом, запретом на обсуждение идей, неугодных правящей верхушке ленинско-сталинско-брежневского режима. "Антисемитизм" играет ту же роль для современно-

* По данным журнала "Столица" (1991, № 4). По другим данным - около 10.

го "Малого народа", причем часто и в вопросах, не имеющих вообще никакого национально-еврейского аспекта. Например, обвинение в антисемитизме можно услышать по адресу писателя, слишком явно отдавшего свои симпатии деревне, или художника, на картинах которого слишком много крестов и храмов. Недавно "Еврейская газета" (7 мая 1991 г.) опубликовала список, озаглавленный "Антисемитские издания", в котором есть журналы, кажется, вообще никак - ни "про", ни "анти" - не касавшиеся еврейских проблем (вроде "Москвы").

Такой "интеллектуальный растрел" - сильное средство, но все же не может сказать решающего действия, пока не подкреплён какими-то более материальными мерами. Слишком жгучи и важны вопросы, стоящие перед русским народом, чтобы на них можно было наложить запрет, не прибегая к чему-то вроде Беломорканала. Нормальная духовная жизнь народа требует, чтобы его проблемы свободно обсуждались: не полунамеками, без извинений, постоянных заверений, что мы хоть и русские, но не расисты. Короче говоря, равноправно проблемам других народов. А то, вот, например, А. Шмелев, соглашаясь с моим мнением о "запрете" обсуждения ряда русско-еврейских проблем, пишет: "После национал-социализма бесстрастно обсуждать, насколько благотворно или пагубно совместное проживание с евреями (хотя именно такого вопроса я обсуждать не предполагал. - И.Ш.), трудно". Однако он не обнаруживает аналогичных "трудностей" в связи с русскими после рассказывания и коллективизации!

В ряде изданий была опубликована и не раз читалась по "Свободе" критическая статья о "Русофобии" Б. Кушнера. Она выделяется из общей массы своей искренностью. Я способен если не согласиться с автором, то понять его эмоции. Он пишет: "Позвольте сообщить Вам, уважаемый Игорь Ростиславович, что мы так же ощущаем боль, как и Вы, так же любим своих детей и нам так же тяжело видеть, как им забивают гвозди в глазницы, как это было бы тяжело (не дай Бог!) видеть вам

по отношению к вашим детям". Вот слова, которые я хотел бы повторить, адресовав тому кругу, взгляды которого автор выражает. Поверьте, наконец, что нам так же больно, как и Вам, и мы имеем такое же право говорить о нашей боли! У нас была такая же Катастрофа, как у вас, и продолжалась она 25 лет. Был голод на Украине, унесший за год не то 5, не то 7 миллионов (их и пересчитать не удастся). За войну население Белоруссии уменьшилось на четверть и восстановилось лишь за 40 лет. И о таких же пытках, о каких пишете вы, безо всякого "было бы" вы можете прочесть, например, в материалах о деятельности Киевской ЧК. Автор говорит: "Что же, в известном недавнем периоде русской истории действительно можно наблюдать непропорциональное (как в количественном, так и в эмоциональном отношении) участие евреев. Обстоятельство это представляется мне трагическим для моего народа в такой же степени, как и для Вашего". Неужели действительно *"в такой же"*? Евреи за этот период избавились от черты оседлости, процентной нормы, переселились из местечек в города - в основном крупные, во много раз обогнали другие народы СССР по уровню образования и ученых степеней. У русских было уничтожено дворянство, духовенство, разрушена деревня, катастрофически упала рождаемость. Именно русский, а никак не еврейский народ стоит сейчас перед угрозой гибели. Автор пишет: "Сейчас наступила пора нашего национального расставания", очевидно, подразумевая эмиграцию евреев. Но у русских-то нет другой родины, кроме их разоренной страны. Неужели эта ситуация отражает *"ту же меру"*? Такая холодная отстраненность от чужих бед может очень далеко завести. Б. Кушнер говорит о "Русофобии": "Кажется, что вот-вот появятся и пресловутые христианские младенцы" (намекая на ритуальные убийства). "Словарь русского языка" Ожегова разъясняет слово "пресловутый" так: "широко известный, на шумевший, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки". Но ведь убитые-то младенцы

были самые настоящие, какова бы ни была причина их гибели (например, в деле Бейлиса, в процессах, описанных Далем). За что же их так пренебрежительно третируют, хоть они и христианские? Можно было бы и пожалеть...

Сейчас мы наглядно видим, какой колоссальной силой являются национальные переживания - подчас посильнее экономических факторов и классовых отношений, о которых столько лет долбили как о единственном двигателе истории. Не можем мы отказаться от обдумывания и этого аспекта революции 17-го года - самого трагического кризиса нашей истории. А до сих пор такие попытки встречают яростное сопротивление или полное непонимание. Из многочисленных примеров: в "Русофобии" приведено высказывание одного из вождей социал-демократов - Мартова. Он говорит, что, пережив в детстве угрозу погрома, сохранил на всю жизнь "семена спасительной ненависти". Б. Кушнер упрекает меня, что я не ощущаю "страдание другого существа как свое собственное", не понимаю переживаний Мартова или поэта Бялика, вызванных погромами. Зря я, видимо, объяснял, что хочу вообще воздержаться от "оценочных суждений", а пытаюсь понять: что же с Россией происходило? А произошло то, что одним из вождей революции оказался человек, глубинной основой психологии которого была не любовь к этой стране и ее народу, даже не интернационалистски-марксистские идеи, а "семена спасительной ненависти" - к кому? И ситуация, вероятно, была типична не для одного Мартова. Конечно - как не пожалеть трехлетнего Юлика, со страхом дожидавшегося погрома? Но, говоря об истории, как не подумать о всей России, судьба которой оказалась в руках таких вождей? Ведь Россия тоже "существо", и страдания этого существа тоже надо бы чувствовать!

Некогда Янов сравнил обвинение в антисемитизме с атомной бомбой в руках "противников национализма". Это очень тонко подмечено: речь идет именно о борьбе с

"национализмом" (конечно, русским - т.е. о русофобии), а не о защите еврейского народа от какой-либо угрозы. Например, как иначе понять стальное нежелание замечать, что с "Малым народом" в моей работе связывается лишь некоторое течение еврейского национализма, - и делать вид, что речь идет о всем еврейском народе (аналогично - в связи с участием радикального еврейства в революции). Я пытаюсь примерить на себя: конечно, есть много эпизодов в русской истории, о которых мне тяжело вспоминать, - например, подавление польских восстаний или политика обрусения инородцев. Если бы я встретил работу, утверждающую, что ответственность за это несет не весь русский народ, а лишь какой-то узкий его слой, то, конечно, ухватился бы за нее и попытался бы эти аргументы развивать. Как мог бы автор, стоящий на глубоко национальной еврейской позиции, наоборот, стараться действия Свердлова, Троцкого и палачей ЧК связать со всем своим народом? У автора, стоящего на национальной почве, думаю дрогнула бы рука написать и то, что высказал Гроссман о России. Ведь в романе "Жизнь и судьба" он с таким жутким реализмом описывает гибель евреев в газовых камерах. А это была бы судьба *всех* евреев СССР, если бы равнины Восточной Европы не были усеяны русскими и украинскими костями. Этим я отнюдь не хочу сказать, что евреи (или, скажем, грузины) не воевали, - но по числу своему не могли влиять на исход войны. И, конечно, русские защищали *свою* страну и отнюдь не приобрели тем самым право как-то утеснять евреев, но на некоторую благодарность, деликатность в обличении их недостатков могли бы рассчитывать от людей, живущих интересами всего еврейского народа.

Разве мог быть поднят людьми, озабоченными еврейской судьбой, этот всемирный гвалт о фантастической (как сейчас всем видно) угрозе погромов? Разве заботило его организаторов то, как это отразится на отношениях других народов - в стране, где сейчас громят чуть ли не всех, кроме евреев! Ведь это похоже на

крики нежных родителей, что их ребенку не хватает яблок и апельсинов: можно еще понять, когда кругом все сыты, - ну а если другие дети пухнут с голоду? Не будет ли это воспринято как знак жестокого пренебрежения к чужим жизням? (Так же было и с требованиями дать свободу еврейской эмиграции, когда у нас колхозники не имели права уехать из своей деревни). Кинорежиссер С. Говорухин пишет (тут же заверяя, что "Памятью" не завербован!): "Попробуйте взглянуть на нашу прогрессивную прессу глазами нормального здорового человека. Сколько всего случилось за этот год! Баку, Душанбе, Тува, Ош... С живых людей сдирали кожу, жгли на кострах! По газетам же получается: главное событие года - скандал в Доме литераторов". "Или я ничего не понимаю, - скажет нормальный читатель, или тут что-то не так". Это в лучшем случае он так подумает, а в худшем - поскребет затылок и промолвит: "А может, правы те, кто говорит, что евреи захватили газеты, радио, телеграф?" Вот вам пример обратного эффекта. Идиотизм, ей-Богу! В редакции газет приходят разные письма. Цитирую одно из них по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: "Почему вы так много места уделяете этому процессу (над Осташвили. - *И.Ш.*)? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?"

Да и в связи с "Русофобией" я встречаю поразительные возражения: будто, приводя цитаты из Янова или Гроссмана, я "провоцирую погромы". Я-то в возможность погромов не верю, но кто и правда ими озабочен - должен был бы прежде всего обратиться с призывом не печатать таких произведений, одна цитата из которых может вызвать погром! Наконец, последнее время принесло и совсем поразительные примеры. Так, в Молдавии звучали чудовищные призывы: "Утопим русских в еврейской крови!" Но это не вызвало никакого возмущения, не то что "шабаш в ЦДЛ". Видимо, первая часть призыва вполне оправдала вторую. Говоря конкретнее,

сепаратизм и русофобия есть главная цель, а судьба евреев второстепенна.

Все указывает, что течение, столь влиятельное в "Малом народе" и так умело манипулирующее образом "антисемитизма", столь же мало озабочено судьбой еврейского народа, как в свое время эсеры - судьбой крестьян, или большевики - судьбой рабочих. Для них весь народ есть лишь средство, "сухая солома". И мне верится, что когда-то скажет свое слово и "молчаливое большинство". Например, скажет, что невозможно отбрасывать трагедию окружающего народа как нечто, не стоящее внимания сравнительно со своими заботами. И не из страха перед "ростом антисемитских настроений", а просто потому, что это - не по совести.

Есть признаки, что это возможно. Например, в статье "Я, русский еврей" ("Век XX и мир", № 10, 1990) автор пишет: "И пусть мы, евреи, покаемся первыми: хотя мы действительно живем на земле предков, но ведь это же Русская земля... В первую четверть века, в судьбоносные для России времена, нам следовало бы проявить величайшую осмотрительность, такт по отношению к хозяевам - народу этой страны". Ведь есть, значит, возможность понять точку зрения друг друга. Мне кажется, сейчас успехом было бы хоть понять, даже не соглашаясь.

Для России вновь настали судьбоносные времена. К несчастью, нам всем, всем народам России, не было дано спокойно осмыслить опыт предшествующей катастрофы. И как бы нам всем не повторить еще раз тех же ошибок, но в больших размерах, с еще более страшными последствиями!

Июнь 1991 г.

М. Назаров

Если уж на то пошло...

О масонах, еврейском вопросе и радио "Свобода"

В последние годы, как было описано в статье М. Назарова в "Вече" № 37 ("О радиоголосах, эмиграции и России"), на радио "Свобода" произошел резкий сдвиг политики в сторону русофобии. Это не только ухудшило взаимоотношения радиостанции с рядом ее бывших и внештатных сотрудников, но и выразилось в усилившихся нападках на наш альманах.

В частности, директор "Русской службы" радио "Свобода" В. Матусевич обвинил автора указанной статьи и «черный альманах "Вече"» в "утробной злобе", в муссировании "понятия русофобии и неотъемлемого от нее жидо-масонского заговора". Затем в эфире несколько раз прозвучали обвинения в антисемитизме главному редактору "Вече". В связи с критическим упоминанием о масонстве в одной из статей М. Назарова "Свобода" вступилась за масонов и назвала автора "отравителем колодцев"; защита масонства в том же духе была предпринята в программах Ф. Салказановой, И. Светловой, В. Тольца. Через день (!) после получения 43-го номера "Вече" радио "Свобода" посвятило его критике круглый стол - тоже с упоминанием "жидо-масонской" темы (Л. Ройтман)...

Как можно видеть, обвинения нашего журнала в антисемитизме и апология масонства оказались взаимосвязаны и в последнее время заняли прочное место в тематике этой радиостанции. В этой связи двое сотрудников вспомогательных служб "Свободы" - читатели "Вече" - попросили М. Назарова еще раз вернуться к теме масонства и заодно ответить на прозвучавшие в эфире упреки. - *Ред.*

- Тема нашей беседы задана обвинениями, прозвучавшими по радио. Однако, интересны не столько эти обвинения, сколько суть проблемы. Поэтому, не могли бы вы сначала повторить кратко (из "Вече" № 42-43) - что такое масонство?

- Оно оформилось как неоязыческая "религия разума" в русле между протестантской Реформацией и атеистическим Просвещением. И сразу же стало усиленно заниматься политикой - "демократизировать" мир. Как отмечает еврейский ученый Я. Кац, многие ключевые посты в масонстве вскоре заняли евреи, видя в нем инструмент для борьбы за свое равноправие. При этом они использовали и свою финансовую мощь (напр., Ротшильды). Основные вехи этой демократизации - европейские революции, начиная с Французской. К XIX веку масонство достигло на Западе огромного влияния: в 1930 г. масонский словарь перечисляет в числе масонов множество президентов США. Масоны, похоже, несут большую долю ответственности за развязывание Первой мировой войны, в которой они добились свержения монархий в России, Германии, Австро-Венгрии. Тогда и во главе ряда новых государств в Восточной Европе (Польша, Чехословакия и др.) были поставлены масоны (как и в России, Грузии, на Украине - но там их подмывали большевики). Реакцией на победу этих сил в Европе стал фашизм, но он не соответствовал духовному уровню задачи и выродился в расизм (в цитадели этого консервативного блока - Германии). Фашистская коалиция была побеждена во Второй мировой войне - союзом демократов и коммунистов (этот союз можно считать аналогией масонско-коммунистических антифашистских "народных фронтов" в Европе 1930-х гг.).

Однако, после Второй мировой войны, как мне кажется, масонство, добившись на всем Западе своих целей - установив "плюралистическую" демократию - во многом потеряло свое политическое значение (в атомизированной демократии власть обеспечивают деньги и средства информации, а не тайные организации). Оно потеряло и прежний идейно-революционный пыл, поскольку масонская "религия разума" - в виде атеистического гуманизма - стала на Западе общепринятой. Как признали сами масоны по радио "Свобода" (22.3.91), наибольшее воплощение эта идеология нашла в США, и

в этом смысле та "американская идея", которую нам навязывает эта радиостанция, имеет масонский исток (именно она - идеал нашего западничества).

- А как обстоит с этим России, где в последнее время в правых кругах растут страхи перед масонским влиянием?

- В *духовной* области это наследие масонства, в виде американизма (тут, конечно, не только масонство), я считаю серьезной опасностью для российского общества, особенно при нынешней демократической эйфории. Но, думаю, что в *политической* области страхи именно перед масонами во многом объясняются тем, что к сегодняшней ситуации применяются западные реалии до Второй мировой войны и российские реалии накануне 1917-го года. Ведь основная критическая литература на эту тему, доступная в России - это книги на русском языке: дореволюционные и издания первой эмиграции. Но мир с тех пор изменился. Масонство выполнило свою роль тарана старого мира и "сильные мира сего" уже не нуждаются в нем как тайной организации, скрепленной страшной клятвой и т.п. На нынешнем этапе более влиятельны прагматичные "мондиалистские" структуры (вроде "Бильдербергеров", "Трехсторонней комиссии" и т.п. - о них как-то писал А. Федосеев в "Вече"). То есть финансово-экономические структуры власти, имеющие глобальное влияние благодаря своей огромной материальной мощи. Конечно, они стремятся сейчас "освоить" и Россию, но не думаю, что это влияние следует сводить именно к масонству.

И уж, конечно, нет оснований все негативные явления в советской истории объяснять происками масонов, как это некоторые делают. У большевиков была своя идеология (хоть и родственная атеистическим масонским послушаниям) и своя политическая организация. Есть много фактов, что в СССР масонство уже в 1920-е годы было запрещено, как и все течения "попутчиков".

- Но, вероятно, теперь положение изменилось? Ведь из радиointервью Ф. Салказановой с масонами (23.3.91) известно об открытии специальной русской ложи в Париже с целью воссоздания "масонских структур" в России; и вы об этом упоминали ("Литературная Россия" № 30, 1991; "Вече" № 43, с. 166). Есть ли у Вас об этом более подробная информация?

- Париж был колыбелью русского "февралистского" масонства уже в начале XX века. Потом он стал и масонским центром русского зарубежья: оттуда масоны контролировали большую часть эмигрантских организаций - см. "Вече" № 43. По мере размывания на Западе роли масонства как тайной политической организации, и русские масоны в Париже потеряли прежнее значение, хотя и продолжают свою "работу" вплоть до нашего времени. Правда, сейчас они активизировались.

Так, французский журнал "Экспресс" (17.1.1992) в статье "Масоны завоевывают Восток" с удовлетворением сообщает об открытии многих лож в странах Восточной Европы, при покровительстве новых правительств (это неудивительно: из статьи узнаем, что масонами были, например, отец и дядя нынешнего чехословацкого президента В. Гавела, дядя министра иностранных дел Динстбира...). Журнал пишет, что благодаря популяризации масонства по радио "Свобода" во французские ложи стали приходить письма из Вильнюса, Баку, Киева. В 1991-1992 гг. в России - как подчеркивает журнал: в обстановке "абсолютной секретности" и "тщательного отбора" - были открыты ложи "Северная звезда" (от "Великого Востока Франции"), "Новиков" (от "Великой Ложи Франции", в дни августовского "путча"), ложа "Гармония" (от "Великой Национальной Ложи Франции"). На март 1992 г. запланировано открытие еще одной атеистической ложи - "Свободная Россия" (в ней уже 28 человек), а летом будет отпочкован орден "Великий Восток России". Как заявил в этой связи глава французского "Великого Востока", масонство намерено противодействовать «стремлению церкви осуществить новую евангелизацию» в России (ТАСС, 9.9.91)...

То есть, после победы в "холодной (третьей мировой) войне" - на Востоке в какой-то мере повторяется ситуация после Первой мировой войны. Но, думается, теперь новым правителям-демократам уже не обязательно вступать в ложи, чтобы получать покровительство "сильных мира сего"... Важно - быть послушными и дуть в ту же демократическую дудку. Демократические условия в новых странах сами по себе обеспечат власть той же "денежной аристократии", которая осуществляет власть на Западе, ведь в чьих руках финансы - в тех и основные рычаги влияния.

- А теперь попробуем быть придирчивыми. Если, по-Вашему, ложи не играют прежней политической роли, то к чему тогда масонам эти ложи в России?

- Я не утверждаю, что масонство не играет никакой политической роли. Все-таки оно широко представлено в правящих кругах Запада и, как любая организация, оно стремится расширить свои структуры, освоить новые территории. Думаю, тут тоже проявляется и старая инерция, и традиция. Но я не придаю этим фактам открытия лож в России большого значения. Трудно предположить, что масоны в сегодняшней России смогут привлечь так уж много влиятельных людей "лежать в гробу" (есть у них такой мрачный ритуал). Привлечение российской "элиты" давно идет в нижние этажи мондиалистских структур - прежде всего с помощью денег и создания престижа в мировых средствах информации. На наших глазах это произошло с номенклатурщиками-западниками: Яковлеву не помешало долголетнее руководство пропагандой КПСС, а услужливому "джентльмену" Шеварднадзе простили даже знаменитые пытки в тюрьмах Грузии в 1970-е годы...

Поэтому меня масонство больше интересует не как политическая структура, а как духовное явление. Выступление масонов по радио "Свобода" я привел для иллюстрации именно духовной стороны "американской идеи" - как своего рода самопризнание американской

радиостанции, что США основаны на принципах масонства: это отход от христианского понимания мира.

- Но если взять этот духовный уровень: так ли уж отрицательно относились к масонству видные эмигрантские мыслители? Известно, что некоторые религиозные философы "парижской школы" испытывали к масонству даже своего рода лояльность. В частности, призвавший вас "не отравлять колодцы" сотрудник радио "Свобода" Ю. Мельников, возразил Вам (9.8.91), что у Г. Федотова масоны в одной из статей упоминаются в положительном смысле; он упрекнул Вас в бесцеремонном выдергивании цитат из контекста и в нечестности Ваших ссылок на Федотова в критике Запада...

- В том-то и дело, что при тогдашнем засилье масонства в русской эмиграции откровенность себе позволяли немногие - в числе "не позволявших" был и Федотов. Но в упреке Ю. Мельникова я не вижу логики. Здесь можно выделить три разных стороны проблемы.

Первая: Федотова я цитировал в связи с его удачным образом "вершины горы", к которой прибило эмигрантский "ковчег" и откуда видны "позор" обоих склонов: капитализма и коммунизма. Такую критику Запада у Федотова, как и почти у всех эмигрантских философов, можно найти на каждом шагу. Федотов остро ощущал духовную порочность и несправедливость "капиталистической" цивилизации; поэтому-то он и считал себя "христианским социалистом". Мельников не может этого не знать.

Вторая тема - огромная роль масонства в формировании этого самого западного общества. Об этом я говорил со ссылкой на самих масонов, а не на Федотова. Он этой темы избегал, а приведенное Мельниковым беглое замечание Федотова о русских "просветителях"-масонах XVIII века не имеет отношения к духовному состоянию сегодняшнего Запада. Если тут что и считать "бесцеремонным выдергиванием цитат", то этот аргумент Мельникова. Видимо, ему очень хотелось защитить масонство (может, и по семейным причинам - масоном

был его дед; кстати, случайно или нет, фамилия устроительницы названного радиовыступления масонов - Салказанов - тоже есть в масонском списке Н. Берберовой). Но о масонах трудно говорить из-за табуированности темы, к тому же нужно описать их духовную суть, а это требует совершенно особых категорий...

- А все-таки?..

- Как раз в духовной сути масонства заключается третья и главная сторона проблемы, в которую, видимо, не вникали ни Федотов, ни Мельников.

Во-первых, масоны есть разные. У них образовалось несколько "послушаний" - от религиозных до атеистических. Федотов имел в виду первых (Новиков и т.п.), которые в XVIII "просвещали" Россию, воспитывая декабристов. Февральскую же революцию (о чем я писал) возглавили в основном другие, связанные прежде всего с "Великим Востоком" Франции, который еще в конце XIX в. провозгласил атеизм и "борьбу против всех религий и всех Церквей". Так что если бы новиковское масонство и обладало "достоинствами" - это не имело бы отношения к масонам-"февралистам".

Во-вторых, любое масонство антицерковно: атеистическое - открыто борется против всех христианских Церквей, а "религиозное" - пытается подменить их собой, идя на союз с протестантами и англиканами, но воюя с католиками. Поэтому католическая Церковь уже с 1738 г. объявила масонство своим врагом и под угрозой отлучения запрещает христианам вступать в ложи (в терминологии Мельникова - "отравляет колодцы"). Правда, в последние десятилетия это подчеркивают лишь немногие католические епископы...

- А православные?

- Как это ни удивительно, масонством были затронуты и некоторые православные Церкви: масонские источники упоминают в числе "братьев" греческих и константинопольских иерархов (даже Патриарха), а

также отмечают лояльность к масонству митр. Евлогия (основателя "парижской" эмигрантской юрисдикции, связанной с Константинополем). Русская Зарубежная Церковь, кажется, единственная, которая анафематствует масонов на Торжество Православия.

Но я продолжу: главное в том, что масонство есть явление антихристианское не только в том смысле, что оно политический противник Церкви как организации; оно антихристианское и в своей духовной направленности, поскольку отрицает христианское понимание истории как борьбы добра и зла. Не случайно "верующие" масоны избрали себе в родословную из Ветхого Завета носителей соблазна гордыни и материализма: Каин, строители Вавилонской башни, царь Соломон и строитель его храма Хирам. Последний у них - главная фигура поклонения; масонами создано своеобразное "антиевангелие" об убийстве невинного мастера Хирама; анти - потому что Христос после смерти воскресает, а от Хирама остается лишь разложившийся труп, и в своих ритуалах масоны мстят за его смерть.

Есть в масонстве и ритуалы поклонения главному гордецу-"материалисту" - дьяволу; например, это описывается в вышедшей недавно подборке документов, составленной историком третьей эмиграции Ю. Фельштинским (Николаевский Б. Русские масоны и революция. Москва. 1990, с. 186-189.). Пусть меня Мельников еще раз назовет "отравителем колодцев", но не могу умолчать, что этот ритуал восхваления сатаны происходил в том самом "храме" на рю Пюто (8, rue Puteau, Paris), откуда сейчас несут "масонские структуры" в Россию; именно там находится русская ложа, с которой радио "Свобода" призывает устанавливать контакт...

Впрочем, возможно, об этом Мельников и Салказанова и не подозревают (позже она еще раз повторила ту масонскую радиопередачу). Да и сами масоны-сатанисты в общем-то "не ведают, что творят", ибо считают дьявола лишь "неправильно понятым" людьми борцом за свободу, "поборником человеческого права против

божественной деспотии", "истинным источником света и разума"... (Это все цитаты из упомянутого прославления сатаны на рю Пюто.) В этом все и дело: люди не ведают, что творят, когда от данных им Сыном Божиим заветов отходят к неоязыческой религии разума, впадают в ту же гордыню, что и сатана, воспротивившийся воле Божией, злоупотребивший своей свободой.

Сам ритуал посвящения в масонство - есть символическое прохождение через "смерть" (лежание в "гробу") и посвящение своей души не уточняемой "высшей силе", которая "просвещает" масона своим "светом", производя как бы мутацию души человека (подробнее я писал об этом в московской "Политике" № 16, 1991). В этой связи следует вспомнить, что имя сатаны - Люцифер, "светоносный" (он способен принимать облик "светоносного ангела"); этим "светом" масоны и "просвещали" как себя, так и Европу и Россию - сознательно или бессознательно - уже в новиковские времена...

Эту тему можно проиллюстрировать и множеством сатанинских черт в масонской символике. Так, свою деятельность по созданию "земного рая" масоны аллегорически называют строительством Храма Соломона (а себя - "каменщиками"). С Храмом Соломона связаны все масонские символы. В числе главных - пятиконечная звезда, "печать Соломона", которой он отметил краеугольный камень Храма (быть может, она была принята большевиками непродуманно, но символика духовного родства между масонством и коммунизмом получилась впечатляющая: ведь и коммунисты претендовали на построение похожего "храма" - рая на земле...).

И вот - в святоотеческом учении задолго до возникновения современного масонства сделан логичный вывод, что в восстановленном Храме воссядет не кто иной, как антихрист: "человек греха, сын погибели" (2 Фессал. 2: 3-4). Будет он из колена Данова, с которым связывается недоброе во многих местах Ветхого завета (Быт. 49: 17-18; Иерем. 8: 16) - и именно из этого колена (по матери) происходит масонский Хирам (2 Пар. 2:14)...

Это колено считается носителем зла и в других еврейских источниках (см.: Еврейск. энци. СПб, статья "Дань").

Заодно следует напомнить, почему антихрист придет в еврейском народе ("Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете". - Ин. 5:43). Евреи, не принявшие вселенского Мессию-Христа, все еще ждут своего, национального Мессию-царя, который, по библейскому обетованию, возвысит Израиль над всеми народами. Этим и воспользуется антихрист, который придет именно в таком качестве еврейского царя и будет короткое время править миром на основе той материалистической идеологии, которую предлагал сатана Христу в пустыне (хлеб и зрелища). Причем евреи ждут своего "мессию"-царя из колена Данова со стороны матери (Евр. энци., СПб, Т. II. С. 768)... На этом, историософском уровне, завершается то совпадение свойств, целей и духовной сути еврейства и масонства, о котором я писал (в "Вече" № 42). Только вряд ли они сами осознают подлинный масштаб этого совпадения...

На эти темы трудно говорить с атеистами, поскольку речь идет не о физических доказательствах, а об откровении и об опыте духовной интуиции, накопленном Церковью. Но именно в этих категориях предельно логично объясняется вся драма человеческой истории, религиозной осью которой стала судьба еврейского народа: устами своих пророков он предсказал пришествие Мессии, но отверг его, впад в материалистический соблазн (шовинизм - лишь его разновидность как любовь к плоти своей нации). Евреи не признали небесных ценностей, предложенных Христом, поскольку в их религии не было понятия о бессмертии души, все ценности они видели лишь в земном мире, создав своего рода "религиозный материализм" (иудаизм)... Ведь и Христа они обрекли на распятие, отдав предпочтение "разбойнику", не по злему умыслу, а именно, не ведая, что творят: им нужен был революционный вождь в конкретной борьбе против господства римлян...

Прообраз этого материалистического соблазна дан и в Ветхом Завете: "золотой телец", которому евреи стали поклоняться, уже получив заповеди Моисея. Этим, пожалуй, объясняется и их знаменитое "чутье" к деньгам - этой "крови" материально-экономической жизни человечества; и тот факт, что уже задолго до Христа евреев жило в рассеянии больше, чем в Палестине: они селились вдоль денежных артерий мировой торговли ("денежных силовых линий", как пишет видный современный банкир - Ж. Аттали)...

- Все, что Вы говорите, особенно тема антихриста, кажется, считается христианским истоком антисемитизма...

- Если считается, то неумными людьми. Речь идет не об отношении к евреям, а о судьбе мира. Не вникать в эту проблематику - значит закрывать глаза на смысл истории. Как раз христианин не может ненавидеть евреев, понимая в чем суть еврейского вопроса: им выпало наиболее ярко проявить как достоинства человечества, так и его соблазны. Главный из этих соблазнов - неумение распорядиться своей свободой и понять свое призвание в мире; поэтому сейчас их нужно не ненавидеть, а пожалеть. Масштаб же падения тут соответствует масштабу призвания: еврейство в своей лучшей части предсказало и воплотило Христа, положило начало Церкви, - и оно же Его обрекло на распятие, а в своем христоборчестве воплотит, как бы по оси симметрии, антихриста...

Такое злоупотребление свободой повторялось в Божием творении на всех уровнях: и в падшем ангеле - который, возгордившись, стал сатаной; и в богоизбранном, "осевом" народе истории - который истолковал свою избранность националистически, отверг вселенскость Христа и стал носителем той же материалистической гордыни... Одна из ее разновидностей - социализм, который, как признавал М. Бубер, имеет в этом смысле еврейские корни. И именно поэтому о. Сергей

Булгаков, которого тоже в антисемитизме упрекнуть никак нельзя, писал, что «в состоянии антихристианства и христианоборчества Израиль [имеется в виду еврейство, а не страна. - М.Н.] представляет собой лабораторию всяких духовных пороков, отравляющих мир и в особенности христианское человечество» ("Вестник РХД" № 108-110). В этой схеме масонство - зримая структура втянутости европейской цивилизации в этот материалистический соблазн вокруг еврейской "оси"; как и шире - нынешний космополитический "малый народ" (о котором размышляет Шафаревич), именно поэтому евреи играют в нем столь заметную роль. Еще более широкое русло апостасии, отхода от Бога, складывается из злоупотреблений свободой каждым из нас...

В этой нравственно узаконенной материалистической гордыне и заключается то самое "новое варварство" капиталистической цивилизации, о котором я приводил в своей статье цитату С. Франка и которое Г. Федотов определил как "позор" - оно есть в значительной мере еврейско-масонский продукт. Это цивилизация, которая освобождает в человеке эгоизм и другие греховные склонности - и ими же власть имущие пытаются стабилизировать свою власть. Вектор главных ценностей здесь направлен к природно-животной стороне человека, вниз, на сытость и ублажение физических инстинктов (например, сексуальная революция). Этот гедонистический метод правления гораздо легче, чем движение вверх, воспитание людей к осознанию духовных целей, которые только и делают нас людьми. И тут плоха не сытость сама по себе - "хлеб" необходим! - а то, что эта "стабильность" достигается "хлебом единым" и равнодушием к Истине. Это и есть причина идущей деградации западного общества к "новому варварству". На этот "стабильный" путь они хотят увлечь и Россию. И даже легкомысленно-символически бросаются такими апокалипсическими терминами, как "Конец истории" (нашумевшая теория советолога Фукуямы о том, что после краха коммунизма весь мир

неизбежно присоединится к американской модели общества - окончательной и единой для всех)...

- Наверно, в отмеченной Булгаковым особенности еврейства лежит и ответ на вопрос, почему в антирусских кругах столь часто встречаются люди еврейского происхождения? Вот, например, у нас на радиостанции...

- Их, конечно, принимали на работу не по признаку еврейства, а по их мировоззрению. Но, думаю, подобравшийся персонал вполне отражает эту закономерность. Хотя, разумеется, евреи есть разные. Космополиты-атеисты враждебны православию и национальной России потому, что подлинно христианское общество - неудобная среда для их успеха в творческих профессиях, для влияния их денег и средств информации. Религиозное же еврейство, не приняв вселенского Мессию-Христа, ждет своего мессию-царя и настроено к Христу враждебно как к упразднителю этого обетования. И поскольку русский народ стал носителем христианского мессианизма как следования Мессии-Христу - этот конфликт двух мессианизмов издавна проявляется острее всего в русско-еврейском столкновении (крупнейшее и было в начале XX века). Пожалуй, в практической политике и культуре нам приходится больше сталкиваться не с религиозными евреями-иудеями (мы ведь с ними не общаемся и они нас жить не учат), а с русскоязычными космополитами, которые считают себя вправе решать судьбы России как бы от ее имени.

Однако евреи, следующие своему подлинному христианскому призванию, внесли немалый вклад в русскую культуру. Укажу лишь двух высоко ценимых мною авторов-эмигрантов: С.Л. Франк и архимандрит Константин (Кирилл Зайцев), долголетний редактор "Православной Руси". Таким образом, это столкновение мессианизмов не национальное, а духовное, религиозное. Сводить еврейский вопрос к "крови" и "расе" - как это делают сионист Жаботинский, космополиты с радио "Свобода" или юдофобы-язычники - это значит вообще

не понимать ни еврейскую проблему, ни главной причины антисемитизма. К сожалению, и на нашем патристическом фланге в этом отношении много ненужных эмоций - и мало понимания духовной сути вопроса...

- Но если взять Ваш историософский уровень, то Матусевич в какой-то мере прав, что в основе Вашей критики Радио Свобода лежит антисемитизм - если его понимать в духе столкновения двух мессианизмов. Ведь если главные носители антихристианского материализма - евреи, то любая попытка защитить христианское понимание истории от того толкования, которое предлагает радио "Свобода", будет своего рода "антисемитизмом"... И тогда Матусевич неспроста в одной из передач (октябрь 1990 г.) обвинил не только "Вече", но даже центристский "Посев", что политика РС там освещается с точки зрения "жидомасонского заговора"...

- Мне знакома эта радиопередача. Там речь шла не об историософии. Матусевич - воинствующий атеист и он не раз демонстрировал, что о христианстве не имеет ни малейшего понятия. Кроме того, в слово антисемитизм принято вкладывать именно расистское значение - как ненависть ко всем евреям уже потому, что они евреи. Я не думаю, что это слово к нашей теме вообще применимо.

- ... Имеется в виду, что будучи евреями и приверженцами еврейской (в самом широком смысле) системы ценностей, такие люди интуитивно, подсознательно, воспринимают само христианское мировоззрение как "антисемитизм"...

- Этой "интуиции" у Матусевича хватает только на аргументы об "утробной злобе", которая его же самого слепит; он, бедный, просто ярится в микрофон... Эта передача меня вообще удивила журналистской непрофессиональностью. Вопреки его утверждению, в "Посеве" моих статей именно о РС в последние годы не было, а темы "жидо-масонского заговора" этот журнал всегда избегал. Впрочем, лет двадцать назад там был не очень оригинальный материал, что "Протоколы сионских

мудрецов" - подделка. Но я сейчас не собираюсь вдаваться в эту тему - свою точку зрения на это я уже высказал в упомянутых статьях. Да и тему "анти-семитизма" в связи с РС я затрагивал* в "Вече" № 37 (перепечатано в "Слове" № 10, 1990).

- Как в этой связи оценивать тот факт, что на "Свободе" все-таки есть православная программа ("Не хлебом единым")? Почему она не вступает в конфликт с мировоззрением Матусевича и целями радиостанции?

- А это называется "плюрализм". Думаю, американскому руководству нужен сам факт, что на РС есть и православная программа. Это как бы щит от обвинений в общей антирусской направленности. Правда, еще совсем недавно таких, в той или иной степени православных, программ было три. Но одну закрыли ("Россия христианская, тысячелетие второе"), другая стала преимущественно инославной ("Религия в современном мире"), третью же, похоже, оставили именно для "плюрализма"... Кстати, Матусевич, наверно, и не подозревает, что заглавие ее, "Не хлебом единым" - это ответ Христа дьяволу, соблазнявшему Его "хлебами"...

А ведь это и ответ на один из комментариев Матусевича об орле и курице: сейчас, мол, нужно не восстанавливать российский герб, двуглавого орла, а - накор-

* Правда, теперь считаю уместным расшифровать одну деталь из той публикации: "важный чин радиостанции", который в 1989 г. летал "в третью страну, с извинениями за промашку в освещении политики то ли израильтян, то ли палестинцев" - был директор всего многоязычного радио "Свобода" Уимбуш. Причина: известный мститель Визенталь, получив соответствующий сигнал из Мюнхена, пригрозил тогда Уимбушу испортить репутацию в американской прессе - такова эта "независимая радиостанция, финансируемая Конгрессом США"... О достоверности этой информации предлагаю судить по ее источнику: мне это сообщил ныне покойный сотрудник РС, священник Кирилл Фотиев. - М.Н.

мить людей куриным бульоном... На фоне нашей беседы это звучит символически. Такие "гуманисты" не столько хотят накормить народ - ведь противопоставление искусственно; одно никак не противоречит другому! - сколько хотят курицей заменить орла...

- На радиостанции есть сотрудники, которые с Вами во многом согласны, но идут на компромиссы, чтобы пользоваться радиостанцией для несения своих идей в Россию - в рамках возможного. Считаете ли Вы хотя бы в этом немногом деятельность "Свободы" полезной?

- Мне не хочется никого обижать, но скажу откровенно. Еще недавно такой компромисс был оправдан, ибо других сравнимых средств информации не было, тем более их не было в России. В последние годы ситуация изменилась, и мне кажется, что минусы таких компромиссов стали преобладать над плюсами. Так, независимо от желания "православных" авторов и независимо от реальной пользы, которую они приносят людям в России, - они в то же время невольно помогают маскировать истинную цель радиостанции, которая к этому времени тоже лучше проявилась: ослабить Россию независимо от ее общественного строя. Мне очень жаль, что в данном случае приходится полемизировать с людьми порядочными, но все же трудно понять: как, например, его высокопреосвященство митр. Антоний (Блум) может вещать на волнах РС о заветах Христа - и не протестовать против глумления над православием на тех же волнах (программа "Русская идея" постоянно толкует нам об устарелости православной Церкви). Мне более понятно решение о. Николая Артемова, который прекратил сотрудничество с РС; как и Солженицына - он запретил РС использовать свои книги.

От русской эмиграции именно сейчас как никогда требуется передача в Россию своего знания Запада, откровенное и четкое разделение правды и лжи - для скорейшего осознания российским обществом верных ориентиров, а не для поддержания ложных иллюзий...

- По той же причине и Вы отказались сотрудничать и, кажется, решили добиваться перемен в политике радиовещания. Но не была бы Ваша критика РС эффективнее, если бы Вы затрагивали еврейскую тему деликатнее? Ведь перемен Вы не добились, зато на радиостанции у Вас теперь репутация чуть ли не главного "антисемита"...

- Добиться перемен в любом случае не удалось бы, и администрация США это блистательно подтвердила своим нежеланием обсуждать критику РС. В констатации этого факта можно видеть главный результат всей критики РС последних лет - конечно, не только моей, протестов было много. Этот результат я и суммировал в сборнике "Радио Свобода в борьбе за мир..." (выходит сейчас в Москве); там логично просматривается путь к такому выводу о политике американского радиовещания: она ведется вполне сознательно (а не ошибочно, как все еще кому-то кажется). Очень полезной оказалась статья "Шестая монархия" Шафаревича, а название сборника имеет второй смысл, который раскрывается в самом конце.

В целом же, предвидя такой результат, я не очень надеялся своими статьями переубедить покровителей Матусевича. Главная задача была: объяснять людям в России цели этого радиовещания...

А что касается "неделикатности" в еврейском вопросе - повторю свою принципиальную позицию: в своих статьях я полемизирую с идеями, а не с национальностью их носителей. Не моя вина, что выразителями антирусских взглядов и исполнителями антирусской политики часто оказываются евреи. Это их собственная проблема и проблема радиостанции. Именно из-за того, что они обвиняют меня в антисемитизме, эта тема вообще оказалась принесена в дискуссию о РС. Думаю, умные и порядочные евреи (как это делали М. Агурский и Н. Коржавин) должны протестовать против такой спекуляции еврейским происхождением для достижения своих целей. Причем, называя себя евреями, многие часто не знают об этом элементарных вещей:

так, И. Каневская объясняет радиослушателям, что слово "сионизм" - это "учение евреев о возвращении на гору Синай"; это не оговорка, она дважды повторила это в течении одной радиопередачи и по этому случаю даже рассказала о своей поездке к Синаю ("Аспекты", 26.5.91)... С подобными "евреями", наверно, труднее всего обсуждать эти проблемы, ибо они не знают ни еврейской, ни русской духовной традиции. Речь идет о судьбе мира - а они вам суют свой "утробный антисемитизм"... Хотя бы задумались, что за такой уникальный народ евреи, в отношении которых с древнейших времен существует этот самый антисемитизм...

Вот уже и слово "антисемит" в последние годы в России получило характерное переосмысление: так часто называют тех, кто размахивает этим словом как дубинкой в любой дискуссии и ничего, кроме антисемитизма, не видит.

- В этом Вы правы. На радио приходят письма из России с упреками, что слишком много внимания уделяется антисемитизму. И вот, напр., ответ на это Г.А. Рара: «Но ведь по этому вопросу распространяется такое количество измышлений - и распространяется злобно, а не по одному только неведению, что простите, не могу Вам обещать, что будем посвящать ему меньше внимания» (1/2.2.90). Даже Рар...

- Если уж на то пошло, то я вижу тут другую важную проблему. Упомянутая "неделикатность" ощущается главным образом оттого, что еврейский вопрос сильно табуирован, о нем откровенно говорить "не принято". Нарушение "табу" в основном и называется антисемитизмом (настоящих антисемитов мало). И это - большая психологическая трудность в честном обсуждении этого вопроса. Бикерман, один из авторов известного сборника "Россия и евреи", еще в начале века писал в этой связи об "обязательной для прогрессивно мыслящего человека юдофильской повинности в русском обществе". В принципе, такую повинность можно было бы легко нести по отношению к слабым и ранимым,

проявляя великодушие (какое мы проявляем к детям). Но в данном случае нельзя не видеть, что само возникновение этой повинности - следствие силы, то есть их же господства в средствах информации и вообще в материальной жизни. Их давление в прессе и гуманитарных науках искажает историю, а глобальная информационная сеть становится мощнейшим орудием влияния на действительность. Причем, они "по-орвелловски" убеждены, что "истина" такова, какой *они* ее сотворят своей количественной силой - ведь их жизненные ценности ограничены лишь материальным миром... Повинность такой силе ведет к внутренней несвободе и есть не что иное, как конформизм. А он граничит с предательством важных нравственных принципов. Поэтому я считаю, что честность в обсуждении этой темы - важнее опасности быть обвиненным в антисемитизме.

Конечно, всегда лучше говорить о *своих* грехах, чем о *чужих*, в том числе и в русско-еврейских отношениях. Однако еврейский вопрос - всемирный, и в его обсуждении наша совесть сталкивается с необходимостью справедливого отношения к *третьим* - взять хотя бы израильскую политику на оккупированных территориях. Стремление евреев иметь свое государство оправданно - но не методы, которыми это делается. Трудно понять, почему Израиль, имеющий неограниченную защиту от самой сильной державы мира (и совместно с ней игнорирующий резолюции ООН), считает вправе "защищать себя" еще и стрельбой в палестинских детей... Даже многие евреи чувствуют в этой связи угрызения совести и протестуют. Но демократический "христианский мир" предпочитает молчать, и этот нравственный конформизм не может не тревожить.

- Как Вы оцениваете в этой связи недавнюю отмену резолюции ООН 1975 г., что сионизм - форма расизма?

- Конечно, эта формулировка была неправильной: сионизм есть возвращение евреев на родину предков, и

это движение имело таких достойных представителей, как М. Бубер. Но *узаконенное* расистское отношение к палестинцам в Израиле также несомненно, и его корни, видимо, следует искать в "мессианско"-шовинистических положениях иудаизма и его двойной морали по отношению к евреям и неевреям (я приводил об этом мнения немецких масонов и известных еврейских авторов: "Вече" № 42, с. 141-146). Ведь в Израиле иудаизм - государственная религия, что создает соответствующую атмосферу. Например, во время иракских ракетных атак бесплатные газовые маски выдавались только евреям, но не палестинцам. Этот случай еще из категории безобидных; известны прямые акты геноцида (см., напр., книгу Израиля Шамира "Сосна и олива"), проводившиеся в духе ветхозаветных "войн Яхве"...

Часть еврейства давно пытается избавиться от шовинистической традиции, создали даже реформированный иудаизм. Но вместо поощрения в еврействе традиции Бубера, вместо откровенного обсуждения этой проблемы в той же ООН - "американские посольства во всем мире получили задание" произвести агитацию в пользу отмены резолюции голосованием (сообщение радио "Свобода", 21.12.91). И легко добились своего, в том числе от правительства России. Понятно, почему...

В этой "юдофильской повинности" христианского мира - беспокоит не только утрата наших собственных нравственных критериев. В этом и неуважение к судьбе самого еврейского народа. Ведь, как пишет израильский автор Р. Давид, этот "Заговор молчания губит и гуманные элементы в самом Израиле, усиливает там самые гнусные основы. Мне кажется, что разыгрывается очередной трагический акт еврейской судьбы", - предупреждает он ("Литературная Россия", 21.2.92).

Христианин просто обязан быть откровенным, когда речь идет о справедливости как таковой и о защите ближнего - кто бы он ни был по национальности; национальность здесь вообще отходит на второй план... И уж тем более, когда речь идет о Христе, антихристе,

о смысле истории - это касается судьбы всего человечества, а не только евреев; тут подобная "повинность" становится предательством Истины*.

- Но "что есть Истина?" - задает тут вопрос Парамонов. В одной из передач он иронически заметил, что подобными заявлениями Вы претендуете "говорить с самим Богом"...

- Претензия "говорить с Богом" называется молитвой. К этому стремится каждый верующий человек. Но сейчас речь не об этом. Истина о смысле истории, которую я имею в виду, нам уже дана в предсказаниях библейских пророков, в воплощении и откровении Христа, в опыте Вселенских соборов и святых отцов - то есть в Церкви. Некоторые отказываются это видеть по ожесточенности (талмудисты подвергли цензуре даже своих ветхозаветных пророков). Другие не видят по духовной незрячести. Парамонов же, по-моему, видит, но по каким-то причинам все больше противостоит этой Истине, утверждая, что Истины нет, и возводя это отрицание в ранг новой "истины" (хотя оно тоже логически недоказуемо и представляет собой лишь иную веру - называть ли ее "плюрализмом" или "благотворным скепсисом"). О характере его причин можно лишь догадываться по окраске аргументации: в ней явное пристрастие к патологии. Тут и апология сексуальной распущенности как протеста против "репрессивной культуры", гомосексуализма - как полезного эстетического опыта для художника. С другой стороны - православное почвенничество он сравнивает с "влечением к инцесту", с "садомазохизмом" и бегством в "анальную форму сек-

* Это касается и так называемой "теологии после Освенцима", которая затушевывает бесовскую и антихристианскую сущность гитлеризма, соглашается связывать его преступления с христианской трактовкой еврейского вопроса, не различает духовный и национальный уровни проблемы. В этом можно видеть возведение упомянутой "повинности" на религиозно-догматическую ступень. - М.Н.

суальности" (18.3.91)... Можно ли на РС такое высказать относительно любого другого национального самосознания? Даже цитировать эту грязь неприятно, он же ее вещает с восторженным придыханием... Почему-то этого умного человека все больше тянет на кощунство - и здесь можно провести параллель, что бесы ведь тоже неглупы и уж они точно знают, что Бог есть и есть Его Истина; так вот они "веруют и трепещут" от злобы к этой Истине... Думаю, и Парамонов "ведает, что творит": выполняя заказ, он пустился во все тяжкие и в своей безжалостности к России находит какое-то странное наслаждение...

После "путча" он радостно заявил, что это событие стало и крахом "русской идеи" (31.8.91, 20.9.91). Тогда ему было бы логично закрыть свою программу. Или же честно переименовать в "антирусскую". Ибо русская идея - это стремление воплотить христианские ценности на общенациональном уровне, следовать Истине, открытой человечеству Христом. Россия хранила это самосознание тысячу лет - и только оно делает из нашей страны Россию. Подчеркну: именно христианская историософия - исходная точка моего интереса к еврейской теме, а не положение на радио "Свобода". И в сравнении с этим уровнем проблемы - меня не волнует, когда такие "антисемиты" называют меня антисемитом.

- Если позволите, замечу, что против Вас есть обвинения и серьезнее. В связи с Конгрессом соотечественников В. Войнович заявил по радио "Свобода" (и в тот же день это появилось в "Московских новостях", 4.8.91), что в числе эмигрантов, упомянутых в "Литературной России" как желательных участников Конгресса, есть один "фашист" и один "бывший советский шпион, служивший сначала в ГРУ, потом в НТС, а теперь неизвестно где". Для эмиграции последний намек более чем прозрачный: ведь именно против Вас в годы Вашей работы в "Посеве" была определенными кругами поднята такая кампания, и даже была издана соответствующая книга... В последнее время на радиостанции эта тема реанимирована...

- Это еще одна наглядная иллюстрация их методов полемики: когда нечего возразить по сути. Под "фашизмом" тут имеется в виду редактор "Вече" О. Красовский; его в те же дни подобным образом клеймили Матусевич и Салказанова в самых разных контекстах. Все они спекулируют на отсутствии у слушателей в СССР объективной информации о Власовском движении, а может и сами не заполнили пробелов в советском образовании. Или здесь все та же самая "интуиция"...

А что касается "шпиона", то эта кампания велась в 1980-е годы не столько против меня лично, сколько против НТС. Выехавшие на Запад диссиденты видели в этой организации своего конкурента и надеялись перехватить средства, выделявшиеся тогда американцами на работу НТС. Я был лишь удобной точкой приложения сил для дискредитации организации - как новый человек в редакции "Посева", причем человек столь нелюбезных им "правых" взглядов; доказательством, что я "агент", было: "религиозными статьями Назаров ослабляет политическую остроту журнала"...

Когда клевету подхватила пресса - дело было передано в немецкий суд, он признал обвинения против меня порочащими, а за книгу ее автору пришлось отсидеть в тюрьме (символические 10 дней - большего я предпринимать не стал; как-никак он сам себе испортил этим жизнь, став марионеткой в чужих руках; надеюсь, сейчас он это понимает). Кстати, выходные данные книги - фальшивые: какое-то несуществующее нью-йоркское издательство; то есть издатели вполне отдавали себе отчет в том, что делают нечестное дело... Возможно, не обошлось в этой истории и без КГБ - надеюсь, это прояснится, когда Лубянка откроет свои архивы...

То, что Радио Свобода прибегает к тем же методам полемики - меня не удивляет. Ответить ведь действительно - нечего. *Ни на одну приведенную мною цитату из радиопередач - а там вопиющие нарушения Профессионального кодекса РС!* - никто не ответил. То есть, ответ один: "утробная злоба", "антисемитизм"... Впрочем, был и

другой: после моей первой публикации о РС в "Литературной России" ко мне пришла немецкая "госбезопасность" - проверять донос, какие такие контакты я "установил с советскими властями" (от этого также зависело продление моего политического убежища на очередные два года). Недоразумение сразу выяснилось, но такие "аргументы" весьма показательны. Думаю, от моих оппонентов можно ожидать еще и не того.

- Почему бы Вам и редактору "Вече" не подать в суд на автора этой радиопередачи?

- На Войновича? Но ведь он имен не назвал. Конечно, я бы предложил ему назвать публично имя этого "шпиона" - чтобы немецкий суд решил: или я был "шпион", или Войнович - клеветник. Если он отвечает за свои слова - ему нечего бояться. Если же он этого не сделает - он еще вдобавок и трус*. А поскольку в самый разгар той "шпионской" кампании он именно со мной вел переговоры о своей автобиографической публикации в "Посеве" - он к тому же, выходит, еще и лицемер. Пусть сам выберет себе подходящее определение.

Впрочем, они не противоречат друг другу, и вряд ли стоит подавать в суд лишь для того, чтобы уточнить, какое ему больше подходит. Думаю, поэтому и Красовский (как и в случае с подобным обвинением К. Любарского) не стал уточнять в суде, какие качества здесь проявили те же обвинители. Ведь и он уже года два назад судебным решением прищемил язык одному такому "антисемиту". Одного раза, для принципа, достаточно. Невозможно же тратить на них время без конца. Пора и нам с Вами закончить эту беседу.

* Думаю, он предпочтет именно это качество, поскольку вовсе его не стыдится: так, он не осмелился полемизировать со взглядами Солженицына, а изобразил его в недостойно-карикатурном виде в каком-то памфлете - и потом в одном из интервью утверждал, что имел в виду вовсе не его. - М.Н.

Радио Свобода в борьбе за мир...

Сборник полемических статей
Составитель М.В. Назаров

"Мы не нейтральная, а именно политическая организация",
- признает один из руководителей радиостанции "Свобода".
Теперь она нужна Америке "более, чем когда-либо", -
утверждает президент США. В этой связи встанут вопросы:

Каковы политические цели радио "Свобода"?
Почему множится критика русской эмиграции
в адрес этой радиостанции?

Почему администрация США, финансирующая
"Свободу", делает вид, что этой критики нет?

Связана ли со всем этим - и как - проблема
антисемитизма?

Нужно ли России радио "Свобода"?

Эти и другие вопросы обсуждаются в данном сборнике
известными авторами из России и эмиграции. Приведены
мнения А. Солженицына, И. Шафаревича, Б. Ельцина, В.
Максимова и других известных деятелей, а также офи-
циальные документы США. Сборник снабжен именным
указателем. Москва. 1992. 128 с.

Цена (включая пересылку обычной почтой):
22,- нем. марки или 14,- ам. долларов

Заказывать через книготорговлю "Нейманис" (Мюнхен)
или по адресу:

M. Nazarov, Krokusstr. 18, D-8031 Maisach, Germany.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

В. Завалишин

Памяти В.Д. Самарина

Всякий раз, на склоне лет, когда я посещаю православное кладбище, я испытываю горечь и страх.

Совсем недавно, в холодную ветреную погоду, меня привезли на кладбище в Ново-Дивеево. Это было, когда русская эмиграция, особенно вторая волна ее, понесла большую и непоправимую утрату. Скончался Владимир Дмитриевич Самарин*, общественный деятель, журналист, писатель. Опытный преподаватель русского языка и литературы, он был многолетним профессором Йельского университета. Пока его оттуда не уволили, не дав возможности дотянуть до полной пенсии (неполную - он все же получил).

А уволили его из-за того, что он стал жертвой ложного доноса стукачей КГБ. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности обвинила Владимира Дмитриевича в тесном сотрудничестве с нацистскими оккупантами, в частности - в активном соучастии в антисемитской пропаганде геббельсовцев.

В городе Хартфорде состоялся суд, который нельзя охарактеризовать иначе, как позорный, как бесцеремонное попирательство Американской конституции. Несмотря на то, что в защиту Владимира Дмитриевича выступил Конгресс Русских Американцев, что для защиты неповинного человека был объявлен сбор пожертвований, профессора Самарина лишили американского гражданства (у него долгие годы был сертификат натура-

* Родился в 1913 г. Умер в ночь с 18 на 19 января 1992 г.
- Ред.

лизованного американца) и приговорили к принудительной депортации в Советский Союз.

Какая чудовищная несправедливость!

Я помню покойного с 1944 года и у меня осталось представление о Владимире Дмитриевиче как о стойком, выдержанном русском патриоте. Я, как и многие представители второй эмиграции, сразу же по окончании Второй мировой войны жил под страхом принудительной выдачи в Советский Союз. Владимир Дмитриевич не раз выступал против принудительных выдач нашего брата.

Мы оба десятилетиями сотрудничали в "Новом русском слове". Самарина очень ценили основатель и многолетний редактор этой русской ежедневной газеты Марк Ефимович Вайнбаум и его заместитель Александр Абрамович Поляков. Печатал его и Андрей Седых, сменивший Вайнбаума на посту главного редактора.

Но вот Андрей Седых стал все чаще и чаще болеть. Сказался старческий склероз. Руководство газеты взял в свои руки некий Борис Маркович Бочштейн. Он невзлюбил Самарина, да и не только его. Бочштейн задался целью устранить из "Нового русского слова", под любыми предлогами, всех представителей второй эмиграции. Бочштейну не было никакого дела до преемственной связи с прошлым.

Еще задолго до так называемого суда над Самариным (практически это был не суд, а судилище) Бочштейна навестили сотрудник нью-йоркского "Таймса" в компании с представителем комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (чтобы никому не было скучно).

Американский журналист не проявил знания дела, на что я, которого случайно пригласили на собеседование, указал ему в корректной форме. Представитель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности задал Бочштейну вопрос, считает ли заместитель главного редактора ежедневной русской газеты возможным принимать и впредь к публикации статьи и

очерки Владимира Дмитриевича. Бочштейн ответил, что пока он отвечает за "Новое русское слово" - он не пропустит в печать ни одной строчки Самарина.

Тут я не выдержал и сказал:

- Борис Маркович, Вас оправдывает лишь то, что Вы совсем недавно из Советского Союза. Вы совсем не знаете американской журналистской этики, так позвольте ж упрекнуть Вас в том, что в данном случае Вы ведете себя не как редактор, а как придирчивый советский цензор, не сведущий к тому же в самом существе дела. Вы по сути дела встали на сторону обвинения, не ознакомившись с аргументами защиты, а в Америке это не принято...

Совсем по иному отнеслись к делу Самарина сан-францисская газета "Русская жизнь" с ее главным редактором А.И. Делианич, а также общественно-политический журнал "Посев". Когда я позвонил в "Русскую жизнь" и вкратце изложил А.И. Делианич свою беседу с Бочштейном, она оказалась в полном курсе дела, так что мое доброжелательное вмешательство в данном случае большой роли не играло.

- Не беспокойтесь, - сказала мне Делианич, - я уже пригласила Владимира Дмитриевича в Сан-Франциско и распорядилась, чтобы ему поставили стол как постоянному сотруднику "Русской жизни", таким он и останется у нас независимо от решения суда. (Так что, скорбя о смерти Владимира Дмитриевича, мы скорбим и о кончине одного из лучших, многолетних сотрудников нашей газеты "Русская жизнь".)

Журнал "Посев" также выступил в защиту Самарина, указав, что обвинения, ему предъявленные, не состоятельные и с юридической точки зрения не подкреплены весомыми документальными материалами.

В чем же обвиняли Самарина? Оказывается, во время войны он стал корректором русскоязычной газеты, контролируемой оккупационными властями. Само собой разумеется, что газета, зависящая от нацистской цен-

зуры, не могла не быть прогитлеровской. Но корректор еще не редактор и тем более не цензор...

Когда было оглашено решение суда о депортации Владимира Дмитриевича в Советский Союз, в Йельском университете недруги осужденного хотели устроить что-то вроде митинга. Митинг практически не состоялся, потому что большинство студентов, на которых рассчитывали устроители, оказалось дружелюбно расположенным к своему долголетнему преподавателю русского языка и литературы. А так как большинство учеников и учениц Владимира Дмитриевича в Йельском университете было еврейского происхождения, то и досужие сплетни о его юдофобстве не соответствовали действительности.

Чиновники, в обязанности которых вменялось приведение приговора в исполнение, к счастью, Самарина не нашли. Он, слава Богу, успел скрыться. Куда? Точно не знаю. По слухам, его видели то в Австрии, то в Канаде, то в Чили. Тяжело больной, зная, что дни его сочтены, Владимир Дмитриевич с мучительными усилиями добрался до своего домика в Коннектикуте, где его ждали настрадавшиеся жена, дочь с мужем и внучка...

В последний путь прах покойного проводил о. Андрей Семянко. На похоронах присутствовали о. Александр Киселев, о. Мойсей Тарасевич, о. Митрофан Зноско-Боровский и другие священники. Владимир Дмитриевич был глубоко верующим человеком, сыном и внуком православных священников.

На похоронах присутствовали также Заруцкий, председатель общества "Отрада", члены партии солидаристов, к которой Самарин принадлежал долгие годы, сотрудники журналов "Посев" и "Грани", к которым в свое время Владимир Дмитриевич имел непосредственное отношение, а также преподаватели русской истории, русского языка и литературы, ученики усопшего.

В общем, народу было не так много, могло бы быть гораздо больше. Многие соратники и доброжелатели

Владимира Дмитриевича переселились в лучший мир еще до него. Многие теперь стали соседями по могилам. Я приехал на кладбище в Ново-Дивеево часа за полтора до похорон. Обходя кладбище, встретил могилы, где покоятся до пятидесяти общих знакомых, Самарина и моих... Они опередили Володю, а я их пережил с тем, чтобы заказать общую панихиду по ним.

О Самарине, еще когда он был жив, у меня был разговор с теми русскими и американцами, которые работают над историей иммиграции в Америку людей разных национальностей и вероисповеданий. Меня просили составить перечень тех, которые достойны быть упомянуты в истории иммиграции в Соединенные Штаты. Составляя такой перечень со многими именами, я не забыл и Владимира Дмитриевича Самарина.

Я убежден и писал об этом, что частный вклад Самарина в историю эмиграции не столь уж и малый. Стоит заметить, что среди прочего, ему принадлежит и описание встречи с большим и своеобразным русско-польским писателем еврейского происхождения Юрием Марголиным (он автор книги "Путешествие в страну Зэка"). Мимо выполненного Самариним описания этой встречи пройти никто не может, тем более, что в Израиле, в Польше и в Советском Союзе скорбят о скудости сведений о нем. Перу Самарина принадлежит также отчет о выступлении покинувшего Советский Союз крупного литературного критика Аркадия Белинкова, ныне покойного.

Какая неблагодарность судей, уверовавших в показания КГБ!

Но Самарин еще и писатель, его документальная повесть "Крепкие звенья" заслуживает того, чтобы быть упомянутой в истории русской зарубежной литературы.

Цветы в могилу Самарина из рук провожавших его в последний путь - знак того, что вторая эмиграция будет всегда чтить светлую память Владимира Дмитриевича.

Благотворительный Фонд имени Е.В. Великой Княгини Ольги Александровны

Воззвание

Дорогие русские люди!

Экономический хаос, царящий сейчас в России, несмотря на помощь западных стран, продолжает угрожать голодом и другими бедствиями наиболее нуждающимся слоям населения.

Это в первую очередь - дети в сиротских приютах и больницах, инвалиды и престарелые - "не зарабатывающее" население России; люди, содержание которых зависит от мизерных государственных субсидий. Нарастающая инфляция обрекает их на голодное, нищенское существование.

Необходима немедленная и обширная помощь именно этой категории населения России.

С этой целью, в ноябре 1991 г. в городе Торонто (Канада) был создан Благотворительный Фонд имени Е.В. Великой Княгини Ольги Александровны - Программа Помощи России. Тихон Николаевич Куликовский-Романов, старший сын покойной Великой Княгини, является почетным возглавителем Фонда. Фонд зарегистрирован в Налоговом министерстве Канады и освобожден от уплаты подоходного налога. В декабре 1991 г. Фонд открыл свое первое официальное представительство в Санкт-Петербурге.

Фонд обращается с горячим призывом ко всем русским и не русским людям: помогите нам улучшить питание и условия жизни нуждающимся и голодным детям-сиротам, инвалидам и престарелым в России. От вашей жертвенности зависит успех нашей работы на благо России.

*Т.Н. Куликовский-Романов
Почетный председатель Фонда*

Пожертвования просим посылать по нижеуказанному адресу.

Чеки надписывайте: Grand Duchess Olga Memorial Fund.

P.O.Box 39265, 235 Dixon Rd., Etobicoke, Ontario, Canada M9P 2M5

Telephon/Fax: (416) 248-5231

Сохранить наши силы: надежда на молодежь

...То, что произошло и происходит в нашей стране, трудно не назвать победой заговора против России. И если для Вас и для нас это ясно и прозрачно, то этого нельзя сказать о большей части нашего населения - оно до сих пор пребывает в нелепых иллюзиях и заблуждениях. Поэтому нет более важной задачи, чем развеивать эти заблуждения.

Для этого есть разные способы, все с разной эффективностью, мы же выбрали способ воздействия через печатное слово. Согласен, что путь этот медленный, результат будет не сиюминутным, однако, как показывает мой многолетний опыт работы в патриотическом движении, создание различных организаций, союзов и т.д., их объединение и прочие политические игры до сих пор ни к чему путному не приводили. Враг сейчас намного сильнее и дальновиднее нас - он успевает, используя полный контроль над средствами массовой информации, очернить и измазать грязью любое патриотическое начинание еще до того, как оно успеет себя проявить. Поэтому все трепыхания в этом направлении, как ни парадоксально, приводят лишь к нежелательным последствиям. Так было с "Памятью", так происходит и с ее последователями.

Сейчас важнее сохранить наши силы, вывести их из-под сокрушительного удара, взрастить ряды новых бойцов, разработать и отшлифовать нашу идейную позицию, сделать ее легко понятной и усвояемой широкими массами (здесь уместно вспомнить простоту и лаконичность лозунгов, приведших к победе в 17-м году большевиков и в 91-м году демократов). Но не

поступиться при этом основными принципами, разработать единую тактику действия и координировать ее выполнение, непрерывно анализировать обстановку в стране и мире - а она имеет свойство меняться, и иногда непроизвольно - в нашу сторону; дожидаться удобного момента - и раздавить гидру, поразить копьем змея.

Храни Вас Господы!

Раб Божий Дмитрий
Новосибирская область

*

Спасибо за 44-й номер "Вече". Весь он состоит из статей, правильно отражающих то пессимистическое настроение, которое охватывает русского человека, знакомящегося с ситуацией в России. Никаких просветов! Бедная Россия! Августовский путч, конечно, был подстроен и запрограммирован для того, чтобы "демократы" захватили власть и монополизировали ее.

Я слушаю московское радио регулярно, ибо хочется знать новости из России. Но очень часто бывает противно слушать. Дикторы читать не умеют, спотыкаются на каждом слове, слышен нерусский акцент. Комментарии все антирусские. Всех, кто позволит себе хоть слово в защиту патриотов - изгоняют. Так, например, выгнали грузина, который долго работал на радио "Россия". А программы ужасные: рок-музыка, биографии рок-артистов и т.п. - и повторяются без конца.

Не нравится мне и посылка войск ООН (читай: американских) в Югославию, да еще с такой резолюцией: "в случае отказа югославских властей сотрудничать с ООН - заставить их силой"! Новая Корея? Только на этот раз без противовеса. И возникает вопрос: имея такие неограниченные возможности, к чему на самом деле будут стремиться войска ООН?..

Ю.В. США, февраль 1992 г.

*

Хочу написать о последнем "Вече". Очень хорош, в общем, но непробиваемо трагичен. Эта стена трагичности во многих статьях. А там, где пытается пробиться оптимизм - "шкура неубитого медведя". Довольно поверхностные рассуждения о гипотетической "самой новой" эмиграции, в которой художники всех видов могли бы снова прославить культуру России (эта тема в статье "Русские идут" В. Антонова) и, заработав на особняк - вернулись бы в Россию... Ибо поставленный перед выбором русский человек "без колебаний выберет как более достойную и осмысленную" - жизнь в России... Многие можно возразить автору, начиная с основополагающей классификации - "русский человек"...

Так же и о статье И. Демина "Духовные искания в современной России" - об "общей устремленности Народного Духа"... Когда именно здесь - главная утечка озона и прорыв в Ничто... Рассуждения о "переносе мировых культурно-цивилизированных реалий к нам" и об их адаптации - это опять о том, чего нет на свете. Правда, автор дальше убедительно говорит об "эпидемии морального самоубийства целой нации", но все это нечетко. Как и рассуждения о том, "чья концепция будет принята обществом"... *Каким* обществом? Его - нет. А вот "безликого юродства" - сколько угодно, причем - управляемого, из темных углов. Статьи эти вызывают чувство неудовлетворенности.

В противоположность им, очень хороши статьи Аксючица, Кустодиева и Богданова.

Но самое обнаженное и страшное - это публикация о "Законе о поработенных нациях"!.. Хорошо, что Вы его включили. Я вижу так, что смысл происходящих событий - вовсе не в их локально обусловленных проявлениях, все это - происходит с совершенным "дистанционным управлением" (пятая колонна). Как и вообще все, что случилось в последние 6-7 лет. Все это было бы совершенно невозможным без тщательно разработанного (дьявольски умного) сценария и руководства

событиями. Никакому Ленину и никакому Сталину и не снились такие спектакли "самодеятельности" - без потерь!

Несоизмеримость ни с чем этого национального унижения - в полном смысле убийственна. Прямо жаль, что пришлось дожить, чтобы воочию увидеть... Веселые евреи празднуют религиозные праздники в Кремле! Иные - "делают деньги", но все довольны, наконец... А Украина предлагает от своих щедрот лучшие земли Крыма немецким переселенцам...

Я удивляюсь вообще, как Вы смогли собрать этот номер на развалинах.

PS. В моем отчаянии пришло некоторое утешение. Убежденность, что никакой любви к необъятному и абстрактному "народу" - в повседневной жизненной практике ничем подкрепить нельзя. А только - реальным столкновением с представителями этого народа, с отдельными людьми, несущими в себе то, что ты в нем ищешь. И вот, совершенно случайно, судьба подбросила мне несколько таких "отдельных" - сибиряки и москвичи, разного возраста, но особенно радует молодежь, московские студенты. Иные из них таковы, что и себе в сыновья (или теперь уже - во внуки) лучшего нельзя пожелать. И как хочется, чтобы для них, для таких, жизнь продолжалась...

В.В. Германия, 1992 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
Germany

Кому краснеть за Жириновского?

В последнее время мировая пресса много пишет о "русском шовинисте" Жириновском, который хочет завалить "непослушную" Прибалтику радиоактивными отходами, силой восстановить "русскую империю" и чуть ли не провести показательные еврейские погромы. В этой связи хочется довести до Вашего сведения и до сведения читателей то, что пишет выходящая в Москве "Еврейская газета" (№ 18, 21 октября 1991 г.). В редакционной заметке там говорится:

«За последнее время г-н Жириновский все чаще стал высказывать свои замечания в адрес евреев...

Наш парламентский корреспондент встретился с ним во время внеочередного съезда Верховного Совета, где г-н Жириновский пытался внести новый рекорд в книгу Гиннеса, ежедневно веселя скучающих депутатов, журналистов и обслугу Дворца по 7 часов в день без перерыва на обед... Единственный вопрос, от которого увернулся Жириновский, и ответ на который было бы небезинтересно услышать: какова была роль "не еврея" Жириновского в создании того первого "Шолома", за которым стоял Антисионистский комитет и другие не менее заинтересованные организации? Его присутствие на начальном этапе было настолько запоминающимся, что своими соображениями на эту тему готовы сегодня поделиться немало живых свидетелей. Их воспоминаниями мы надеемся в дальнейшем воспользоваться. У многих, г-н Жириновский, папа из Польши, но не все скрывают его происхождение. В данном случае мы просим вас - продолжайте скрывать это, не повышайте процент тех, за кого нам приходится краснеть»...

Но не довольно ли продолжать пугать мир этим "русским фашистом"? Быть может, стоит разобраться и в том, какие это "заинтересованные организации" его на эту должность выдвинули?

П.М., февраль 1992 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

О. Красовский

**ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ –
НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ**

Воспоминания

1992

Откуда есть пошли русские "ди-пи"? *

Рассказываю в своих воспоминаниях подробно о мелочах и деталях прожитого, ибо считаю, что порой понимание большого приходит через знание малого. Однако, стремясь поведать как можно больше о всем познанном на длинном жизненном пути, исключаю из повествования подробности, касающиеся интимной стороны моей жизни. Имена людей, с которыми общался, называю лишь при абсолютной уверенности, что это им повредить не может.

О.К.

...Заночевали мы вблизи города Шверина на хуторе, окруженном беженскими повозками. Пожилая крестьянка налила нам в котелки парного молока, сунула в руки по паре вареных яиц и попросила, чтобы не курили на сеновале, где собирались провести ночь. Перед тем, как заснуть, вновь обсудили обстановку. Судя по отрывочным сведениям, подхваченным из коротких бесед со случайными попутчиками в беженском потоке, в Берлине бушуют ожесточенные бои. Следует думать, что в ближайшие дни германскую столицу возьмут советские войска и войне конец. Значит, того и гляди и сюда подойдут переправившиеся через Одер советские части. Где же союзники? Неужели застряли перед Эльбой?

Для нас это был вопрос жизни и смерти. Михаил посветил фонариком на карту. До Эльбы оставалось еще километров шестьдесят проселочных дорог. Решили отправляться в путь с рассветом, чтобы добраться до

* Из готовящейся к печати автобиографической книги "Жизнь прожить - не поле перейти". Журнальный вариант.

реки, а там будь, что будет. Засыпал с мыслью, что спасения нет. В мгновения перехода ко сну еще раз утвердил себя в решении застрелиться, если сложится безвыходная ситуация...

Проснувшись, когда стали прозрачными щели в дощатых стенах сеновала. Слышались людские голоса, конское ржание и другие звуки просыпавшегося беженского лагеря, образовавшегося с вечера вокруг хутора. Приведя в походное состояние велосипеда, жуя на ходу по куску хлеба, пробрались между повозок, тачек, лошадей, там и тут спавших на земле людей, к пустынному шоссе. Проехав минут десять, услышали из-за леса, окружавшего дорогу, гул моторов и металлический лязг. Явно нам навстречу шла танковая колонна. Бросились в густой придорожный ельник. Продравшись сквозь колючие ветви на двадцать-тридцать шагов от дорожного кювета, залегли. Гул моторов перерос в грохот, и вскоре мы увидели серые боевые машины, довольно быстро двигавшиеся в направлении, откуда мы только что прибыли. Нижние ветви молодых елочек опускались почти к земле, мешали хорошо разглядеть мелькавшие корпуса танков.

- Чьи это? - тревожно спросил Михаил. И сразу же радостно воскликнул: Американцы! Американцы! - На танках были белые звезды.

Выбросив вперед руку, он хотел вскочить на ноги. Я придержал его, хотя у самого облегченно забилося сердце от мелькнувшей мысли: значит, спасены! В этот момент не было в сознании места для понимания, что если спасены от немедленной жестокой расправы, то до окончательного спасения еще очень далеко...

Мимо прогрохотало с полсотни танков. На некоторых из них люки башен были открыты. В них, в кожаных шлемах, головы танкистов. Вслед за танками двигалось несколько джипов. В каждом, помимо водителя, по солдату. Оба в зеленых бушлатах, с касками на головах, форма которых окончательно убедила, что перед нами американцы, и мы оба - Михаил и я - как

бы принимали парад американских вооруженных сил, едущих по вражеской территории без единого выстрела.

Минут через десять шоссе опустело. Постепенно стихли и лязг металла о камень, и грохот моторов удаляющейся военной техники. Нарушенная лесная утренняя тишина вновь наполнилась птичьим пересвистом...

Настал час запланированного перевоплощения из военнослужащих РОА - в гражданских лиц без роду и племени. Выбравшись из ельника в лес, обнаружив там веселый прозрачный ручеек и убедившись, что врасплох нас здесь никто захватить не сможет, достали припасенную уже в конце марта штатскую одежду. Шинель, мундир, шаровары, фуражку каждый скрутил в небольшой сверток, стянул его ремнем. Свертки положили к подножью мощного дерева и присыпали их прошлогодней листвой. Взглянув друг на друга, засмеялись. Михаил промышчал невесело:

- "Теперь я турок, не казак..."

Как быть с документами, главное же - с фотографиями? Перекурили, поразмышляли и решили, как ни больно - уничтожить все, что может разрушить легенду, которую предстояло придумывать для спасения жизни. На маленьком костре жгли офицерские удостоверения РОА, маршевые документы. Коробились трудногорящие, слизываемые синеватыми язычками огня фотографии. Михаил оставил в бумажнике пару сохранившихся еще домашних снимков жены и маленькой дочурки вместе с какими-то бумажонками из плена, а же оставил студенческий билет и пропуск в институт, сослужившие нам в скором времени большую службу. Пепел от костра сбросили в помутневший ручеек и осталось при нас от недавнего прошлого только то, что сохранялось в памяти каждого.

Что же делать с оружием? Вновь судили-рядили. Поначалу намеревались пистолеты оставить, а кобуры выбросить. Взвесив все за и против, от мысли этой от-

казались. Разобрали свои "Вальтеры" и разбросали по лесу их части, вместе с патронами.

Теперь все было готово к выходу на авансцену новой жизни, хотя выглядели мы в наших помятых штатских одеждах весьма неуклюже, даже подозрительно. Приблизившись к опушке леса, откуда проглядывалось шоссе, обнаружили довольно оживленное движение на нем. На запад двигались запряженные лошадьми повозки и фургоны беженцев. В противоположную сторону изредка проезжали, порой группками по два, по три, велосипедисты, по всей видимости - иностранцы, работавшие в близлежащих селах у крестьян. Они явно стремились в Шверин, куда ушли американские авангардные подразделения.

Выйдя на шоссе, мы поехали на наших велосипедах по обочине, перегоняя медленно текущий поток беженцев. Вскоре увидели несколько американских джипов, мчавшихся к Шверину. Солдаты в джипах не обращали внимания на беженцев, заботливо направляющих свои повозки поближе к кювету. В первой попавшейся на нашем пути деревушке заметили, что на каждом доме висел белый флаг, на некоторых - два и больше. Что было сил жали на педали, жевали на ходу остатки черствого хлеба. В полдень остановились передохнуть в придорожном поселке, где удалось получить по кружке горячего ромашкового чая и узнать новости от старика, стоявшего у калитки своего сада и наблюдавшего за происходящим вокруг. Он сообщил, что "фюрер погиб геройски" на баррикадах в Берлине, что правительство страны и армию возглавил адмирал Дениц, что, слава Богу, война кончается...

После следующего короткого привала, уже в предвечерний час, с небольшой возвышенности, куда поднималось шоссе, мы увидели серую ленту реки. Это была Эльба, выглядевшая с трех-четырекилометрового расстояния значительно уже, нежели я предполагал. Остановившись и окинув взглядом лежащий перед нами речной берег, мы буквально остолбенели. Обозримое

пространство берега было уставлено бесчисленными повозками и фургонами, среди которых, то тут, то там, вырисовывались кузова газогенераторных грузовых автомашин. Кое-где выделялись серые, зеленые, белые палатки. Над скоплением повозок, лошадей, людей к небу поднимались сизые дымки от множества костров. Было ясно - здесь скопилась часть беженцев из Восточной Пруссии, Померании, Польши, что в последние недели и дни запрудили дороги провинции Мекленбург, устремляясь на запад, чтобы не попасть в руки разъяренных "Иванов". Увиденное нами означало, что дальше на запад, то есть на западный берег Эльбы, путь закрыт. В том, что это так, мы вскоре окончательно убедились.

С большим трудом пробравшись к речному берегу, увидели, что в том месте, где на карте значилась паромная переправа, был наведен понтонный мост. Предмостье на берегу Эльбы, где мы находились, было огорожено забором из колючей проволоки в несколько рядов. С обеих сторон забора прогуливались американские часовые с автоматами. Через проездное пространство в заборе, охраняемое группой часовых, пропускались лишь военные автомашины.

Прежде чем размышлять о том, что делать, мы занялись поиском ночлега. Идя вдоль берега Эльбы, натолкнулись на небольшой деревянный сарай, предназначенный, видимо, для хранения лодок зимой. Сарай был кем-то занят, но мы осторожно приоткрыли дверь. Навстречу, из сарайной полутьмы, выступил мрачного и грозного вида, хоть и низкорослый, парень в полу пальто с богатым меховым воротником.

- Пошли вон! - прохрипел он по-немецки с четким славянским акцентом.

- Тише, дядя, - сказал я по-русски. - Ты ведь тоже хочешь жить!

По-русски он понимал.

Нас было двое, он - один и, на наше счастье он струсил. Поэтому через пару минут разговор принял

довольно мирный характер, хотя парень продолжал стоять между створкой двери и стеной, преграждая нам вход. После того, как мы серьезно заявили, что вернемся сюда с друзьями, не любящими шутить, парень взмолился и выразил готовность впустить нас на ночевку при условии, что мы будем вести себя мирно. Войдя в сарай, поразились увиденному. Внутри стоял легковой автомобиль "Опель-П-4", рядом с ним закутанная в цветастый платок маленькая женщина, указав на которую, парень сказал:

- Жена.

Посветив фонариком, обнаружили, что примерно в двух метрах от пола вдоль стен были прикреплены толстые доски вроде нар, на которые, вероятно, на зиму ставились лодки. Лодок же не было. Решили устраиваться на этих досках, о чем сообщили парню, предупредив, чтобы не делал глупостей и что спать будем по очереди.

Съестного, помимо нескольких каменной твердости галет и куска сала, у нас ничего не осталось. Дожевав галеты, много курили. Каждый думал свою думу. Через некоторое время заметили, что жена парня что-то достает из багажника автомашины, кладет какие-то свертки на белую простыню, может быть скатерть, постеленную на автомобильном капоте. Парень крикнул:

- Эй, вы там, слазь, закусим.

Хотя симпатии к парню и его подруге мы не ощущали, от приглашения не отказались и действительно плотно закусили. Ели ветчину, крутые яйца, сыр, простоквашу, хоть черствые, но булочки, пили теплый чай из термоса. От предложенной самогонки отказались. Закурив после ужина, разговорились. О себе парень рассказал, что он из Белоруссии, по произношению чувствовалось, что не врал. Работал в небольшом поместье неподалеку отсюда, где точно не сказал, куда хозяин, немецкий офицер, привез его из родных мест. Незадолго до прихода американцев семья хозяина, находивше-

гося на фронте, может быть убитого или попавшего в плен, бросив хозяйство, куда-то бежала. Узнав, что американцы форсировали Эльбу, парень вывел стоявший в гараже исправный автомобиль, нагрузил его брошенным хозяйским добром - одеждой, бельем, обувью, различной утварью и запасом продовольствия - и, прихватив с собой свою подругу, отправился в путь, надеясь перебраться на западный берег Эльбы. Но паром уже не работал, а через понтонный мост американцы никого не пропускали. Так и застрял. Услышав вопрос, почему он отправился на запад, а не на восток, парень усмехнулся:

- Моего батьку освободившие нас кровные братья в тридцать девятом в Сибирь угнали. Там и мне место уготовили. Буду тикать, пока дух останется.

Мелькнула у меня мысль, что парню верить опасно. Быть может, совершил преступление, чтобы завладеть машиной, вещами. Надо быть начеку.

Вновь забрались наверх. Спали поочередно. Первым заснул Михаил. Я курил, думал о разном. Вспомнил разговор с майором Левандовским в Нейбранденбурге, куда тот в марте заехал по пути в Штеттин. Майор утверждал, что руководство РОА предполагает, что немцы продержатся до середины лета. Времени мало, чтобы создать серьезную силу, дивизий десять-двенадцать, способную перевести борьбу на рельсы гражданской войны. Но поскольку несомненен смертельный конфликт между Сталиным и западными союзниками, после поражения Германии, у нас еще не все потеряно. В конфликте мы примем участие как решающий, не столько военный, сколько политический фактор. Черчилль и американцы не такие идиоты, как Гитлер, они знают, что свалить Сталина без помощи русского народа и им не удастся. Тогда наступит наш час, с нами будет и Рокоссовский, и другие маршалы, и мы будем решать будущее родины. Мы должны использовать каждую минуту, чтобы наверстать упущенное из-за тупоумия, упрямства и преступной близорукости

национал-социалистической верхушки. В случае же непредвиденной капитуляции Гитлера, каждому участнику Русского Освободительного Движения, где бы он ни был, следует искать путь к союзникам. Майор Левандовский был уверен, что западные союзники прекрасно понимают, почему Власов и поддержавшие его бывшие советские генералы добивались получить возможность активной борьбы с коммунизмом, знают, что они не предатели, а борцы за свободу своего народа, знают и причину самоубийственной политики немцев на Востоке. Хотелось верить словам Левандовского, но поскольку я знал уже, что на западном фронте власовцев, попавших в руки союзников, выдают на расправу "Смершу", его оптимизм мне не передался.

Ворочаясь с боку на бок на жестких досках, прикуривая от выкуренной сигареты следующую, думал лишь о том, как бы, когда настанет решающий судьбу час, убедить всеми правдами и неправдами тех, от кого будет зависеть жизнь, что все мои поступки определялись велениями совести и неприятием политической системы, господствующей в России. Верилось, что это достаточный довод, чтобы вызвать понимание и поддержку у западных людей.

Утром нас угостили завтраком, даже с горячим чаем, заваренным парнем в котелке над жаровней, приспособленной у входа в сарай. Михаил, прилично знавший английский язык - он изучал его в институте и усиленно совершенствовал в последние несколько месяцев по учебнику - заявил, что намерен "понюхать воздух", попытаться перекинуться парой слов с каким-нибудь американцем. Я остался "на часах".

Друг мой долго "нюхал воздух", а, вернувшись, рассказал, что шансов перебраться на западный берег Эльбы у нас нет. Американцы охотно болтали с ним, но ничего путного, нового от них он не узнал. Они лишь захлебываются от радости, что война кончается, что остались живы, кое-кто опасался, как бы не послали на Тихоокеанский фронт. Михаил сообщил, что неподалеку

от беженского табора, в котором мы очутились, оборудуется лагерь для военнопленных немцев, куда со всех сторон добровольно собираются солдаты и офицеры.

Принятые полностью паянем и его подругой на довольствие, мы провели в тягостном бездействии, в необъяснимом, парализовавшем волю духовном оцепенении, следующие два дня. Почти не высывались из нашего убежища, двое суток напролет спали поочередно, благо удалось раздобыть немного сена и покрыть им доски. Третий день, начавшийся беспорядочной стрельбой и криками американцев, охранявших понтонный мост, вернул нас к мрачной действительности. Оказалось, американцы палили в воздух, узнав, что русские взяли Берлин.

Встрепенулись, решили разведать обстановку на прибрежном пространстве в северном направлении. По едва различимой тропинке отправились на велосипедах вдоль берега. Вскоре увидели, что по той же тропинке навстречу, тоже на велосипедах, едут двое парней. Сблизившись, спешили и те, и мы, подошли друг к другу.

- Мишка?! - вдруг радостно закричал один из встречных и, откинув велосипед в сторону, распахнув для объятий руки, бросился к Михаилу, успевшему лишь воскликнуть: Сашка!

Оказалось, в объятия Михаила бросился подпоручик Александр Белоусов. Они жили в одной комнате в Дабендорфе на курсах пропагандистов РОА. Я не был с ним знаком, но узнав, что он власовец, по-братски обнял его.

- Поручик Саша Рябов, - представил Белоусов своего спутника. Мы обнялись. Тут же присели. Михаил коротко рассказал, как мы с ним очутились здесь. Саша Белоусов поведал о себе и своем спутнике. Так же, как и мы, уходя на запад, они пару дней назад вышли к Эльбе и застряли у понтонного моста. По пути к ним в компанию попросился встретившийся симпатяга армянин, фельдфебель из добровольческого армянского батальона. Так что их было трое. Рыская вокруг в поис-

ках пристанища, они встретили русских военнопленных, которым сказали, что тоже пленные, что разыскивают своих близких, вывезенных в Германию на работу и находящихся где-то в этих местах. Приняли приглашение заночевать у показавшихся симпатичными ребят. Попав в барак команды военнопленных, проведя в нем ночь, они выяснили, что верховодит в бараке один из пленных, объявивший после бегства немецкого конвоя, что он не сержант, как утверждал прежде, а батальонный комиссар и требует подчинения себе всей команды.

Все безропотно подчинились, возможно, самозванному комиссару. Он, поддерживаемый двумя-тремя своими друзьями, принялся внушать пленным мысль, что бояться прихода "наших", которые непременно здесь скоро будут, глупо, что после победы над фашистами родина мстить не станет, а в крайнем случае не следует забывать, что "Сибирь ведь тоже русская земля..."

Почувствовали пристальное наблюдение за собой приближенных комиссара, которому, знакомясь, повторили свою легенду. В нее он явно не поверил. Однако, поскольку попыток лишить их свободы не предпринималось, барак не покидали. Узнав же о падении Берлина, Белоусов и Рябов отправились на разведку, оставив армянина присматривать за пожитками.

Обсудив вчетвером сложившуюся ситуацию, решили объединиться и попытаться добраться восточным берегом Эльбы до Гамбурга. Поколесив недолго, обнаружили в прибрежных дюнах хорошее место для встречи и уговорились быть здесь ровно через три часа.

К назначенному времени собрались в условленном месте. Познакомились с Сергеем Оганесяном, действительно, симпатичным парнем. Наши новые попутчики сообщили, что в бараке началась очередная попойка, в которой принимают участие несколько девушек-украинок, разысканных ребятами среди беженцев. В поднявшейся суматохе удалось незаметно вынести увесистые рюкзаки из барака и припрятать их в кустарнике. По-

том по одиночке улизнули с велосипедами. Возможно, комиссар и его люди заметили их уход, но погони не устраивали.

Провели "военный совет". Прежде всего решали вопрос - кто мы, куда направляемся? Было ясно, что в легенде нельзя оставаться русскими. Перебрали много национальностей, и ни одна не подходила. Я вспомнил, что отец мой продолжительное время перед революцией жил в Финляндии. Предложил превратиться в финнов. Замысел понравился. Почти исключена возможность встречи кого-либо, знающего финский язык. Если существуют установки, как поступать с русскими, поляками, прибалтами и другими восточноевропейцами, то в отношении финнов таковых, пожалуй, нет. Кроме того, если говорить, что жили на востоке Финляндии - придумали Выборг, откуда после выхода Финляндии из войны попали в Прибалтику, затем бежали с немцами - получалось вполне правдоподобным и знание русского языка.

Когда отпали все сомнения в необходимости стать финнами, поднял робкий голос Оганесян:

- А как же я?

Действительно, невероятно, чтобы этот смуглый с черными глазами и иссиня-черной шевелюрой парень мог сойти за финна. Кто же он? Предложили ему объявиться турком. Против такого перевоплощения Сергей решительно запротестовал: "Турком - никогда!" С превращением в перса согласился.

Михаил заметил, что имена и фамилии нам менять не следует. Во-первых, впопыхах можно забыть придуманную фамилию, а, во-вторых, где-то он читал, что американцы считают сокрытие собственных имени и фамилии тяжелым преступлением. Так каждый и остался при своем имени, кажется, полученном всеми нами при крещении, и при фамилии своих родителей.

Выбрали и старшего группы, которому каждый обязался беспрекословно подчиняться. Выбор пал на меня.

Собираясь в путь, я заметил, что оба Саши и Сергей взвалили на плечи увесистые рюкзаки-"сидоры". Поинтересовался, что за сокровища тянут с собой ребята. Оказалось, что, помимо смены белья, полотенца, бритвенных принадлежностей и кое-каких пустяков, они действительно тащили драгоценный груз. "Сидоры" были набиты под завязку деревянными ящичками с сигарами, пачками табака и сигаретами. Рассказали, что участвовали вместе с толпой жителей какого-то городка в растаскивании огромного продовольственно-вещевого военного склада, покинутого охраной. Население вывозило на тележках, выволакивало на носилках, тащило в мешках рулоны материи, одежду, обувь, белье, даже ковры и бытовую утварь, консервы, крупы, муку, масло, бутылки с вином и водкой... Наши друзья, прихватив по банке консервов и по бутылке водки, нагрузились табачными изделиями, сколько каждый мог поднять. Ведь табак, сигареты - ценнейшая валюта. За курево можно было выменять все, что угодно.

- По коням, - скомандовал я, и мы двинулись.

Вскоре на противоположном берегу заметили дома небольшого городка. Когда миновали его, обратили внимание на лодку-плоскодонку у берега на другой стороне, как бы замаскированную в прибрежном лозняке. Саша Рябов, ехавший замыкающим, крикнул, чтобы остановились.

- Я переплыву речку, пригоню лодку и все переправимся на ту сторону, - предложил он весело.

Было по-весеннему тепло, почти жарко, но ведь температура еще полноводной реки не могла быть выше десяти-двенадцати градусов. Как же лезть в такую воду, да еще переплыть довольно широкую быстротекущую реку?!

- Шутишь? - спросил я.

- Какие шутки? Я же пловец союзной категории, - ответил Саша.

- Ну, а вода-то, поди, почти ледяная, - сказал кто-то.

- Плевать, - засмеялся Саша. - В крещенские морозы не раз в прорубях плескался, - и начал расстегивать рубаху.

Вспомнив, что по реке изредка патрулировал американский военный катер, мы остановили Сашу. Залегли на берегу, ждали, когда с севера подойдет катер. Он доходил лишь до понтонного моста, там поворачивал обратно и обычно через час появлялся снова. Лежали, курили, наблюдали за рекой. Скоро услышали гул катерного мотора, потом увидели проскользнувшее темнозеленое суденышко с пулеметом на носу. Через пару минут, набирая скорость, катер шмыгнул в обратную сторону.

Саша быстро разделся, энергично растер голое тело ладонями, подошел к кромке берега и, даже не пощупав воду, как это порой делают пловцы, нырнул. Над шевелящейся плавными волнами поверхностью реки голова его появилась метрах в двадцати от берега. Выбрасывая привычными четкими движениями руки, он поплыл, слегка сносимый течением. Мы едва удержались, чтобы не зааплодировать. На противоположном берегу Саша очутился примерно в ста метрах от лодки, вниз по течению. Пару раз присел, растерся и исчез в лозняке, откуда вскоре появился рядом с лодкой. Впрыгнув в нее, он, видимо, чтобы порадовать нас, поднял над головой весла, сигналив, что все в порядке.

Когда Саша ловко подводил лодку к нашему берегу, я поспешил открыть заветную бутылку спирта, считавшуюся Михайлом и мною неприкосновенным запасом, налил четверть кружки, плеснул туда две пригоршни речной воды и, как только наш пловец выскочил из причалившей лодки, поднес ему угощение. Поняв, в чем дело, нюхнув жидкость, он одним духом опорожнил кружку и пару раз с силой выдохнул воздух.

- Хороша, - только и промолвил, натягивая брюки.

Лодчонка оказалась маловатой, чтобы поднять сразу пять человек и пять велосипедов. Переправля-

лись в два приема, переждав очередной проход патрульного катера. Собравшись вместе на желанном берегу, впопыхах не привязали лодку, и она, покачиваясь, поплыла, подхваченная течением. Очень скоро пришлось убедиться в прискорбности допущенной оплошности. Протащив велосипеды сквозь густые цепкие заросли вглубь суши и неожиданно очутившись у воды, поняли, что высадились на острове...

От берега нас отделяла протока метров тридцать шириной. Но беда на сей раз была поправима, о чем свидетельствовали несколько лодок у противоположного берега, только стыдно было перед Сашей, который начал готовиться к дополнительному купанию... Тут мы увидели спускавшегося к воде с высокого берега пожилого мужчину, не замечавшего нас. Саша Белоусов мгновенно раскрыл свой "сидор", извлек из него деревянный ящичек с сигарами и, размахивая им над головой, крикнул по-немецки:

- Эй, папаша, гони лодку сюда, получишь сигары!

Окликнутый, только сейчас приметивший незваных пришельцев, остановился в нерешительности. Саша кричал многообещающе:

- Сигары! Замечательные сигары. Гони лодку!

В конце концов "папаша" отвязал одну из лодок, сел за весла и перевез нас на настоящий берег Эльбы. Сигарам он обрадовался, а когда я завел речь о ночлеге, осмотрев нас внимательно, спросил:

- Кто вы? Вы же не немцы?

Мой ответ, что мы финны, подействовал успокоительно, и он провел нас к своему небольшому опрятному домику, неподалеку.

Вечерело. Жена "папаши" положила на стол в кухне каравай хлеба собственной выпечки, поставила миску холодных жареных окуней и вместительный кувшин молока. Ужиная, мы испробовали впервые финскую легенду, воспринятую с доверием и сочувствием. За угощение щедро рассчитались сигаретами, одну из которых хозяйка тотчас закурила. Спать нам позволили

в сарайчике, где толстым слоем на полу лежала примятая солома, на ней, видимо, кто-то не раз спал. Ночью мы слышали приглушенные голоса с берега, поскрипывание весел в уключинах. Догадались, что сюда переправляют с восточного берега беженцев, нашедших возможность дать о себе знать и, вероятно, плативших деньгами или вещами за спасительный перевоз через Эльбу. Стало ясным, почему в кустах у острова очутилась исправная лодка с веслами, и было досадно, что по нашей оплошности одним суденышком, спасавшим человеческие жизни, здесь стало меньше.

Утром узнали, что ночевали в городке Блекеде. Выработанный накануне маршрут движения в направлении Гамбурга отпадал. Предстояло вновь решать, куда ехать. Было лишь ясно, что следует двигаться как можно дальше на запад. Разложили припасенную Михайлом очень подробную карту дорог Германии. Избрали направление: на Ганновер, затем в сторону Билефельда, оттуда, огибая Рурскую область, к Рейну. Сочли необходимым не выезжать на магистральные шоссе, а двигаться проселочными дорогами, объезжая большие города, во избежание встреч с подразделениями западных союзников. Хотя пытались убедить себя в том, что опасаться таких встреч нам не следует, в конце концов где-то и когда-то предстоит объявить о своем существовании, но инстинктивно мы чувствовали, что чем позже произойдет это, тем лучше для нас.

*

Стараясь придерживаться избранного направления движения, помня о соблюдении мер предосторожности, усиленно нажимая на педали, гуськом пробирались по обочинам дорог от одной деревни до другой. Каждый час устраивали привалы-перекуры, обязательно в местах, позволявших беспрепятственный круговой обзор и где мы сами были достаточно укрыты от посторонних

взглядов. Для ночевки перед заходом солнца разыскивали отдельные крестьянские дворы, а если не попадалось таких - небогатого вида дома на околицах деревень. Просили дать, в обмен на сигары, табак или сигареты немного хлеба, картофеля, молока, зажарить яичницу и разрешить заночевать в сарае или на сеновале. В большинстве случаев, не всегда, правда, с видимой охотой, зачастую едва скрывая страх перед чужими людьми, тем более иностранцами, нам предлагали еду и разрешали ночевку. Лишь только раз было категорически и грубо отказано в еде и старый желчный хозяин крестьянского двора решительно запретил нам спать на сеновале.

Саша Рябов, атлетическое сложение которого внушало уважение, а черты круглого лица, в моменты, когда он крепко сердился, устрашающе напоминали немцам газетные карикатуры, изображавшие жестоких извергов "Иванов", объяснил старику на очень корявом, но весьма убедительно звучащем немецком языке, что на жратве мы не настаиваем, но спать на сеновале будем. В случае же, если старик по-глупости попытается звать подмогу из села, где кстати, кроме стариков, женщин и детей никого нет, неминуемо заполыхает сеновал, а вместе с ним и все его хозяйство. Ночью каждый из нас бодрствовал поочередно, а в доме старика горел свет. На рассвете, прихватив пять цыплят, которым Рябов отсек головы лежавшим на колоде топором, мы покинули негостепримную усадьбу.

Цыплят зажарили на костре в лесу, где досыпали недоспанное на сеновале. Путевые продовольственные проблемы удавалось решать значительно проще, нежели предполагали. Места, где мы проезжали, были заняты союзными войсками всего несколько недель назад. Поскольку немцы в конце войны сопротивления западным союзникам не оказывали, открывая им путь на восток, тут не было разрушений и сохранились нормальные условия жизни. Даже не произошло существенных изменений в структуре местного управления

Лавки и магазины, торговавшие продуктами питания и всякой всячиной, в деревнях были открыты, нормально работали мелкие молочные заводы. Продовольствие продавали так, как это было заведено в Германии, по карточкам.

Проезжая однажды мимо какого-то магазина, мы заглянули в него. Карточек, конечно, у нас не было. Справились у тучной, но весьма симпатичной хозяйки, не продаст ли хлеба без карточек. Та осведомилась, имеем ли деньги? Денег достаточно, но в ходу ли они еще? Оказалось, деньги те же, что были – рейхсмарки. Получив по несколько свежих булочек и обнаглев от неожиданной удачи, спросили, нельзя ли получить и колбаски. Хозяйка отвесила каждому по 200 грамм превосходной колбасы и, подумав, выложила на прилавок по пачке маргарина и по две пачки сигарет "Юно". С каждого причиталось по несколько марок. Оганесян барским жестом выложил двадцатку и заявил, что сдачи не надо. Хозяйка, укоризненно взглянув на него, отсчитала полагавшиеся на сдачу бумажки и монетки.

Решил я попытать счастья и на одном небольшом молокозаводе. Вошел в контору, где за письменными столами сидели две девушки. Вежливо поздоровался и объяснил, кратко излагая финскую легенду, что хотел бы купить немного масла. Одна из девушек вышла в соседнюю комнату, откуда появилась в сопровождении пожилого мужчины. Тот внимательно осмотрел меня и, узнав, что я финн и со мной еще четыре товарища, сказал, что больше двух полфунтовых пачек масла на душу выдать не может. Стоимость масла я должен, конечно, оплатить. Одна из девушек выписала квитанцию, куда записала мою фамилию, другая принесла десять кирпичиков масла в стандартной пергаментной упаковке. Заплатив какую-то мелочь и поблагодарив, я удалился.

Что происходило в побежденной Германии, в Европе, в мире – мы не знали. Из бесед с крестьянами, у которых останавливались, многого почерпнуть не удава-

лось. Те, хоть и слушали радио, ничего толком рассказать не могли. Говорили они, возможно, желая сказать нам приятное, что рады концу войны, именно такому, какой следовало ожидать, ибо "фюрер", много сделавший для немецкого народа, видимо, рехнулся, бросившись войной на весь мир, и главное - затеяв поход на Восток... Важна для нас была лишь полученная информация, что находимся на территории, оккупированной английскими войсками, которые в сельской местности почти не показываются.

На третий день после отъезда из Блекеде мы встретились впервые с англичанами. При въезде в одну из деревушек нам навстречу выскочил джип. Едва успели остановиться, как джип резко затормозил. Сидящий рядом с водителем солдат, схватив автомат, выпрыгнул из машины, держа оружие наготове. Водитель тоже протянул руку к автомату. Михаил вышел вперед и по-английски поздоровался с солдатами. Начались расспросы, кто мы, куда направляемся? Впопыхах забыв о финской легенде, а может по какому-то доброму наитию, Михаил сказал, что мы русские, работали у немцев, теперь разыскиваем наших близких. Поняв, о чем говорил мой друг, я вытащил из кармана студенческое удостоверение, на синей обложке которого красовалась надпись: "Инженерно-экономический институт им. Серго Орджоникидзе". Внутри моя фотография, стандартный текст: фамилия, имя, отчество, дата рождения, на другой стороне внушительная синяя круглая печать, размашистая подпись. Подал студенческий билет солдату, стоявшему у джипа. Тот, посмотрев на него, повертев и ничего не поняв, передал дальше - водителю. Как бы то ни было, документ произвел впечатление на обоих. Главное же - они убедились, что мы не немцы, опустили вниз стволы автоматов, угостили нас ароматными английскими сигаретами. Поговорив с Михаилом пару минут о том, что все мы счастливы концу войны, англичане уехали. Впоследствии произошло еще несколько встреч с солдатами-англи-

чанами, все они проходили по испытанному сценарию. Мы поняли: главное – убедить солдат, что мы не немцы, пытающиеся избежать лагеря для военнопленных.

Встречались и с соотечественниками, бывшими военнопленными или же вывезенными на работу в Германию. Встречи происходили близ прежних лагерей или рабочих команд, где продолжали жить русские люди, ожидая, когда ими кто-то распорядится. От встречных соотечественников получали более четкую, нежели от немцев, информацию о происходящем, хотя и они знали очень мало. С ними подчас обсуждали тревоживший их вопрос: что теперь будет с ними? Почти каждый из встречных говорил о сжимающем душу страхе при мысли о возвращении на родину, ибо царила уверенность, что тюрьмы или лагеря не избежать. Лишь изредка попадались оптимисты, большей частью совсем молодые парни, почти подростки, говорившие:

– За что меня судить? Я пацаном был, когда меня немцы забрали. Что я мог сделать? Нас – миллионы, всех не пересажают...

*

Проехав более пятисот километров без особых приключений, приблизились к легендарной немецкой реке – Рейну. Подумывали, что следует где-либо остановиться, осмотреться, попытаться как-то пристроиться. Не раз нам крестьяне предлагали поработать у них, обещали сытную хорошую еду, деньги. В большинстве крестьянских дворов во время войны работали военнопленные: французы, бельгийцы, поляки, поскольку работоспособная мужская часть семейства находилась в армии; теперь же военнопленные ушли и возникла крайняя нужда в рабочих руках.

В предпоследнее воскресенье мая, переночевав в сарае гостеприимного добродушного крестьянина, даже пригласившего нас на обед, получив возможность осно-

вательно почиститься, помыться горячей водой, привести в порядок велосипеды, лишь во второй половине дня мы отправились в путь. Ехали по холмистой живописной местности. Дорога пролегла между аккуратными, ухоженными фруктовыми садами, где доцветали яблони. В палисадниках домов, близ дороги пышно цвела сирень, радовало взгляд разноцветье тюльпанов. И вот тут-то у ворот одного из больших домов внезапно закончился наш велосипедный пробег.

Из открытых ворот выскочили два американских солдата, явно подвыпившие. Михаил, уже привыкший к подобным инцидентам, принялся излагать финскую легенду. Парни в военных американских формах скучающе смотрели на него. Сквозь ворота просматривался обширный двор с несколькими военными грузовиками, откуда вышли еще несколько американцев, тоже под градусом. Нам приказали войти во двор. Тут американцы, схватив наши пожитки, стали потрошить их. Появились двое солдат с автоматами. На Михаила, пытавшегося что-то объяснить, внимания не обращали. Обнаружив в "сидоре" Саши Белоусова немецкий офицерский кортик, о существовании которого я не знал, американцы грозно загалдели.

Окончилась наша неожиданная-негаданная встреча с заокеанскими парнями тем, что нас вместе с нашими велосипедами и пожитками погрузили в грузовик и под конвоем двух автоматчиков мы вскоре очутились во дворе небольшой тюрьмы города Нойвид, что на Рейне. В тюрьме несли службу те же немцы, одетые в старые формы тюремщиков, что служили здесь при Гитлере, только без оружия. Им и сдали нас американцы, тотчас исчезнувшие.

Ночь прошла в довольно просторной тюремной камере, где, обсудив случившееся, предположили, что американцы, обнаружив офицерский кортик, приняли нас за беглых немецких офицеров. Саша Белоусов каялся, что не выбросил полюбившийся ему кортик, приобретенный в Берлине. Снова раскинули умами, как вести

себя в создавшейся ситуации, и вновь порешили упорно держаться финской легенды.

Часа через два после того, как тюремщик попотчевал нас на следующее утро мутной горячей жидкостью, названной им чаем, дверь в камеру распахнулась. Вошел благоухающий одеколоном, холеный американский офицер, сопровождаемый американским солдатом и немцем-тюремщиком. Солдат был переводчиком. На вопрос офицера, за какую провинность мы посажены за решетку, тюремщик, мгновенно ставший по стойке "смирно", ответил, что это неизвестно, ибо привезшие нас пьяные солдаты ничего на этот счет не сообщили. Тюремщик явно подыгрывал нам, сказав - "пьяные". Вперед выступил Михаил и спокойно, обдумывая каждое слово, начал просвещать офицера. Я почувствовал, что речь свою мой друг приготовил заранее. Офицер обрадовался, что среди нас оказался говорящий по-английски. Он внимательно, слегка улыбаясь, слушал Михаила и, задав ему два-три вопроса, через переводчика приказал тюремщику:

- Отпустить сейчас же этих парней!

Когда мы в тюремном дворе прилаживали свои пожитки к велосипедным багажникам, наш освободитель вышел из тюремного здания и направился к пропускной будке. Михаил быстро подошел к нему и завязал разговор, смысл которого я не понял и лишь удивился, увидев, что офицер достал записную книжку, что-то написал и подал Михаилу вырванный листок. После того, как за нами захлопнулись тюремные ворота, Михаил рассказал, что офицер явно поверил в финскую легенду, даже посочувствовал нам, а услышав, что мы хотели бы на некоторое время остаться в Нойвиде, написал записку бургомистру города, чтобы тот предоставил нам жилище и выдал продуктовые карточки. Спросив у первого встречного, где находится городская ратуша, отправились туда.

В ратушу пошел я вместе с Михаилом. Мы удивлялись магическому действию записки, буквально от-

крывшей нам все двери. Бургомистр был весьма любезен, сказал, что карточки не проблема, но вот с жильем – дело плохо. Узнав же, что у нас есть деньги, предложил отель, где, конечно, придется платить за комнаты. Получив согласие, тут же позвонил по телефону и сказал, что нас ждут в отеле "Три швейцарца" ("Drei Schweizer") на главной улице города. Относительно продовольственных карточек все необходимое организовала секретарша бургомистра.

Процедура получения карточек затянулась почти до полудня. Выяснилось, что карточки выдаются только жителям города Нойвида, официально здесь прописанным. Пришлось оформлять прописку. Я заполнил лишь один формуляр, как это обычно делается для одной семьи. В формуляр внес все наши фамилии и превратился в главу семейства, состоящего из пяти человек. Заверенный печатью ратуши формуляр стал нашим общим первым легальным послевоенным документом. При получении продовольственных карточек на пять едоков на документ были наложены соответствующие печати. Мы поражались, что лишь пару недель после военного разгрома, в условиях оккупации, немецкая городская администрация работала безукоризненно. Правда, позже я убедился, что так было только в немногих районах страны, не знавших военных действий, да и то только в западной части Германии.

В отеле "Три швейцарца" нас действительно ожидали, приняли вежливо, но не очень радушно, видимо, скрепя сердце подчинились распоряжению властей. Отвели малюсенькую комнатку для Сергея. В одной из двуспальных комнат поселились Михаил и я, в другой – оба Саши. Несколько дней мы осматривались, приглядывались, прислушивались, принимались, бродили по городу, по главной улице которого порой проезжали военные автомобили. В самом же городе не было даже малочисленного гарнизона оккупационных войск, но были немецкие полицейские в старых формах,

со старыми шлемами в форме усеченных цилиндров и без пистолетов.

Город Нойвид от войны почти не пострадал. Лишь на железнодорожный вокзал и на некоторые дома поблизости упало несколько небольших авиабомб, производивших незначительные разрушения. В центральной части города, будто войны и не было, торговали магазины и магазинчики, где можно было купить кое-какую одежду, обувь, белье, разные хозяйственные мелочи, но по специальным ордерам, выдаваемым в ратуше. Получив такие ордера, мы пополнили наш гардероб.

В начале июня, съев почти весь месячный рацион питания, полагавшегося нам по продовольственным карточкам, и убедившись, что табачные запасы почти израсходованы, всерьез занялись трудоустройством. Проходя мимо витрины часового магазина, Михаил прочел объявление о приглашении на работу часового мастера. Мой друг, страстно любивший ковыряться в часах и проводивший свободное время за починкой часов всех своих друзей и знакомых, заявил хозяйке магазина, что он часовой мастер и ищет работу. На работу его приняли, и на следующее утро он отправился в мастерскую.

Оба Саша - к тому времени одного из них, Белусова, мы начали называть "Сашок-маленький", а другого "Сашок-большой" - а с ними и Оганесян отправились наниматься "батраками" к крестьянам близлежащих деревень. Их охотно взяли на работу в одной из деревушек, куда они, покинув отель, отправились жить.

Посоветовавшись, определили, что мне на работу устраиваться не следует, а нужно продолжать осуществлять "идейное руководство", быть в курсе событий и немедленно реагировать, если появится необходимость снова "седлать коней" и отправляться в путь. На меня возложили обязанность выяснить, что случилось с участниками Русского Освободительного Движения и РОА и

Anmeldung
bei der polizeilichen Meldebehörde

Am 19. ist — sind — 1945

zugezogen nach (Ort): (Kreis): (Wohnung):

als Mieter — Untermieter — Schlafstelle — Dienst — Besuch — bei (Zugehöriger angestrichen)

Letzte Wohnung: (Ort und Kreis, falls Ausland auch Staat): Straße Nr. als Mieter bei Untermieter

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Lfd. Nr.	Familienname (bei Frauen auch Geburtsname und gegebenenfalls Name aus der letzten früheren Ehe)	Vornamen (sämtliche; Rufname ist zu unterstreichen)	Familienstand (ledig, verheiratet, verw., gesch.) bei bestehender Ehe: verheiratet	Beruf (genaue Bezeichnung der Berufstätigkeit und Angabe, ob selbstständig oder Angestellter, Arbeiter usw.)	Geburts- Tag Monat Jahr	a) Geburtsort b) Kreis c) Staat (wenn Ausland)	Staatsangehörigkeit?	Bezeichnung des religiösen Bekenntnisses (ob Angehöriger einer Religions- oder Weltanschauungsgemeinschaft, gottgläubig oder staatenlos)	Wohnort und Wohnung (Ort, Kreis, Straße, Hausnummer) bei der letzten Personenaufnahme bzw. am letzten vor der Anmeldung liegenden 10. Oktober	Bei Zuzug von außerhalb a) Haben Sie schon früher in den letzten Gemeindefällen gewohnt? Wenn und wo? b) Für den Fall, daß die oben stichwortartig bezeichnete Wohnung durch den Zuzug aus dem Ausland zum letzten im Inland politisch gemeldet wurde (Ort, Kreis, Straße, Haus-Nr.)	Bei Zuzug aus dem Ausland: von Reisen, Wanderschaft, Schiffsahrt Angabe, wann und wo Sie zuletzt im Inland politisch gemeldet waren (Ort, Kreis, Straße, Haus-Nr.)
1.
2.
3.
4.
5.

Witz nicht als Personenaufnahme

Für Kraftfahrzeugbesitzer
Ich bin Besitzer des/der
Lastkraftwagens Nr. _____
Personenkraftwagens Nr. _____
Kraftrades Nr. _____
Meiner gesetzlichen Verpflichtung zur Anmeldung der Wohnungsveränderung bei der Zustellungsstelle für Kraftfahrzeuge werde ich unverzüglich nachkommen.

Für Ausländer und Staatenlose
a) Art des vorhandenen Ausweises (Paß, Paßersatz): _____
b) Nummer des Ausweises: _____
c) Ausstellende Behörde: _____
d) Datum der Ausstellung: _____

(Eigenthändige Unterschrift des Angemeldeten)

(Eigenthändige Unterschrift des Wohnungsinhabers bei Untermieter)

(Eigenthändige Unterschrift des Hausbesitzers bzw. des Verwalters)

den _____, (Ort und Datum der Abgabe an die Meldebehörde)

разузнать, что нужно предпринять практически для полной нашей легализации.

Порой мне казалось, что следует попытаться с головой окунуться в немецкую жизнь, каким-либо способом превратиться в туземца, найти лазейку в немецкий быт, внутренне переориентироваться на немецкий язык, усилием воли уйти сознанием в немецкую психику. Нет, не на время, чтобы замаскироваться, а полностью и навсегда отмежеваться от своего прошлого, от русского чувствования, от русской души. Порвать все, абсолютно все, что связывало с прошлым. Заняться поиском невесты-немки, благо вокруг множество милых, заждавшихся женихов, девушек.

И тут же становилось предельно ясным: нет, такое невозможно. Родившись, выросши, будучи воспитанным и утвердившись в жизни русским, отвернуться от своей русскости, забыть самого себя и ассимилироваться в новой окружающей среде, заново родиться - невозможно.

Много лет спустя убедился, что все-таки такое возможно, знакомясь в поездках по Германии с соотечественниками сходной с моей судьбы, спасшими жизнь перевоплощением в немцев. Они даже забыли русский язык, чувствовали себя хорошо в немецких семьях, взрослые дети некоторых из них даже не знали, что отцы их русские. Во всем они устроились успешно, достигли материального благополучия, уважения и признания окружающих их людей. Но чувствовалось, что почти все они глубоко страдали, ощущая, что лишились души, как бы засохли, точно деревья с перерубленными корнями. Мне очень жаль этих людей, я им искренне сочувствую и счастлив, что в свое время не смалодушествовал...

В ближайшее воскресенье друзья наши, которых Михаил прозвал "колхозниками", приехали навестить нас. Привезли вкуснейший крестьянский хлеб, жареную и вареную свинину, две жареных курицы, десятка три

яиц, масло, несколько бутылок молока, пару банок компотов и огромную миску вареного картофеля. Всего столько, что обеспечили Михаила и меня едой на неделю. Судили-рядили обо всем. Сашок-маленький рассказал, что у его хозяина припрятан хороший радиоприемник, который удалось скрыть, когда американцы реквизировали по деревням охотничье огнестрельное оружие, бинокли и радиоприемники. Саша пару раз слушал Би-Би-Си по-русски и еще какую-то вещающую по-русски станцию. В одной из передач речь шла о том, что находящимся в Германии иностранцам, бывшим военнопленным или увезенным немцами на работу, будет оказана всесторонняя помощь международной организацией УНРРА, начавшей свою деятельность в оккупированной западными союзниками части Германии. Иностранцы, в том числе и советские граждане, призывались налаживать связь с представительствами УНРРА.

Вспомнили, что у меня хранилась бутылка с неприкосновенным запасом спирта, и единогласно постановили "ликвидировать" ее. Наливал из зеленой бутылки с длинным горлышком по четверти стакана, дополнял до половины водой из крана над умывальником. Получивший стакан произносил тост за спасение и жизнь. Когда бутылка опустела, Сашок-большой - у него был превосходный баритон - затянул песню. При словах: "на поленьях смола, как слеза", я увидел покотившуюся по щеке Сашка-маленького настоящую слезу. Услышав же: "до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага", он уронил голову на ладони рук и плечи его затряслись...

*

В середине июня повсюду в Нойвиде были развешены подписанные комендантом города объявления об обмене удостоверений личности. В объявлении указы-

валось, что новые временные документы будут выдаваться жителям взамен прежних, действительность которых прекращается 30 июня. Находившиеся в плену военнослужащие для получения удостоверений личности должны предъявлять свидетельство об освобождении из плена.

Я отправился на разведку в ратушу. Секретарша бургомистра любезно отвела меня к сотруднице, возглавлявшей отдел выдачи документов. Та сообщила, что немецкие служащие ратуши занимаются только заполнением бланков новых удостоверений личности, подписывает которые американский офицер. Старые документы вместе с заполненными новыми сдаются в кабинет американца и после подписания возвращаются сотрудникам ратуши. Узнав, что у меня и "членов моей семьи" старых документов нет, сотрудница ратуши решила, что поскольку мы не немцы, она заполнит бланки новых документов по данным, записанным в свидетельстве о нашей прописке в Нойвиде. Бланки мы должны сами нести на подпись американскому офицеру. Договорились о дне, когда нам следует явиться в ратушу за документами, если таковые нам вообще дадут.

Я немедленно поехал в деревню, где работали оба Саши и Сергей. Сообщил им о неожиданном серьезном осложнении наших дел и о том, что Михаил и я решили готовиться к спешному бегству из Нойвида. В назначенный день, 25 июня 1945 года, мы явились в ратушу. Получив на руки заполненные бланки пяти удостоверений личности, с трудом сдерживая волнение, я постучал в дверь кабинета военного коменданта, куда входить разрешалось только по одному. Не знаю, был ли ответ на мой стук, но обождавши несколько секунд, я толкнул дверь и очутился в просторной, обставленной солидной мебелью, комнате.

Между двумя окнами за огромным письменным столом восседал молодой капитан американской армии. Слева от него, за небольшим столиком с пишущей ма-

шинкой сидела девушка, видимо, его секретарша. Офицер что-то увлеченно рассказывал ей, не обращая на меня внимания. Обождав минуты две, я решительно подошел к столу офицера и молча положил перед ним бланки документов и свидетельство о нашей прописке. Прервав свой рассказ, бросив на меня недовольный взгляд, тот взял со специальной подставки ручку и, не читая написанного в документах, поставил в них, где нужно, свою подпись, состоявшую из двух больших букв, наподобие китайских иероглифов. Сотрудники ратуши не скрывали своего удивления, увидев в наших руках подписанные капитаном удостоверения личности.

Мое удостоверение свидетельствовало по всей форме, что родившийся в Выборге (Финляндии) 25-летний финн Олег Красовский является постоянным жителем города Нойвида, что официально подтверждается печатью и подписью уполномоченного Военной администрации Германии. Радости нашей не было предела, и мы очень сожалели, что не было у нас хотя бы по рюмке водки, чтобы отметить знаменательное событие. Едва улеглось возбуждение по поводу счастливого преодоления очередного препятствия на пути легализации, как неожиданно из Нойвида исчезли американцы и появились французские солдаты и офицеры весьма затрапезного вида. Количество их было значительно больше, нежели американцев, хотя, может быть, лишь казалось так, ибо американцы проезжали по городским улицам в своих джипах, а французы, даже офицеры, ходили пешком и с ними приходилось довольно часто встречаться. Видимо, произошли какие-то перемены в распределении территории Германии между оккупационными войсками союзников.

Кстати, незадолго до появления в Нойвиде французов, мы узнали, что правобережье Эльбы, откуда нам удалось перебраться на левый берег реки, оставлено американцами и занято советскими войсками.

Когда пришел срок получения продовольственных карточек, в ратуше я узнал, что как иностранцам кар-

точки нам следует получить в отделе французской военной администрации. Там, обнаружив, что французским я не владею, со мною по-немецки заговорила симпатичная милая девушка. Она спросила с нескрываемым интересом, как очутились в Нойвиде четыре финна, да еще вместе с персом? Я принялся излагать финскую легенду. Девушка слушала, едва заметно улыбаясь, и мне было ясно, что ни одному моему слову она не верила.

- Вы, конечно, говорите по-русски, - вдруг сказала она на чистейшем русском языке.

- Вы тоже? - удивился я.

- Это язык моих родителей, - ответила она.

Узнав, что она русская, я, как бы извиняясь, промолвил, что рассказанное мною не повторил бы под присягой. Она прекрасно поняла меня, и наша беседа приняла иную тональность. Девушка в нескольких словах рассказала, что она, как и ее родители, не принадлежит к той части русской эмиграции во Франции, которая, поверив в чудесное превращение Сталина в русского патриота, забыла, что такое коммунизм. Подчеркнув, что, находясь на службе во французской армии, она обязана беспрекословно выполнять все приказы начальства, девушка дала понять, что в рамках ей доступного окажет нам помощь и содействие. Тут же сообщила, что существует инструкция о специальной регистрации иностранцев, проживавших до 1 сентября 1939 года на территории Советского Союза, для подготовки их репатриации на родину. На мой прямой вопрос о судьбе Власовской армии ответила, что подробностей не знает, но слыхала, что частично в боях под Прагой армия уничтожена советскими войсками, остатки же ее в плену у американцев. Приняв приглашение иногда, но не очень часто, наведываться в ее кабинет для получения дальнейшей информации, поблагодарив сердечно соотечественницу, распрощался с нею. К глубочайшему стыду моему забыл ее фамилию.

MILITARY GOVERNMENT OF GERMANY

TEMPORARY REGISTRATION

Zeitweilige Registrierungskarte

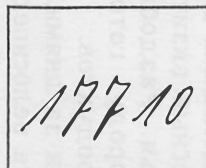
Name Krassowski, Oleg Alter 25. Geschlecht männl.
 Name _____ Age _____ Sex _____
 Staendige Adresse Wiporie/Finnland. Beruf Chemiker
 Permanent Address _____ Occupation _____
 Jetzige Adresse Newnied, Schlossstr. 72
 Present Address _____

Der Inhaber dieser Karte ist als Einwohner von der Stadt Newnied
 vorschrittsmaessig registriert und ist es ihm oder ihr strengstens verboten, sich von diesem Platz zu
 entfernen. Zuwiderhandlung dieser Massnahme fñhrt zu sofortigem Arrest. Der Inhaber dieses Scheines
 muss diesen Ausweis stets bei sich fñhren.

The holder of this card is duly registered as a resident of the town of Newnied
 _____ and is prohibited from leaving the place designated. Violation of this restriction will
 lead to immediate arrest. Registrant will at all times have this paper on his person.

Legitimations Nummer
 Identity Card Number

Unterschrift des Inhabers
 Signature of Holder



Right Index Finger

ALLIED EXPEDITIONARY FORCE
 MILITARY GOVERNMENT

OFFICE
 Mil Gov Officer, U.S. Army

Signature [Signature]

Date _____

Detachment No _____ Datum der Ausstellung
 „Date of Issue“ _____

(Dies ist kein Personal-Ausweis und erlaubt keine Vorrechte).
 (This is not an identity document and allows no privileges).

25.6.45

хотя она впоследствии много сделала для нашего спасения.

Проживание в отеле "Три швейцарца" обходилось мне с Михаилом недешево. Наш денежный запас неумолимо таял. Однажды, проезжая на велосипеде по улице, выходящей к железнодорожному вокзалу, я заметил пустой трехэтажный дом с поврежденной взрывом крышей и выбитыми окнами на третьем этаже. Дверь в дом была закрыта. Обойдя дом, обнаружил, что со стороны сада, выходящего к железнодорожному полотну, в него можно было забраться через разбитое кухонное окно. В доме были, помимо кое-какой мебели, несколько кроватей с матрацами. В ратуше мне удалось получить ордер на временное проживание моей "семьи" в оставленном владельцами доме до их возвращения. В очередной воскресный визит наших "колхозников" произвели смену жилья. Раздобыв несколько кастрюль, мисок, даже сковороду, готовили сами еду из привозимых ребятами продуктов.

Шли дни за днями. После ухода Михаила на работу я колесил на велосипеде по окрестностям Нойвида. Изучил детально все близлежащие деревни, каждый поселок. Порой удавалось приобрести немного ранних фруктов, главным образом черешни, огромные сады которой окружали город. Вернувшись домой, читал немецкие книги, одалживаемые Михаилом у хозяйки мастерской из библиотеки ее сына. Тревожило меня состояние здоровья друга. Возвращался он из мастерской настолько утомленным, что казалось, будто он целый день копал землю. Выглядел очень болезненно, непрерывно кашлял, выплевывал мокроту. Жаловался на головные боли, постоянное недомогание. Оба мы думали, что страдает он длительной простудой, о посещении врача не говорили, считая, что вот-вот выздоровеет... По воскресеньям наши "колхозники" привозили Михаилу из деревни часы, за ремонт которых их владельцы расплачивались продуктами, порой вином или самогонном,

так что наши воскресные застолья украшались бутылками со спиртным.

Прошел август, начался сентябрь. В одно из моих посещений соотечественницы в ратуше узнал тревожную новость: предстояло посещение Нойвида советской репатриационной комиссией. Соотечественница сказала, что на сей раз особенно волноваться не следует. Она обязана докладывать визитерам только об иностранцах, живших в СССР до 1 сентября 1939 года, о нас же, конечно, ничего не скажет. Но нам следует позаботиться о выезде из Германии. Предложила казавшуюся ей реальной возможность для этого. В специальном лагере в Висбадене подготавливается транспорт во Францию иностранцев, живших там до войны или же имеющих там близких родственников. Соотечественница приготовила для каждого из нас адреса своих родственников и хороших знакомых в Париже, могущих оказать нам содействие. Она готова была оформить для нас необходимые бумаги в Висбаден. Финская легенда в главных чертах оставалась, прибавлялось лишь указание на родственников в Париже. Тут же возник вопрос: как быть с Сергеем? И этот вопрос был разрешим. Соотечественница узнала, что в Штутгарте создан армянский лагерь, куда может направить его.

В первые дни сентября, оставив Сергею велосипеды, чтобы, продав их, он поправил свои финансовые дела, тепло с ним распрощавшись и, выразив надежду, что не навсегда, мы вчетвером - Михаил, оба Саши и я - покинули Нойвид. Ехали поездом, впервые после конца войны; частично железнодорожное сообщение было уже восстановлено. Через пару часов прибыли в Висбаден, пешком добрались до лагеря, размещавшегося в бывших армейских казармах. Предъявив лагерной администрации свои бумаги, получили по шерстяному одеялу и талоны на еду в столовой. Отыскивали в одной из казарм указанную нам комнату, где предстояло поселиться. В комнате находилось несколько кроватей, шкафов, стульев, посредине стоял длинный стол. Лишь на

одной из кроватей лежало смятое одеяло, свидетельствовавшее о том, что на ней кто-то спал. Вскоре появился и жилец, владелец смятого одеяла. Это был белобрысый, с голубыми глазами, веснушчатый, круглолицый парень. Увидев нас, он несколько смутился и прошел к своей кровати. Услыхав нашу русскую речь, насторожился и с любопытством уставился на нас, явно понимая, о чем мы говорили.

- Ты русский? - в упор спросил парня Сашок-большой.

- Не, я испанец... - ответил парень неуверенно.

- Какой испанец? - удивился Сашок-большой.

- Испанский ребенок, - произнес парень.

- Что за ребенок? - под наш общий хохот справлялся Сашок-большой.

- Я ребенок из Испании. Меня привезли в СССР после испанской войны, - в голосе парня зазвучали твердые нотки.

- Умеешь по-испански?

- Но пассанан, пассионария! - нагло улыбнулся парень.

- Брось дурачиться дружище, - подошел к парню смеющийся Михаил. - Конечно, придумал ты ловко. Но ведь обличьем-то не тянешь ты на испанца. Ты кто - тверской, смоленский?

Парень раскололся, признался, что он русский. Но, видимо, не совсем нам доверял, что-то путаное нес о себе. Мы его к откровенности не принуждали и со своей стороны, обменявшись взглядами, условились при нем не распускать языки. Он сказал, что уже записан на транспорт во Францию. Далее его обещали переправить в Испанию, оттуда его, назвавшегося Хозе Гарсия, в Советский Союз не выдадут...

В лагере, куда мы попали, проживало около тысячи иностранцев. Каких только национальностей здесь не было: поляки, латыши, эстонцы, литовцы, венгры, румыны, болгары, чехи, словенцы, бельгийцы, голландцы, сербы, хорваты... Не было, как мы выяснили, до нашего

прибытия, только финнов. В лагере же преимущественно слышалась русская речь. У казарменных ворот круглые сутки дежурили французские солдаты, не обращавшие ни малейшего внимания на входящих и выходящих людей. Внешней охраны не было, а в чугунной ограде, окружавшей казармы, тут и там зияли проломы, через которые часто пролезали желавшие укоротить путь на городскую улицу.

Ближних знакомств мы не заводили, но частенько вступали в разговоры в казарменных коридорах, в столовой, во дворе. Узнали, что на оккупированной западными союзниками территории советскими репатриационными комиссиями повсеместно созданы лагеря, куда зачастую принудительно, под конвоем, свозятся бывшие советские военнопленные и так называемые "восточные рабочие", привезенные немцами из России. Лагеря эти тщательно охраняются, выход из них запрещен. Там спешно собираются этапы репатрируемых, отправляемые в грузовиках или в закрытых товарных вагонах. Из лагерей люди бегут, выпрыгивают по пути из грузовиков и вагонов, при этом увечатся, даже гибнут. В некоторых лагерях свирепствуют прибывшие из советской зоны оккупации энкаведисты. Ими оборудованы специальные помещения в подвалах, наподобие тюрем, где подозреваемых в сотрудничестве с немцами день и ночь допрашивают, пытаются. Многих убивают, а трупы вывозят в ящиках на советских военных грузовиках, бесконтрольно курсирующих между советской и западной зонами оккупации. У нас не было оснований сомневаться в правдивости этих сообщений.

На второй или третий день по прибытии в Висбаден нас вызвали в канцелярию лагеря для оформления транспортных бумаг во Францию. Две весьма несимпатичные девицы, говорившие по-немецки с сильным французским акцентом, принялись заполнять на нас анкеты, не скрывая своего недоверия к тому, что мы

говорили. Часто переспрашивали, задавали вопросы, которых определенно не было в анкетах.

Мы стояли у высокой, наподобие магазинного прилавка, перегородки. Михаил, нервничая, крутил в руках свой бумажник. Вдруг из него выпала какая-то небольшая картонка и упала по ту сторону перегородки, где находились обе девицы. Одна из них подняла картонку и, рассмотрев написанное на ней, зло засмеялась.

- Значит вы - советский солдат и были в плену у немцев, - холодно сказала она Михаилу и добавила, - все вы, конечно, тоже.

В руке она держала стандартную карточку, которую получали при регистрации в лагере военнопленные. На карточке указывался номер лагеря, имя, фамилия и регистрационный номер пленного. Мы молчали. Девица же вышла из канцелярии и минут через пять возвратилась с молоденьким французом-лейтенантом. Тот на прекрасном немецком языке сказал, что не понимает нашего желания ехать во Францию в то время, как нас ждут на родине, в России, родные, близкие, и предложил нам следовать за ним.

Лейтенант провел нас через коридор в комнату, где полукругом перед длинным, покрытым темной скатертью столом стояло в три ряда дюжины две стульев. Предложил сесть в первый ряд, а сам вышел в смежную комнату, прикрыв за собою дверь. Вскоре эта дверь раскрылась и в ней появилась грузная фигура в советской военной форме с полковничьими погонами на плечах, орденскими планками на одной стороне груди, орденом Красной Звезды, гвардейским знаком и парой каких-то мне неизвестных значков на другой. За полковником вошел советский капитан, за ним - девушка-лейтенант.

"Конец всему", - мелькнуло у меня в голове. Полковник, пройдя к середине стола с противоположной от нас стороны, улыбнулся и пробасил:

- Здравствуйте, товарищи!

Мы не ответили. Вслед за советскими офицерами, усевшимися за столом, появился приведший нас француз, которого сопровождали трое французских военных.

- Что же вы такие неприветливые? К вам с открытой душой, с готовностью помочь, а вы будто дикари. Нехорошо, товарищи, - с упреком, но добродушно произнес полковник.

Капитан вынул из кармана гимнастерки блокнотик. Девушка-лейтенант подсунула полковнику какой-то листок. Взглянув на него, полковник обратился к нам:

- Познакомимся. Я полковник ... - он назвал фамилию, которая не запомнилась. Показывая на капитана и девушку-лейтенанта, назвал и их, тоже не запомнившиеся фамилии. А как Ваша фамилия? - обратился он к Сашку-маленькому.

- Белюси, - ответил тот.

- Белюси? - переспросил полковник и, взглянув на бумажку, сказал: значит, по-русски Белоусов.

Мы поняли, что скрывать фамилии глупо. Они написаны на бумажке, подсунутой девушкой-лейтенантом, полученной, вероятно, из лагерной канцелярии.

"Познакомившись", полковник начал "беседу". Говорил только он. Сказал же примерно следующее. Страх наш перед возвращением на родину неуместен. Сейчас, после победного окончания войны, в которой страна потеряла миллионы своих защитников, героически павших в боях с подлыми захватчиками, никто мстить нам не собирается, ибо нужны люди. Как бы между прочим он заметил, ни слова не обронив о РОА, что Власов сдался добровольно и по нынешним временам даже он и его ближайшее окружение получают лишь небольшие сроки. Всех остальных, кто поддался на его обман, ждет помилование. Нам же повезло особенно, поскольку мы можем не только полностью реабилитировать себя, но и заслужить благодарность родины, если честно поможем полковнику. Он послан в Висбаден начальником советской репатриационной комиссии генералом Голиковым для создания здесь лагеря для советских гражд-

дан, находившихся в плену или вывезенных насильно немцами на работу. В Висбаден полковник приехал сегодня впервые, тут у него никого нет, на кого бы он мог опереться, выполняя полученный приказ. Он рад, что случайно встретился с нами, и поскольку с первого взгляда мы ему понравились, предлагает нам сотрудничать с ним. Пристально взглянув на меня, он, почти приказывая, сказал:

- Вас, товарищ Красовский, назначаю начальником лагеря. Друзья Ваши, которым Вы, конечно, доверяете, будут Вашими помощниками.

Я ответил, что отказываюсь от такой чести.

- Ничего, подумаете хорошенько и согласитесь, - улыбнулся мне полковник.

После этого мы вынуждены были прослушать нечто вроде доклада на актуальные политические темы. Полковник, будто читая "Блокнот агитатора", проговорил с полчаса. Бросив вскользь взгляд на моих друзей, я увидел, что они смотрели в окна за спиной полковника и каждый думал свою мрачную думу.

Кончилось "собеседование" обещанием полковника прибыть на следующий день с гостинцами родины - свежими газетами и журналами, папиросами, водкой и закуской. Предложил серьезно поразмыслить над его предложением и предупредил, посмотрев пристально на каждого, что попытка к бегству не имеет смысла - нас найдут и на дне морском. Пожелав нам всего доброго, удалился со своим сопровождением. За ним вышли и французы.

Минут с десять мы просидели одни в комнате. Молчали, лишь знаками показывали друг другу, что попали как кур в ошип. Вернулся лейтенант-француз, сказал, что нам не следует отклонять предложение такого обворожительного человека, каким, по его мнению, является русский полковник. Я не выдержал и очень взволнованно начал объяснять французу, что он совершил величайшую подлость в своей жизни, выдав

нас на смерть. Француз всерьез удивился такому обвинению, и завязалась вторая беседа.

Я объяснял, а друзья поддерживали, расширяя, углубляя аргументацию, что такое РОА, что такое коммунизм и почему мы против него, за что и должны быть убиты. Француз, сидя на столе, изредка задавал вопросы. Закончилась беседа заявлением француза о его намерении исправить допущенную по наивности ошибку. Он признался, что советский полковник просил его принять меры для предотвращения нашего побега, но теперь он, конечно, ничего в этом плане предпринимать не намерен. То, что мы услышали после этого, прозвучало невероятно. Француз предложил, чтобы мы ночью бежали из лагеря через дыры в ограде, а утром, после окончания комендантского часа, поехали в город Майнц. Там дядя француза возглавляет какое-то важное учреждение французской военной разведки и определенно поможет нам выехать во Францию. Тут же француз написал записку своему дяде и дал адрес учреждения, которое нам следует разыскать, чтобы вручить записку. Не удивлюсь, если кто-либо, читающий эти строки, не поверит мне, но все рассказанное могу подтвердить документально.

Собрав свои пожитки и предупредив "испанского ребенка", что в лагере завтра может появиться репатриационная комиссия и чтобы он об этом везде раззвонил, легли передохнуть перед полночью, когда решили уходить. Соблюдая осторожность, с оглядкой, по одному через дыру в ограде выбрались из расположения казарм и залегли на близлежащем пустыре, поросшем густой высохшей травой. На рассвете, увидев первых пешеходов, пошли маленькими улочками к вокзалу.

На пригородном рабочем поезде доехали до остановки Майнц-Кастель, что напротив Майнца на другом берегу Рейна, и оттуда по понтонному мосту, рядом со взорванным железобетонным, перешли реку. Очутившись в Майнце, разыскав улицу и дом, где размеща-

лось учреждение дяди лейтенанта-француза, переждали до 8 часов утра, после чего сунулись в показанный нам кабинет.

Пожилая секретарша, хорошо говорившая по-немецки, француженка, с удивлением посмотрела на нас, а прочтя записку, спокойно сказала, что ее шефа еще нет и когда он явится - неизвестно. Предложила ждать его в коридоре, где стояло несколько стульев. Ждали более двух часов. Увидев французского офицера с хмурым и злым лицом, прошедшего не особенно твердой походкой в кабинет, решили, что это и есть нужный нам дядя, и не ошиблись. Из-за двери услышали хриплый крик, резавший слух и не предвещавший ничего доброго. После прекращения крика секретарша пригласила нас войти. Провела через свою комнату и открыла дверь в помещение начальника. Тот, видимо, в состоянии тяжелого, мутящего душу похмелья, сидел боком за письменным столом. Увидя нас, он закашлялся и зашелся невероятным криком, смысл которого мы, конечно, не понимали. Накричавшись почти до икоты, взял записку своего племянника, долго читал ее, сказал что-то секретарше, а в нашу сторону сделал знак рукой, явно означавший, чтобы катились ко всем чертям собачьим.

Выскочили из кабинета, вслед за нами секретарша, сказавшая, чтобы мы не уходили далеко, добавив, что не так страшен черт, как его рисуют. Перед тем, как мы вышли, она записала наши фамилии, имена и прочие данные. После продолжительного ожидания секретарша вручила каждому из нас по документу на официальном бланке военного правительства с круглой печатью и подписью, над которой было написано: "Лейтенант Ватин, начальник Майнцкого отдела безопасности Военного Правительства". Конечно, по-французски, но столько, особенно черным по белому, на бумаге, мы могли понять. Документ свидетельствовал о том, что предьявитель его направляется в город Шпейер, чтобы оттуда следовать во Францию.

Выйдя на улицу, оправившись от пережитого очередного чуда, почувствовав голод, подумали, что хотя у нас еще имелся неприкосновенный запас продовольствия, недурно бы получить на дорогу подкрепление. Вспоминая это далекое прошлое, не могу отделаться от мысли, что в те минуты мы находились в состоянии азартных игроков, которым баснословно повезло, и обнаглели. Вернулись к двери, ведущей в берлогу льва. Вошел я, оставив в коридоре друзей, и очень вежливо объяснил секретарше, что у нас нет еды. Она скрылась за дверью кабинета лейтенанта Ватина, и тотчас я услышал дикий рев. Когда он стих, секретарша вышла и, написав пять записок, сказала, что на них нам в подвале дома выдадут продовольствие...

Из Майнца в Шпейер ехали хлопотно и долго, хотя расстояние между этими городами пустяковое. Несколько раз пересаживались из поезда в поезд там, где движение прерывалось перед взорванными и еще не восстановленными мостами. В Шпейере явились в небольшой лагерь при занятых французами казармах. Нам объяснили, что отсюда мы попадем лишь в Страсбург, где окончательно оформляются документы на въезд во Францию, и выдали проездные бумаги.

К французскому военному поезду в Париж в Шпейере прицеплялся вагон до Страсбурга, для гражданских лиц. В этом вагоне поехали и мы. Поезд тронулся далеко за полночь, в пути несколько раз останавливался и долго стоял на остановках. Рано утром остановился у вокзальчика станции на французской территории, о чем свидетельствовали не только надписи, но и несколько стоящих на перроне жандармов. Из здания вокзальчика вышел высокий офицер, бросил взгляд вдоль поезда и направился, сопровождаемый одним из жандармов, прямо к нашему вагону. Войдя в вагон, что-то сказал по-французски, и все ехавшие стали доставать проездные бумаги. Достали и мы наши бумажонки. Подойдя к нам офицер вновь что-то сказал по-французски. Обнаружив, что мы не поняли его вопроса, взял наши бумаги и, не

посмотрев в них, сделал знак, чтобы мы выбирались из вагона. На наши вопросы по-немецки - почему? куда? - ответа не последовало. Как только ступили на перрон, по зову офицера к нам подбежали два жандарма. Провели через вокзальчик, вывели на улицу, в конце которой находилось серое мрачноватое здание жандармерии, где нас, ничего не объясняя, затолкнули в темную камеру с зарешеченным окошком под потолком.

Через несколько часов дверь в камеру открылась и два жандарма повели нас к вокзальчику. Когда к перрону подошел поезд, идущий в обратном направлении, и нам приказали лезть в вагон - все стало ясно. Криками, жестами мы требовали возвращения бумаг, взятых у нас офицером. Жандармы пожимали непонимающе плечами, заталкивая нас в вагонную дверь, а когда поезд тронулся, проехали метров пятьдесят и спрыгнули с подножки на перрон. Через несколько минут мы ехали снова по немецкой земле...

Вернувшись в Шпейер, откуда за день до того отправились в путь, рассказали о случившемся с нами, что никого особенно не удивило. Нам предложили снова ехать в Майнц для получения документов, не возвращенных жандармским офицером. Без этих документов нам, якобы, не могли выдать бумаги в Страсбург. Впали в уныние, вспоминая орущего лейтенанта Ватина, но иного выхода не было.

Секретарша буйного лейтенанта выслушала нас спокойно, сказала, что начальник ее в кабинете, и пошла доложить о нашем приходе. Донесшаяся из-за двери ругань по громкости и продолжительности значительно превосходила все слышанное ранее. Возникла догадка, что на сей раз лейтенант Ватин орет не с похмелья, а от того, может быть, что не менее суток ничего в рот не брал. Но снова все кончилось хорошо. Получили такие же удостоверения, как и в прошлый раз, но вместо четырех всего два пакета с продовольствием. Когда, поблагодарив секретаршу, уходили из ее комнаты, она сказала вдогонку:

- Больше не являйтесь. Лейтенант сказал, что если увидит вас еще раз - перестреляет всех, как кроликов.

В Шпейере получили снова дорожные бумаги в Страсбург. Стали выяснять, есть ли иная возможность попасть во Францию, нежели уже испробованная. На вокзале кто-то сказал, что можно ехать из Гермерсгейма. До этого маленького городка добирались два дня. Часа в четыре ночи к пустынной станции подошел парижский поезд. Нам указали на последний вагон. Разместились, глубоко вздохнули, обрадовавшись, что снова в пути и, может быть, на сей раз благополучно доедем, и задремали. Утром, подъезжая к какой-то станции, смахнули дремоту и буквально окаменели от ужаса: в окне было видно знакомое белое здание вокзальчика, откуда пару дней назад нас выдворили французские жандармы.

- Все дороги ведут в Рим, - мрачно произнес Михаил.

На перроне стоял знакомый жандармский офицер. Мелькнула шальная мысль: запереться в уборной. Но, увидев, что к офицеру подбежали несколько французских солдат, замешкались с выполнением этого, в сущности, глупого намерения. Что-то рассказав офицеру, солдаты вместе с ним пошли к вагону, в котором они ехали. Видимо, там что-то произошло. Каждый из нас уставился на свои часы. Мне казалось, что секундная стрелка прилипла к циферблату. Когда я, буквально физически ощутил, что еще одно мгновение - и силы внутреннего напряжения разорвут меня на мельчайшие кусочки, вагон вздрогнул и мы поехали. Увидев в окне стоявшего на перроне офицера, прощально махавшего рукой вслед уезжавшему вагону с солдатами, я крикнул: ложись! - и грохнулся на пол. Рядом распластались остальные. Через минуту, приподняв головы и увидев в окне мелькавшие кроны деревьев, сели на свои места...

*

В Страсбурге к нашему вагону подошли два солдата, один из которых говорил по-немецки. Просмотрели наши документы и предложили следовать за ними. Кроме нас, в Страсбург прибыли еще десять-двенадцать мужчин разного возраста и две молодые женщины с детьми. На привокзальной площади нас ожидал военный грузовик со скамейками для сидения в кузове. В нем нас повезли по улицам города, глядя на которые, я припомнил пушкинское: "и страсбургский пирог нетленный...". Приехали к казармам на окраине города, у одной из которых, огороженной колючей проволокой, грузовик остановился. Всех мужчин, кроме двух, вероятно мужей тех женщин с детьми, провели через ворота в ограде, охраняемые часовыми, и ввели в казарму с зарешеченными окнами. Мы снова оказались в тюрьме.

В большом казарменном зале, уставленном железными койками, солдат указал на несколько свободных, где мы могли устраиваться "как дома". Потом пришел унтер-офицер и переписал наши фамилии. Дверь в помещение, куда нас определили, запиралась снаружи, а когда оставалась открытой - возле нее стоял солдат и никого не выпускал. В помещении было примерно сорок мужчин разного возраста и разного вида, разных национальностей. Языком общения был немецкий очень примитивного бытового уровня. В столовую водили строем французские солдаты и внимательно присматривали за всеми во время еды, а при выходе из столовой пересчитывали. С едой можно было мириться, вволю давался вкусный белый хлеб, а за ужином каждый получал полбутылки красного вина. Кое-кто изрядно накачивался, выпивая порции непьющих товарищей.

Из разговоров с сокамерниками узнали, что все здесь находящиеся прибыли из Германии, у каждого своя причина, о которой не каждый распространялся, заставившая пробираться во Францию. Некоторые сидели по три-четыре недели. Ежедневно несколько чело-

век уводили с вещами и они не возвращались. Никто толком не знал, куда их отправляли. Михаил совершенно ослабел. Отоспавшись, оба Саши и я пришли в себя, а бедняга Михаил, непрерывно кашляя, говорил, что силы оставляют его. Втроем мы решили, что при первой возможности будем требовать врача.

На третий день унтер-офицер выкрикнул наши четыре фамилии. Вывел за ограду из колючей проволоки и повел через казарменный двор к небольшому дому, где размещались штабные службы. В комнате, по-казарменному даже уютной, стояло несколько мягких кресел, два дивана, небольшие столики. На стенах портреты Де Голля и каких-то других французских генералов, красочные плакаты, прославляющие героизм французской армии.

Нас встретил молодой, веселый офицер. Получив отрицательный ответ на вопрос о нашем знании французского языка, заговорил по-немецки, предложил садиться в кресла вокруг низенького столика. На столик поставил бутылку вина, налил пять рюмок. Такого радушного приема мы, конечно, не ожидали, но помнили: где мягко стелют, там порой приходится жестко спать. Кто-то из нас завел пластинку с финской легендой. Офицер весело рассмеялся и попросил не вешать ему лапшу на уши, ибо он о нас кое-что знает. Знал же он, что мы офицеры РОА и ищем спасения. Не оставалось сомнений, что сведения эти получены им из Майнца, куда явно вслед за нами пришел рапорт племянника грозного лейтенанта.

Без обиняков офицер перевел разговор на тему о нашем спасении. Оно, по его мнению, было возможно только в том случае, если мы подпишем обязательство о службе во французском иностранном легионе. Предложение казалось заманчивым, хотя кое-что об условиях службы в этом знаменитом соединении каждый из нас знал. Однако, французский иностранный легион не входил в наши планы.

Офицер перечислил преимущества службы в легионе, подчеркнул, что после пяти лет в строю автоматически получим французское гражданство, показал альбом красочных фотографий, снятых в будничные и праздничные дни легиона. Я сказал, что один из наших друзей серьезно болен, и прежде чем мы примем какое-либо решение, хотим обождать его выздоровления. Так что прежде всего нужен врач. Офицер согласился и, вызвав по телефону солдата, приказал ему провести Михаила в санчасть. После ухода Михаила он распрощался с нами и, сказав, что разговор перенесем на следующий день, попросил, чтобы о содержании нашей беседы мы не распространялись в казарме. Возвратившийся Михаил сообщил, что его осмотрел фельдшер, дал какие-то таблетки, но о характере заболевания ничего не сообщил.

Прийдя в казарму, мы долго совещались. Михаил молчал и, лежа на койке, грустно смотрел в потолок. Приняли решение твердо настаивать на серьезном врачебном обследовании друга и при необходимости - на помещении его в госпиталь. Михаил произнес лишь слабым голосом:

- Не оставляйте меня, ребята.

Мы пообещали, что ни при каких обстоятельствах его не бросим. Уже на второй день по прибытии в Страсбург, присмотревшись к окружавшим нас в камере людям, мы подумали, что среди них было немало русских, скрывавших свою национальность, переменивших фамилии. Этим и объяснялась предельная осторожность при общении друг с другом. Теперь сомнения не было: большинство наших сокамерников были и нашими соотечественниками. Как и мы, спасая жизнь, различными, неведомыми, нелегкими путями добрались они сюда и ждут так же, как и мы, что с ними будет. По всей вероятности, большинство исчезнет во французском иностранном легионе.

На следующий день на встречу с офицером явились втроем. На его уговоры подписать уже приготовленные

бумаги не поддались, хотя он обещал, что после этого он позаботится о Михаиле. Поставили вопрос ребром: или ему будет оказана немедленная медицинская помощь - или же мы наотрез отказываемся поступать на службу в иностранный легион.

На несколько дней нас оставили в покое. Михаила еще раз водили в санчасть, где его осмотрел военный врач, тоже ничего определенного не сказавший. После этого состоялась новая встреча с офицером, повторившим предложение о подписании обязательства и обещавшим, что после этого нашего друга отправят в госпиталь. Мы отказались. Вскоре нас четверых вызвали с вещами. Подвезли на грузовике к вокзалу. В сопровождении французского солдата, непрерывно угощавшего нас крепчайшими сигаретами, сели в поезд. Едва отъехали от вокзала, как увидели, что переезжаем по мосту реку. Это был Рейн - граница между Францией и Германией. Поезд остановился у вокзала с немецкой надписью - Оффенбург. Вместе с солдатом вышли на перрон. Тот, знавший десятка два немецких слов, долго извинялся перед нами, что вынужден выполнять очень неприятный ему приказ; но что поделаешь, такая доля солдатская; отдал нам все свои сигареты и, пожелав счастья и удачи, полез в вагон поезда, тронувшегося в обратном направлении.

Присели в скверике на привокзальной площади. Ничего лучшего не придумали, как обратиться за помощью во французскую военную комендатуру. В этом учреждении нас принял весьма тучный, видимо, хорошо пообедавший и в прекрасном настроении, офицер. Выслушав нашу финскую легенду, он велел секретарше куда-то звонить по телефону, и та, после нескольких переговоров, сказала, что вскоре из Гамбурга идет морской транспорт в Финляндию, на который мы успеем попасть. Тут же нам оформили проездные бумаги из Оффенбурга в Гамбург как возвращающимся на родину финнам. Офицер размашисто подписал бума-

жонку, разрешающую нам ночевать во французских казармах.

Поместили нас в здании, где находились хозяйственные службы, в пустой комнате, неподалеку от кухни. В кухне же предложили поужинать. Разбитной повар, глубоко уверенный в своей неотразимости для слабого пола, не обращая на нас внимания, настойчиво флиртовал с двумя смазливymi немками-судомойками. Когда он слишком увлекался и давал волю рукам, немки отчаянно, но явно одобрительно визжали, он же закатывался грохочущим хохотом. Поужинали на славу, с вином. На десерт нам поставили на стол огромную консервную банку, литров на пять, которую пришлось открывать самим, с прекраснейшим калифорнийским компотом из персиков. Никогда в жизни я не съедал в один присест столько компота, как тогда.

В отведенной нам для сна комнате было три окна, выходивших на казарменный двор. Подошедший к одному из них Сашок-маленький вдруг воскликнул:

- Ребята, смотрите!

В его руках мы увидели четыре пачки масла в знакомой стандартной немецкой упаковке. Пачки масла Сашок-маленький обнаружил под подоконником на батарее еще не включенного водяного отопления. На вопрос - как могло очутиться масло на батарее? - вскоре мы получили ответ.

Дверь в комнату распахнулась, вошел мужичишко в гражданской одежде. Целеустремленно шагнул к окну, пошарил под подоконником и спросил по-немецки:

- Вы что-нибудь находили здесь?

Не реагируя на наш отрицательный ответ, мужичишко тут же выскочил вон. Видимо, это был кухонный работник, воровавший продукты. Смеясь, мы посочувствовали пострадавшему, но считали, что в данном случае нам масло нужнее, чем ему. Ведь завтра он снова украдет достаточно для себя и для черного рынка.

Долго не спали. Решали, как быть дальше. Поездка в Гамбург, тем более для "возвращения" в Финляндию,

MAYENCE, le 17 Septembre 1945

ORDRE DE MISSION.

Le nommé Krenowski Oleg, né le 9-12-1912 à Wilma (Finlande), appartenant à l'Armée Russe, est autorisé à se rendre à Spire, pour être soigné au Centre de rapatriement, en vue de son retour en France.

Le présent ordre de mission donne droit à la gratuité du voyage.

Le Lieutenant WATIN
Officier de Sécurité Publique
du G.M. de Mayence



Направление из Майнца во Францию

**Centre de Rapatriement des Prisonniers
Déportés et Réfugiés d'Offenbourg
QUARTIER MONTALÈGRE**

M. Krenowski Oleg (Finlandais)

est autorisé à se rendre à Hambourg
joindre le camp de rassemblement
il devra rentrer au quartier le 2

Hambourg 1115

Hafentor 23

Le Capitaine JACQUEMIN R.

Commandant le Centre



Направление из Оффенбурга в Гамбург

нас, конечно, не устраивала. Куда же податься? Вспомнили, что в Висбадене слыхали о скоплении русских в Мюнхене и в разных местах юго-восточной Баварии. "Испанский ребенок" говорил, что там были лагеря, где находились взятые в плен американцами власовцы. Наша тактика избегать по возможности мест скопления соотечественников до сих пор себя оправдывала, но в сложившейся ситуации казалось необходимым изменить ей. Решили двигаться на восток, хотя проездные бумаги были в Гамбурге.

Гамбургское направление нас не смущало. Железнодорожный транспорт восстанавливался в Германии медленно. Поезда ходили лишь на небольшие расстояния, от одного более менее крупного города до другого, да и то часто с пересадками у разрушенных мостов. Билеты продавали лишь тем, кто имел специальное разрешение от оккупационной администрации. Такие, как мы, ездили вообще без билетов, которые заменялись соответствующими бумагами той же администрации.

Созрел план действий на ближайшие дни. Из Оффенбурга доезжаем до Карлсруэ. Оттуда едем не на север, а садимся в поезд, идущий на восток. Пересаживаясь по мере необходимости из поезда в поезд, доберемся до Мюнхена. Понятно, что проводники при проверке билетов, видя перед собой иностранцев, станут объяснять, что едем мы в неправильном направлении. Но это - не страшно, будем делать вид, что ни слова по-немецки не понимаем, и на нас махнут рукой. Ведь ни один немец теперь не осмелится высадить из поезда иностранцев.

Встали с казарменным подъемом. Получили на кухне утренний кофе - чуточку кофе и много молока, хрустящие свежие булки, нам даже разрешили доесть оставшийся в банке с вечера персиковый компот; выпросили у повара харчей на дорогу и отправились в путь. На вокзале выяснили, что надо садиться в поезда,

идушие в направлении Штутгарта, а это означало, что после Карлсруэ поедем вместо севера на восток.

В поезде из Карлсруэ, как и предполагали, кондуктор долго объяснял нам, что едем не в том направлении, какое указано в бумагах. Показал даже карту железных дорог Германии, несколько раз тыкал пальцем в кружочек с надписью - Гамбург - и растолковывал, что туда не попадем, что нужно с первой же остановки возвращаться в Карлсруэ. Мы упорно делали вид, что ничего не понимаем. На первой остановке прибежал кондуктор и повторил, что не туда едем. Увидев, что мы непробиваемы, и, видимо, только сейчас окончательно убедившись в правоте нацистской пропаганды относительно почти животного примитивизма иностранцев, кондуктор покачал головой и удалился.

Спокойно проехав километров сорок до конечного пункта следования поезда, вышли на станции Брухзаль. Тут идущего в Штутгарт поезда пришлось ожидать несколько часов. На вокзале была открыта парикмахерская, где мы по еще военному прејскуранту, то есть за гроши, смогли не только постричься, но даже побриться и приобрели весьма цивилизованный внешний вид.

До Штутгарта мы не доехали. Поезд остановился в Людвигсбурге, где проводник объявил, что оставшиеся до Штутгарта десять километров нужно ехать пригородной электричкой. Поразмыслив, учитывая поздний час и что следует своевременно позаботиться о ночлеге, решили остаться здесь.

Вышли на привокзальную площадь и удивились множеству прогуливавшихся по ней людей. Был превосходный, удивительно теплый, осенний вечер. Площадь освещалась электрическими фонарями, под которыми по кругу, парами, группками, медленно шествовали оживленно беседовавшие люди. Слышался шум шаркающих об асфальт подметок, гул голосов, там и тут веселый смех. Прислушались и в разноголосье различили, помимо польской, русскую речь. Подойдя к проходившей мимо группке говоривших по-

русски людей, узнали от них, что судьба занесла нас в город, где создано несколько крупных лагерей, в которых жили более десяти тысяч иностранцев. Лагерная жизнь регулировалась администрацией международной организации УНРРА, опекавшей всех иностранцев в послевоенной Германии. Здесь были польские, чешские, украинские лагеря. В лагерях этих нашло пристанище множество людей, говоривших между собой по-русски, но утверждавших, что в России они никогда не жили. Наши собеседники, смеясь, заявили:

- Мы не русские, мы поляки!..

Развитие и взаимосвязь последующих событий определили город Людвигсбург местом моего постоянного жительства на несколько последовавших за 1945 годом лет.

(Продолжение следует)

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

«V E C H E»
P. O. Box 68
Flushing Sta. Midd. Vill.
N. Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 331-0265

**Просьба оформлять подписку на «Вече»
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство.**

**Стоимость подписки на 1 год
(«Вече» и «Литературное приложение»)
40 американских долларов**

**Доплата за пересылку
воздушной почтой 14 ам. долларов.**

**Цена одного номера «Вече» с
«Литературным приложением» 12 ам. долл.**

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

«В Е Ч Е»

**Независимый русский альманах
«Вече» с «Литературным приложением»
выходит 4 раза в год**

Условия годовой подписки:

в Европе	70 НМ
в США и др. заокеанских странах	40 ам. долл.
в СССР	60 рублей.

Пересылка простой почтой, в СССР – заказной бандеролью.

Доплата за пересылку воздушной почтой:

в США и Канаду	10 ам. долл.
в Лат. Америку, Африку, Азию	12 ам. долл.
в Австралию и Новую Зеландию	14 ам. долл.

Цена отдельного номера с приложением 20 НМ или
12 ам. долл. (в СССР 15 рублей)

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Желаю оформить годовую подписку на альманах «Вече»
с приложением, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

Заполненный талон, направлять:

Frau V. Dreving (für «Veche»),
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, West-Germany

Чеки выписывать: Russischer Nationaler Verein e. V.

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**